
Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2024

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей МИХЕЕВ. О миграционной политике	3
Людмила БРАГИНА, Олег РОМЕЙКО. Бремя русского приграничья	81
Ростислав ИЩЕНКО. Украина как инструмент Запада	142
Игорь РОМАНОВ. Не пора ли проснуться?	147
Владимир АЗАРОВ. Покончить с новой Хазарией	172

ПРОЗА

Андрей МАРКИЯНОВ. Вернуться к себе. Повесть.	21
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Два рассказа	89
Алексей ПОПОВ. Осенние дни. Рассказ	152

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Младший брат. Стихи	71
Владимир АРХИПОВ. Рябиновый огонь. Стихи	132
Валерий ФАТЕЕВ. Песня ветра и волны. Стихи	138
Олег МОШНИКОВ. О, Время, не спеши! Стихи	163
Вита ПШЕНИЧНАЯ. Пока мы живы. Стихи	167

СИМВОЛ ВЕРЫ

Олег ЧЕРВЯКОВ. **Каин и Авель** 182

ЛАРЕЦ

Андрей ПЛАТОНОВ. **В сторону заката солнца**. Рассказ 192

РУССКИЙ ВОПРОС

Евгений ЕВТУШЕНКО. **Суперэтнос или «многонациональный народ»?** 201

Андрей СОШЕНКО. **Мигрантам нужна власть** 214

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **«Отцы» Первой мировой** 219

ПАМЯТЬ

Лина МКРТЧЯН. **Два голоса ушедшей эпохи** 227

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Николай БАШМАКОВ. **Пора воевать всерьёз** 237

Владимир БОЛЬШАКОВ. **План раздела России** 242

Андрей СОШЕНКО. **Зелёные бунты на «зонах»** 245

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**. Размышления
и воспоминания. Продолжение 248

ИСКУССТВО

Михаил КОВАЛЁВ. **Соврискус** 256

КРУГ ЧТЕНИЯ

Николай ГАВРИЛОВ. **Из гвардии сильнейших** 277

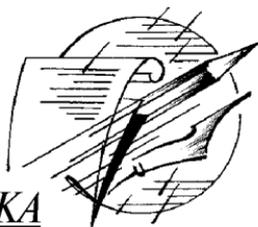
Содержание журнала за 2024 год 282

О МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Для того, чтобы действительно трезво проанализировать ситуацию, создавшуюся в сфере миграции (как и в любой другой сфере), необходимо, прежде всего, отказаться от применения при рассмотрении данного вопроса большого количества мифов, симулякров и пропагандистских клише, которые в изобилии сопровождают и другую современную проблематику. Причём, некоторые из них изначально и породились именно как симулякры. Но в последствии их авторы стали верить в них как в реальность. В противном случае вместо трезвого анализа ситуации будет самообман, а вместо реальных путей выхода — дорога к тяжёлому кризису.

Нынешняя миграционная политика, как и другие основы постсоветской государственности России, формировалась в 90-е годы (и продолжает базироваться) на нескольких весьма спорных (а иногда откровенно ложных) основаниях.

1. «Опыт западных (США, ЕС и прочие) стран показывает, что максимальная открытость — это хорошо во всех отношениях. Доказательство — Российской империи нет, СССР распался, а Запад процветает».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Начнём с того, что нынешняя миграционная политика не имеет аналогов в истории России и (как и многое другое в нашей действительности) является следствием фактической потери суверенитета после распада СССР. Абсолютная вторичность в подходах, почти полная зависимость от внешнего (в первую очередь западного) влияния, внутренняя убеждёность и внешнее согласие с подчинённой ролью России, лояльность к идеологии западного глобализма, отказ от собственного исторического опыта и признание его ущербности — вот те обстоятельства и тот идеологический фон, которые фундаментальным образом повлияли на создание основ постсоветской государственности России во всех сферах жизни. **Включая и формирование миграционной политики, которая по факту полностью вписывается именно в теории западных глобалистов, а не кого-то ещё.** Перемешивание наций до полной потери цивилизационной идентичности под предлогом создания некой новой идентичности, размывание национальных суверенитетов, максимальная свобода трансграничного передвижения трудовых ресурсов, а главное — денег. В перспективе превращение мира в некую разноцветную «кашу», где идентификация будет проходить не по принципу государственного суверенитета, а по соображениям в первую очередь экономического характера. Естественно, с идеологической и культурной доминантой массовой культуры западного, по сути, образца (формы могут внешне варьироваться на уровне разнообразия туристических сувениров и блюд национальной кухни).

Глобалистские и мессианские теории в западной традиции имеют разные формы — левые (например, марксизм), правые и прочие. Это вопрос отдельного исследования. Но в данном случае важно другое — если в 90-е и «нулевые» западную практику в этой сфере ещё как-то можно было представлять как якобы успешную, то сейчас очевидно, что политика мультикультурализма и неограниченной миграции полностью провалилась. И это становится реальной угрозой как минимум для стабильности, а как максимум для существования современного Запада, у которого фактически нет работающих рецептов того, как с этим справиться. Мигрантские сообщества не хотят ассимилироваться, несмотря ни на какие пособия, гуманитарные программы и прочие усилия. Они агрессивно борются не просто за права, а за какие-то особые права, создают фактически государства в государстве, живущие по своим законам. По сути, мигрантская субкультура на Западе (особенно в Европе), это **сплав радикального этнического национализма, религиозного экстремиз-**

ма и осознанно антисоциального, криминального способа жизни. Всё это помножено на двойную лояльность — они живут на Западе и пользуются его благами, но сами себя ассоциируют с теми странами, откуда когда-то приехали. И при любой возможности это агрессивно демонстрируют.

Нам, конечно, не было бы никакого дела до их проблем, если бы концептуально идеология нашей миграционной политики не была во многих отношениях калькой с западного подхода, перенятого на заре постсоветской государственности. И даже хуже того — наша миграционная политика ещё свободнее, чем западная, так как она, в отличие от западной, **беспрецедентно облегчила получение мигрантами гражданства**, что на Западе сделать гораздо сложнее. С начала 90-х, вероятно, выданы миллионы паспортов с нарушением законодательства или по весьма сомнительным основаниям. Такого нет и никогда не было нигде в мире. Несомненно, эту практику нужно прекращать. А в идеале — пересмотреть факт получения гражданства по всем сомнительным эпизодам. Иначе, судя по динамике внутрироссийских процессов, результаты таких подходов в итоге будут примерно теми же, что и в Европе. Или ещё хуже.

2. «Мигранты хорошие, а коренное население плохое и вся проблема в его косности. Соответственно, работать надо в первую очередь с коренным населением — заставлять его меняться и приспособливаться под новую действительность».

Совершенно очевидно, что и это калька с либеральных западных методик (в первую очередь европейских). Но на самом Западе эти методики не дали, по сути, ничего, кроме обострения социально-экономических, межнациональных и межрелигиозных проблем. Перспектив улучшения ситуации пока не наблюдается. При этом обычно вопрос — «а зачем так надо, в чём именно конечная цель необходимости таких изменений?» — чёткого ответа не имеет. «Так надо для светлого будущего». В чём оно состоит, когда оно будет и где гарантии, что оно действительно будет светлое — на эти вопросы западные методики не отвечают. В сухом остатке остаётся такой ответ — «Мы (правящая элита) лучше знаем, что вам надо, а что нет». Можно, конечно, и так отвечать на эти вопросы. Но реальная ситуация «на земле (на улицах)» каждый день неизбежно будет опровергать эти лозунги, потому что действительность будет сильно отличаться от официальной пропаганды.

Один из результатов этого — **отчуждение коренного населения от государства и государства от коренного населения.** Проще говоря, постепенно назревающий конфликт государства

с большинством своего же населения. Тенденция самоубийственная, если её вовремя не осознать. И может стать так, что на каком-то этапе уже ни экономические, ни пропагандистские, ни репрессивные доводы эту тенденцию не останавливают.

В конкретных геополитических условиях в России это усугубляется тем, что межнациональную и межконфессиональную напряжённость, потенциальный сепаратизм наши враги готовы использовать для раскачивания ситуации. Но если с Европой и США не работают никакие внешние силы, то с Россией, перенявшей ещё в 90-е западные подходы к миграционной политике, работают все, кто заинтересован в её ослаблении — и на Западе, и на Востоке, и на Юге. В этой ситуации тем более глупыми выглядят повторения «заклинаний», списанных из западных же методик по решению миграционных проблем. Может быть, эти «заклинания» от врагов нарочно именно такие — система аргументации, неизбежно ведущая к смысловым тупикам и росту конфликтности? А преодолеть этот парадокс не хватает сил, в том числе из-за сохраняющейся несuverенности мысли?

То есть современная миграционная политика по внутренне присущим ей причинам неизбежно создаёт почву для роста напряжённости. Особенно в условиях, когда основная масса мигрантов сосредоточена в Московском (столичном) регионе и ряде крупных городов, что потенциально только увеличивает политические риски. По идее надо политику изменить так, чтобы минимизировать эти риски. Но вместо этого все недовольные обвиняются в «разжигании и пособничестве», подходы не меняются, население кормят либеральными или какими-то псевдосоветскими «заклинаниями» (косвенно обвиняя в чём-то непонятном большинство населения и не понимая опасность этого), а ситуация со временем только усугубляется.

3. «Опыт национальной политики Российской Империи и Советского Союза даёт нам особую и эффективную формулу решения этих сложных проблем, которой нет у других народов».

Этот опыт действительно был особым и местами даже эффективным. Только нынешнее состояние этого вопроса в Российской Федерации не имеет к этому никакого отношения. Более того, **в действительности этот опыт игнорируется и отвергается**. В Российской Империи, по сути, вообще не было деления по национальности (в первую очередь не было национально-территориального деления), а приоритет русского православия как фактически государственной религии и

идеологии был одной из основ государства. Со всеми вытекающими последствиями. Такими, например, как ограничения расселения по территории страны для отдельных групп населения.

А формально интернациональный Советский Союз на деле закреплял население на территориях исторического проживания институтом прописки. Что значительно затрудняло «перемешивание» этих народов и давало властям мощный инструмент регулирования любых перемещений. В результате знаменитая «дружба народов» осуществлялась в основном по телевизору и в газетах. А некоторые народы, как известно, советская власть принудительно переселяла из мест исторического проживания, когда считала это нужным.

Можно спорить о том, правильно это было или нет. Но в любом случае и имперский, и советский опыт базировался на гораздо более сильной власти, применявшей более прямые и жёсткие методы управления. В итоге именно такими способами и обеспечивалась эта «особая формула», позволявшая управлять столь огромными территориями.

Принципиально важен и тот факт, что ни Российская Империя, ни СССР на самом деле **никогда не сталкивались с проблемой массовой внешней миграции**. Решались проблемы внутренней миграции граждан страны на территории монолитно и жёстко управляемого, единого государства. Никаких двойных гражданств, никаких видов на жительство, никаких патентов на работу, никаких миллионов иностранных граждан и так далее. В то время как сейчас мы имеем дело с гражданами независимых государств, далеко не всегда дружественных в отношении России. Что означает радикальное отличие данных ситуаций и значительно меньшие возможности по регулированию данного процесса у современной России в сравнении с прошлыми веками. Однако **нынешняя миграционная политика, как уже было сказано, не только не учитывает эти обстоятельства и этот опыт, но фактически противопоставляет себя ему (осознанно или неосознанно)**. Поэтому любые ссылки на этот опыт являются, по сути, самообманом.

4. «Россия тоже страна мигрантов».

В подтверждение обычно приводятся исторические факты или псевдоисторические анекдоты про иностранное окружение на службе русских царей и российских императоров. На самом деле, такое окружение серьёзное влияние начало приобретать только со времён Петра Великого и никогда не составляло достаточно значительной группы населения. К тому же в первую очередь речь шла о выходцах из Европы — так

или иначе достаточно близкой (в те времена) религиозно, этнически и культурно части света. Рассказы о разного рода азиатских правителях на службе русского государства обычно упускают одну деталь — большинство из них были обращены в православие и русифицированы. Впрочем, как и большинство выходцев из Европы. Да и **прижились в итоге только те, кто стал абсолютно лояльным российскому государству как цивилизации.**

Сейчас же мы видим всё более агрессивное инокультурное проникновение, требующее изменения под себя окружающего пространства и сопровождающееся распространением религиозного экстремизма (в первую очередь исламистского толка), радикального этнического национализма и криминальных форм поведения. Вдобавок — принципиальная нелояльность российским законам и интересам российского государства, сохранение очень плотной идентификации со странами, из которых прибывают мигранты или новые граждане России. Очевидно, что такая модель «миграции и ассимиляции» не выдерживает никакого сравнения с прошлой. Последствия столь разных «моделей» тоже будут неизбежно очень разными.

5. «Экономика России буквально не выживет без мигрантов».

Это действительно один из главных вопросов, который требует осмысления, и один из главных аргументов сторонников нынешней миграционной политики. Однако объективный ответ на этот вопрос упирается в отсутствие действительно глубокого и непредвзятого анализа ситуации. Разнятся данные по количеству мигрантов. Нет точных данных по распределению мигрантов в тех или иных сферах экономики (хотя очевидно, что такой постоянный мониторинг был бы крайне полезен). Непонятно, **соответствует ли это распределение целям развития России** (не только экономического, но и пространственного, например). Никто не может точно сказать, какова вообще экономическая выгода от привлечения мигрантов и как она соотносится, например, с расходами бюджета на социальное обеспечение мигрантов и их семей. Или этим никто никогда всерьёз не занимался в силу некоего бардака в этой сфере (например, ведомственной неразберихи — вряд ли МВД способно заниматься экономической стратегией, а экономические ведомства вопросами контроля и соблюдения закона). Или этим не занимаются специально, так как глубокий и честный анализ этой ситуации может выявить ложность тезиса о том, что *«экономика России буквально не выживет без мигрантов»*.

Отдельная тема, это мотивация предпринимателей. Они говорят (или говорят от их имени), что, мол, без мигрантов всё будет дороже. Но никогда не говорят о норме своей прибыли. Возникает законный вопрос — а норму своей прибыли не пытались уменьшить на благо общества, например?

Но представляется, что главная проблема даже не в этом, а в том, что **экономическое развитие России в целом по-прежнему опирается в основном на законы либерального рынка**, а не на чётко проработанную стратегию. То есть опять родовые травмы прозападной несамостоятельности периода становления постсоветской государственности. Если проще — среднестатистический мигрант, даже если он совершенно законно приезжает в Россию, сам определяет, чем ему заниматься и где работать (или не работать вообще). Дальше всё должен решить рынок — где мигранту лучше, там он и будет устраивается. **Там, где лучше самому мигранту, а вовсе не там, где это необходимо для экономического развития России.** По той простой причине, что Россия сама всё ещё не может определиться с тем, что же лучше ей, а её экономика по-прежнему в значительной степени живёт в парадигме свободного рынка — хорошо не то, что нужно для развития, а то, что быстрее и легче всего приносит деньги. Может ли Россия в нынешних крайне сложных условиях продолжать вот так плыть по течению? Очевидно, что нет.

Но миграционная политика-то явно представляет собой функцию от чисто рыночного подхода. Что сделала идеология либерального рынка с нашей экономикой в 90-х и как она «отрегулировала» положение России в мировой экономике, всем хорошо известно. Поэтому, **как опухоли, разрастаются те сферы деятельности, которые привлекают мигрантов, но практически бесполезны с точки зрения качественного прорыва в развитии страны.** А иногда и откровенно вредят этому развитию, внедряя и укореняя полукриминальные и отсталые способы производства, способы жизни, способы коммуникации, свойственные для тех стран, из которых прибыли мигранты.

Таким образом, в экономическом обосновании современной миграционной политики отсутствует целеполагание, привязанное к чёткой стратегии экономического развития, основанной, в первую очередь, на национальных интересах, а не на интересах отдельных групп бизнеса, чиновничества, мигрантских сообществ, этнических ОПГ, национальных диаспор, взглядах прозападных либералов и рыночной идеологии. Такое стратегическое целеполагание позволило бы изменить миграционную политику так, чтобы она действи-

тельно была бы направлена именно на качественное, прорывное развитие России, при этом минимизируя социально-политические проблемы, возникающие в ходе использования иностранной рабочей силы.

В идеале наиболее оптимальным видится **проектный подход** к этому вопросу — мигранты используются под конкретные проекты в тех количествах и в те сроки, которые необходимы для реализации этих проектов. Сами проекты регламентируются стратегией развития. Государство (совместно с ответственным предпринимателем), а не рынок определяет, где и как работать мигрантам. Побочные явления миграции минимизируются через оптимизацию количества задействованных мигрантов и ликвидации нынешней полной свободы их действий на территории страны — свободы передвижения, свободы завозить семьи, свободы упрощённо получать гражданство и так далее.

В любом случае, приоритетом должно быть инновационное развитие, самодостаточное производство, создание рабочих мест и жизненных перспектив для коренного населения, а не решение проблем бывших советских республик и мигрантских диаспор.

Разговоры о том, что «это утопия и теперь это уже невозможно» представляются просто лукавством и нежеланием что-то менять, базирующемся часто на личной или групповой корысти в этом вопросе. Если государственная власть достаточно уверена в себе, то всё возможно. Тем более, что существует объективная поддержка необходимости изменений в этой сфере со стороны большинства населения страны. Если же власть в себе не уверена (или отдельные её представители руководствуются соображениями, далёкими от национальных интересов — например, коррупционного свойства), то неизбежно перерастание негативных побочных последствий миграции в рост напряжённости и деградацию государственных институтов, которые постепенно заменяются на власть неформальных сообществ, что и будет означать настоящее поражение России, в том числе в геополитической борьбе.

6. «Мигранты спасут Россию от демографической катастрофы».

Мигранты и новые граждане из их числа на самом деле могут поправить демографическое положение в России. Вопрос только — какой ценой? И здесь мы снова видим столкновение двух подходов. Первый — навеянный всё теми же 90-ми — говорит, что главное — это количество, потому что оно означает рост рынка сбыта (и вроде бы как автоматичес-

кий рост производства вслед за этим), а заодно можно будет отчитаться (в первую очередь, «наверх»), что демографическая проблема гениально решена с минимальными затратами, в кратчайшие сроки и с максимальной выгодой для экономики. Нетрудно заметить, что это всё тот же либерально-рыночный, по сути, глобалистский подход. Качество новых граждан, их лояльность, готовность к ассимиляции, возможные проблемы в отношениях с коренным населением, готовность встраиваться в Россию именно как в цивилизацию и прочая «лирика» не имеет большого значения. Главное — деньги и их количество. А рынок (во всём — в экономике, в политике, в культуре и так далее) как-нибудь сам всё отрегулирует со временем. Вопрос в том — а как именно рынок всё отрегулирует?

Даже экономическая логика такого подхода является вульгарной манипуляцией. Большое население само по себе не является автоматической гарантией развития. Всё зависит от качества населения и экономической политики властей. В мире огромное количество откровенно бедных стран с большим количеством населения, а есть очень высокоразвитые страны с весьма небольшим населением. Даже примеры динамично развивающихся стран с большим количеством населения — например, Китая — вовсе не означают автоматической связи количества населения и уровня развития. Нынешние успехи КНР связаны в первую очередь с политикой реформ, начатых Дэн Сяопином и продолженных следующими поколениями китайских руководителей. А одной из самых густонаселённых стран мира Китай был и задолго до этого момента.

Второй подход к этому вопросу заключается в следующем — России не нужны абы какие граждане, единицы потребления и «галочки» в отчётах о росте количества населения. **России нужны ответственные патриоты страны, готовые принять её законы, её ценности, её судьбу, готовые защищать Россию и работать на общее благо, а не только к себе в карман.** Такой подход гораздо более подходит под название «цивилизационный» и фактически противостоит либерально-глобалистскому.

Собственно, в борьбу этих двух подходов во всех сферах жизни России встраиваются и взгляды на конкретные проблемы миграционной политики. И если смотреть на вещи честно и руководствоваться реальной статистикой процессов, то мы без труда увидим следующую картину будущего — русское, государствообразующее большинство будет уменьшаться, а «новые граждане» из числа инокультурных миг-

рантов увеличиваться и постепенно отвоёвывать (в том числе в буквальном смысле слова) позиции в экономике, обществе, политике, в городах и сёлах, а, в конечном итоге, во власти. Действительно **начнёт происходить замещение коренного населения кем-то другим. Допустить этого нельзя, так как последствия для российской цивилизации, основанной на государствообразующей роли русского народа, будут катастрофическими.** Причём и для других коренных народов России последствия, скорее всего, могут быть весьма непростыми, а в ряде случаев катастрофическими.

Можно, конечно, мечтать о том, что к этому времени все мигрантские сообщества ассимилируются и примут российскую цивилизационную идентичность. Однако если честно смотреть на реальные процессы, то надежды на это мало. И дело не только в том, что это прямой путь к межнациональным конфликтам (возможно, вплоть до гражданской войны). Дело в том, что в этом процессе Россия, скорее всего, будет становиться не сильнее, а слабее. **А новые граждане будут настаивать на новой цивилизационной идентичности, в которой Россия как исторический проект для них не будет иметь никакой ценности.** Или, по крайней мере, не будет иметь такой ценности, как для русского большинства и других коренных народов страны, ощущающих Россию как свою реализацию в историческом процессе. И это будет означать гибель России, скорее всего сопровождаемую её распадом. Чтобы этого избежать надо перестать кормить друг друга иллюзиями первого подхода, а посмотреть на эти вещи честно и максимально трезво.

7. «Преступность, связанная с миграцией, не имеет характера межнациональной или межконфессиональной розни. Это просто «бытовуха».

К сожалению, это типичное самоуспокоение, руководствующееся протокольными данными, а не реальным восприятием действительности подавляющим большинством населения. Такой взгляд некорректен ни с объективной, ни с субъективной точек зрения.

С объективной точки зрения надо отдавать себе отчёт, в том, что каждая национальная субкультура имеет свои традиции, обусловленные национальной, религиозной, исторической, территориальной и другого рода спецификой. Эти традиции бывают хорошими, а бывают и плохими. Поведение каждого человека очень сильно определяется той средой и теми традициями, в которых он родился, вырос, сформировался как личность. В том числе, это накладывает отпечаток и на криминальное поведение представителей разных наци-

ональных сообществ. Например, это ярко проявляется в действиях и «специализации» этнических ОПГ, существование которых является вполне объективной реальностью. Именно поэтому преступления условных «приезжих» воспринимаются коренным населением как особенно «дикие» и вызывающие.

А с субъективной точки зрения невозможно избежать того, что любая «бытовуха», происходящая между людьми разной национальности или вероисповедания в большинстве случаев будет восприниматься острее, чем между «своими», и моментально приобретать характер межнациональной розни. Это происходит на уровне почти «закона природы». Можно пытаться закрывать на это глаза, раздражаться, сетовать на косность большинства, снова пытаться его «исправить», но это всегда и везде будет именно так. Игнорировать этот факт как раз и означает «прятать голову в песок», что будет только усугублять ситуацию.

Кстати, в тех краях, откуда в основном и прибывают «приезжие» этот «закон природы» действует в гораздо более жёсткой и агрессивной форме, чем в среднем у русского большинства в России. Именно в силу других традиций это большинство в реальности в целом гораздо толерантнее, чем «приезжие». Хотя условными либералами (а также другими «заинтересованными» гражданами) именно русских и других коренных жителей принято обычно обвинять в какой-то особой нетерпимости, что является просто ложью.

Впрочем, нельзя не признать, что вся эта специфика могла бы быть менее острой, если бы в России существовало однозначное и твёрдое торжество закона, одинакового для всех, независимо от национальности, вероисповедания, территории проживания, принадлежности к какой-нибудь диаспоре или другой неформальной группе. Но, к сожалению, это далеко не всегда так. Коррупция, подверженность внешнему влиянию (например, со стороны диаспор), ненадлежащее исполнение своих обязанностей соответствующими органами — всё это провоцирует усугубление любых обстоятельств, связанных с проблематикой этого рода. Вообще слабость государства всегда воспринимается криминальным сообществом любого толка как сигнал к вседозволенности и созданию параллельных структур реальной власти, а у населения порождает чувство бессилия, незащитности, а как результат — отчуждения от государства или агрессии по отношению к нему.

Абсолютно очевидно и то, что именно огромный объём коррупционных обстоятельств, откровенно криминальных или

«серых» схем является тем фактором, который тормозит честное осознание проблемы и её опасных перспектив. То есть доходы весьма ограниченных групп влияния (зачастую криминальные доходы) поддерживают ситуацию беззакония и готовят стране серьёзные трудности в будущем. Допустима ли такая «свобода взглядов» в нынешней ситуации? Здравый ответ — конечно, нет. Но очень часто обществу вместо здравого ответа начинают просто «вешать лапшу на уши».

8. «Россия должна принимать миллионы мигрантов, так как это важный инструмент внешнеполитического влияния на бывшие советские республики».

Это утверждение могло бы быть верным, если бы миграция действительно стала бы реальным инструментом внешней политики. Но, к сожалению, постсоветский период сформировал совсем иную картину. Если коротко, то миграция действительно стала инструментом внешней политики. Но не столько России в отношении бывших советских республик, сколько наоборот — инструментом бывших советских республик (в первую очередь Средней Азии и Закавказья) для влияния на Россию.

После распада СССР произошёл массовый исход русских из большинства условно «неславянских» государств бывшего Советского Союза. Но самым массовым и жестоким он был именно из тех республик, которые являются главными источниками внешней миграции — Закавказье и Средняя Азия. Статистика изменения национального состава этих стран однозначно это подтверждает.

Параллельно в этих государствах выстроились абсолютно этнократические режимы с почти официальной идеологией превосходства титульной нации над всеми остальными. На государственном уровне повсеместно утвердились новые исторические концепции — антироссийские и антирусские в своей основе, трактующие наше общее прошлое как период оккупации со стороны России. Соответствующим образом изменилась система образования и культуры. Во многих странах кириллицу быстро сменили на латиницу (в нескольких других этот вопрос находится в процессе обсуждения). В устройстве своей внутренней жизни (не формальном, а реальном) эти страны вполне осознанно откатились назад даже не в досоветский, а в дороссийский период истории. Со всеми сопутствующими этому обычаями и традициями.

Кстати, это одна из причин нынешнего роста напряжённости в этом вопросе — прибывающие в Россию граждане этих стран давно уже не «свои». В России часто говорят, что

эти люди, мол, такие же недавние «советские» или «соотечественники», как и мы. Но изменения, произошедшие на постсоветском пространстве за прошедшие годы на самом деле настолько глубоки, что нынешние «приезжие» (особенно из «неславянских» республик) близки нынешнему коренному населению России не намного больше, чем выходцы из африканских и азиатских колоний Европы для современных европейцев. Обычное возражение на этот счёт следующее — «но ведь Россия была империей совсем другого типа, она развивала и строила...» и так далее. Наверное, так оно и было. Только в нынешних постсоветских республиках эту точку зрения не разделяют и воспитывают своих граждан соответствующим образом. С таким воспитанием они и приезжают к нам в страну — «Россия и русские — это недавние оккупанты, а самая лучшая нация в мире, это их титульная нация».

Не говоря уже о религии — ведь распространение на территории этих стран религиозного экстремизма с каждым годом становится всё более острой проблемой, с которой местные власти или не могут, или не хотят бороться, предпочитая сплавлять своих граждан в Россию, в том числе как средство снижения внутренней напряжённости у себя дома.

Тем временем, оставшиеся на территории многих постсоветских республик русские повсеместно чувствуют себя ущемлёнными в правах. Россия обычно делает вид, что не замечает этого, чтобы «не портить отношения», в случае если речь идёт о Средней Азии и Закавказье. **Моральным долгом России, если она действительно считает себя государством-цивилизацией, создать приоритетные условия возвращения в Россию для русских за рубежом.** Не играть в «соотечественников» или «русскоязычных», а последовать словам президента РФ В.Путина о том, что русские — это крупнейший разделённый народ. Если это так, то Россия должна дать возможность всем русским не только беспрепятственно, но и в приоритетном порядке вернуться на историческую Родину. Потому что другой Родины у русских нет. Стыдно не делать этого тогда, когда даже у Казахстана есть программа переселения в страну из-за рубежа этнических казахов (оралманов).

Во внешней политике и в экономике новые государства ведут себя абсолютно самостоятельно (иногда даже вызывающе) и **регулярно предпринимают недружественные шаги в отношении России.** Даже участие в разных интеграционных объединениях от этого их не удерживает. Ни в одной своей крупной внешнеполитической акции (война на Кавказе, Южная Осетия, Сирия, Крым, СВО, проблемы с Олимпиа-

дой, внешние санкции и многое другое) Россия не получила однозначную и открытую поддержку ни от кого из постсоветских государств (кроме Белоруссии), включая и основных «поставщиков» трудовой миграции. **И ни разу Россия всерьёз не использовала ситуацию с мигрантами как инструмент защиты своих интересов в отношениях с этими странами.**

В итоге вся формула современной «евразийской интеграции», если на неё взглянуть трезво и честно, выглядит так: когда постсоветским республикам что-то нужно от России, они вспоминают об общем прошлом или начинают шантажировать геополитикой («уйдём к Америке, запретим русский язык»), но когда что-то нужно самой России, эти республики встают в гордую позу независимых государств или начинают «вилять», ссылаясь на отношения с другими «центрами силы». Если кратко — **это не «интеграция», а использование России постсоветскими государствами в своих корыстных целях и без каких-либо исторических обязательств.** Например, с целью решения проблем бурного роста населения и безработицы у себя дома. Недаром, политическая интеграция со всеми, кроме Белоруссии, застопорилась на самом начальном этапе и нет никаких признаков возможного продвижения по этому пути.

Кроме трёх весьма скромных военных баз, оставшихся с советского времени (Армения, Таджикистан и Киргизия), больше нельзя назвать никаких однозначных дивидендов от такого положения дел. Но и эти базы скорее выглядят заложниками этнократических режимов, чем форпостами российской военной силы и внешней политики.

В идеале экономическая интеграция должна была бы представлять собой создание кооперационных производственных цепочек, в которых люди могли бы находить работу у себя в стране. А нынешняя форма «кооперации» — переселение одних стран в другую, сопровождающееся борьбой за «место под солнцем» — это самое примитивное и неэффективное из всего, что можно было придумать. Впрочем, это вполне в духе рыночной конкуренции эпохи «дикого капитализма». Вопрос лишь в том, даёт ли это развитие и России, и интеграции? Или ведёт лишь новым проблемам.

При этом Россия должна «поставить с головы на ноги» нынешнюю ситуацию в использовании миграционного вопроса во внешней политике — в первую очередь сами постсоветские государства должны быть заинтересованы в политической, военной и экономической лояльности России. Мы должны задавать правила в этой игре. **Миграционная политика должна стать жёстким инструментом влияния России на**

постсоветском пространстве. Россия не должна занимать позицию «должника». Тем более что во многих случаях шантаж со стороны постсоветских республик Средней Азии является блефом — ни к какой Америке или Европе в реальности своего географического положения они «уйти» не могут, если смотреть на вещи трезво. Как и во многих других случаях, Россия просто разбаловала (в прямом смысле слова) (не Россия, а кремлевская «элита». — Ред.) постсоветские режимы, позволяя им навязывать нам свою повестку. Надо отдавать себе отчёт в том, что такая ситуация косвенно поддерживает их мифологию о России-оккупанте, которая теперь им «должна за оккупацию» предоставить свою территорию и рынок труда.

9. «Многонациональность — это очень хорошо. Чем больше её, тем лучше. Моноэтнической страной Россия быть не должна. Она должна быть многонациональной империей».

Дискуссия на эту тему выглядит дискуссией о том, чего нет. С одной стороны, Россия не является моноэтнической страной по факту уже много веков. И не сможет ею стать в нынешних границах, даже если это кому-то очень захочется. Никто всерьёз этого и не требует. Поэтому такое обсуждение выглядит несколько надуманным. С другой стороны, Россия формально не является империей и пока не видно каких-то однозначных признаков того, чтобы она де-юре ею стала. Да и де-факто это вопрос весьма спорный. Тем более никто толком не может сказать — а какой должна быть Российская Империя в современном мире, если не такой, какой она уже когда-то была?

Но главное — тезис о многонациональности как об однозначном преимуществе. С точки зрения пропаганды трактовка понятная. Но совершенно очевидно и то, что чем сложнее и многосоставнее система, тем труднее ею управлять. Кстати, это одна из причин процесса укрупнения субъектов федерации, насколько можно понять. Чем сложнее разнообразие, тем тяжелее подчинить его единой иерархии. А это чревато сбоями в управлении, особенно болезненно проявляющимися в самые неподходящие моменты кризисов. События, связанные с сепаратизмом национальных окраин (в том числе, в недавнем прошлом) однозначно это подтверждают.

Кстати, многие другие страны это отлично понимают. Например, в Китае живут только «китайцы» — несмотря на то, что фактически там проживает масса разных этносов. В Турции — только «турки». В Индии — «индийцы», и так далее. Так легче управлять большим государством. Советский опыт разделения на квазигосударства по национальному призна-

ку в итоге стал одним из факторов распада СССР. Последствия этого мы сейчас разгребаем, в том числе в ходе СВО. Неужели история нас совсем ничему не учит? (Не нас, а кремлевскую «элиту». — Ред.)

То, что на территории РФ исторически проживает огромное количество национальностей, является фактом неоспоримым и однозначным. Все эти национальности являются коренными народами России, имеющими внутри «большой Родины» территории своего исторического проживания — «малую родину». И это тоже не вызывает сомнения.

Интересует другое — **зачем ещё более искусственно усложнять эту ситуацию, создавая внутри России многомиллионные диаспоры новых народов, никогда исторически не проживавших на этой территории?** Об особенностях таких народов, связанных с их двойной лояльностью, собственным взглядом на ценности и традиции — сказано выше.

Но есть и ещё одна неприятная деталь — не имея на территории России своей исторической «малой родины» (территории исторического проживания), эти люди неизбежно будут группироваться по национальному признаку и отвоёвывать себе анклавы соответственной «малой родины» у коренного населения, устанавливая на них свои порядки. А это прямой путь к гражданскому конфликту.

Кроме того, именно «свои порядки» и будут составлять для этих людей главную цель существования. **Диаспоры по внутренне присущим им причинам плохо способны поддерживать общенациональную историческую повестку.** Борьба за свои права и сферы влияния, конкуренция с государством, большинством населения и другими диаспорами — вот их цель, если дать им волю. Они фактически становятся неформальными политическими объединениями по этническому признаку и начинают реально бороться за фактическую власть. Поэтому и наиболее разрушительные варианты сепаратизма обычно исходят именно из этой среды. Такой огромный исторический проект, как Россия, не вытянут никакие диаспоры, сколько бы с ними ни заигрывали. Они просто не способны в большинстве своём подняться на уровень национальных интересов такой сложной страны-цивилизации, как Россия. По естественным причинам. Поэтому, множить их искусственно означает только усложнять ситуацию.

Концепция «имперской многонациональности» пока, скорее, нагромождение благих пожеланий, исторических воспоминаний и разных иллюзий. В любом случае, если такая «империя» будет строиться в ущерб большинству, то вряд ли она долго протянет.

Выводы

1. Миграционная политика России требует **полной «перегрузки»**. Очистки от всех идеологических наслоений несuverенных взглядов и чужих методик эпохи девяностых-нулевых. Включая «рыночное» целеполагание в определении стратегии и тактики. А также коррупционных, ведомственных, групповых, криминальных и других корыстных интересов. В противном случае инерционное развитие этой ситуации с большой вероятностью приведёт к такому росту негативных явлений, которое может в итоге закончиться тяжёлым гражданским конфликтом.

2. Учитывая негативные процессы в обществе, сопровождающие рост миграции, оптимальное количество трудовых мигрантов должно определяться глубоким и объективным анализом ситуации и национальной стратегией развития экономики, а не «потребностями рынка», интересами диаспор, отношениями с другими государствами и так далее. Наиболее подходящим видится **проектный подход** к этому вопросу — мигранты используются под конкретные проекты в тех количествах и в те сроки, которые необходимы для реализации этих проектов. Сами проекты регламентируются стратегией развития. Государство (совместно с ответственным предпринимателем), а не рынок определяет, где и как работать мигрантам. Побочные явления миграции минимизируются через оптимизацию количества задействованных мигрантов и ликвидации нынешней полной свободы их действий на территории страны — свободы передвижения, свободы завозить семьи, свободы упрощённо получать гражданство и так далее. В любом случае **приоритетом должно быть инновационное развитие, самодостаточное производство, создание рабочих мест и жизненных перспектив для коренного населения**.

3. Нельзя допустить такого изменения этнического баланса, при котором **начнёт происходить замещение коренного населения кем-то другим**. Последствия для российской цивилизации, основанной на государствообразующей роли русского народа, будут катастрофическими. Диаспоры по внутренне присущим причинам плохо способны поддерживать общенациональную историческую повестку и склонны в первую очередь к борьбе за групповые интересы.

4. Россия должна поставить «с головы на ноги» нынешнюю ситуацию в использовании миграционного вопроса во внешней политике — в первую очередь сами постсоветские государства должны быть заинтересованы в политической,

военной и экономической лояльности России. Мы должны задавать правила в этой игре. **Миграционная политика должна стать жёстким инструментом влияния России на постсоветском пространстве.** Россия не должна занимать позицию «должника». Тем более что во многих случаях шантаж со стороны постсоветских республик Средней Азии является блефом — ни к какой Америке или Европе в реальностях своего географического положения они «уйти» не могут, если смотреть на вещи трезво. Как и во многих других случаях, Россия просто разбаловала (в прямом смысле слова) постсоветские режимы, позволяя им навязывать нам свою повестку. Надо отдавать себе отчёт в том, что такая ситуация, в том числе, косвенно поддерживает их мифологию о России-оккупанте, которая теперь им «должна за оккупацию» предоставить свою территорию и рынок труда.

5. **Моральным долгом России, если она действительно считает себя государством-цивилизацией, создать приоритетные условия возвращения в Россию для русских за рубежом.** Не играть в «соотечественников» или «русскоязычных», а последовать словам президента РФ В.Путина о том, что русские — это крупнейший разделённый народ. Если это так, то Россия **обязана** дать возможность всем русским не только беспрепятственно, но и в приоритетном порядке вернуться на историческую Родину. Потому что другой Родины у русских нет.

6. Очевидно, что вопросы миграционной политики настолько многогранны и сложны, что ведомство, которое этим занимается, должно сочетать в себе целый комплекс направлений: экономическое, внешнеполитическое, контролирующее, демографическое и так далее. На данный момент такого сложносоставного ведомства нет. Для выработки полноценной стратегии и тактики в этой сфере, такое ведомство крайне необходимо.

ВЕРНУТЬСЯ К СЕБЕ

ПОВЕСТЬ

1

В этот скромный южный городок Арсеньев прибыл дождливым февральским утром спустя две недели после освобождения. С моря несло арбузной свежестью бриза, капли пузырились на лужах, а с поникших листьев перистых пальм тонко струилась вода. Электронное табло на фонарном столбе показывало +9.

Уперев руки в бока, он стоял у подножки вагона и оглядывал то зыбкие контуры горных вершин, то кирпичные кружева вокзала, из дверей которого выходили и тут же устремлялись к поезду сердитые пассажиры. Слов нет, погода не радовала, но ему, отмотавшему срок в Заполярье, это место казалось почти заповедным. И вспомнилось: «У моря, у синего моря...»

Он повернулся к тамбуру, где у поручня стояла молодая проводница в ловкой униформе, грустная, с прямой темной челкой и круглыми голубыми глазами.

— Что ж, пора, — сказал он, поднявшись обратно в вагон, и прижал ее к своей влажной дубленой куртке. — Спасибо за всё, Иринка. Век не забуду.

ПРОЗА

— И я не забуду, — шепотом сказала она и, вдруг замигав, уткнулась ему в грудь, сбивчиво зашептала. — Я думала... Господи, всё, как во сне. Может, останешься? Сойдешь на обратной дороге? — Она поднялась на цыпочки, испуганно глядя ему в глаза, и отчаянно поцеловала в губы. — Рома...

Поезд медленно тронулся. Он подхватил, лежащую у ног, раздутую спортивную сумку, соскочил на перрон и, не оглядываясь, направился к маленькой привокзальной площади, вымощенной блестящим булыжником. Проводница тоскливо смотрела вслед. Сейчас она пойдет в его пустое купе, сядет на смятую постель и будет долго смотреть в окно, облокотившись на столик. Впереди долгая поездка. За это время она еще не раз вспомнит, чем они занимались на этой постели под стук колес и мелодичный звон подстаканников. Когда по приезду домой наткнется в косметичке на свернутую пачку двадцатидолларовых купюр, то сначала обомлеет, а потом улыбнется и грустно вздохнет.

А что же «Рома»? Оглядевшись на стоянке такси, он уселся на переднее сидение потрепанного «Форда», поправил на коленях сумку и наклонился к водителю:

— Удивительная у вас площадь, товарищ. Реликтовая. Как панцирь галапагосской черепахи. К тому же пальмы. Уважаю, очень красиво.

Тучный небритый таксист метафору оценил:

— Так точно, вылитый панцирь. Ее пленные немцы мостили после войны, а они на такие дела мастера. Заметь, и улица от нее такая же. Падла, я здесь всю подвеску разбил.

— Ну, это ты зря, прошлое беречь надо.

Он уселся удобней, поделился с шофером сигаретой и короткой справкой по краеведению:

— Я тебе вот что скажу. В моем городе раньше так же было, такая же площадь, старинный вокзал, аллея кленовая. И даже бронзовый Ильич стоял, а напротив бочка с пивом. Потом вокзал снесли, отстроили серую коробку, а площадь закатали в асфальт. И Ленина тоже убрали, а на месте аллеи возвели торговый центр с подземной парковкой... Оно, конечно, удобно — парковка, асфальт, подвеска в полном порядке. Всем хорошо, а мне вот тоскливо. Почему так случается, брат?

— Потому что стареем, — уверенно ответил таксист. — Давно на свободе?

— Да пару недель. А что, сильно отсвечиваю?

— Не особенно, но я же таксист — хочешь, не хочешь, а поневоле людей фильтруешь.

— Тогда еще вопрос, как психологу: как общая атмосфера, настроение у сограждан касательно грязных провокаций

«укропов»? Отстал за 10 лет, информация в зоне дозированной. Пошел в поезд в ресторан, а там какие-то пьяные паникеры пугают обстрелами, беженцами...

— Настроение разное, шаткий у нас народ, — нервно ответил таксист. — А я нутром чую, войной пахнет. По Донецку лупят каждый день, совсем оборзели, засранцы.

— Что, неужели всё так серьезно?

Таксист засопел, медленно закипая:

— Знал ведь я, знал, что после Крыма не будет ничего хорошего. Не надо было тормозить, надо было раздолбить их на Донбассе, и дальше до Одессы, до Приднестровья хотя бы. А потом уж и переговоры всякие минские заключать, провались они пропадом!

— Выходит, сильно хохлы достали?

— Я сам хохол стопроцентный, не о том речь. Для них мы все тут русня, москали... Ты вот откуда? Из Сибири? Сибирь далеко, тебе не понять.

— Да всё я понимаю, — в тон ему ответил Арсеньев. — У меня мать полячка. Но ты прав, для них мы все — москали. Гордиться надо, товарищ.

Он затушил в пепельнице окурок, и продиктовал по памяти адрес:

— Знаешь, где это?

— Как не знать — «Шесть склянок». Значит, к Петровичу?

— К нему, к нему. А он что здесь, узнаваемый человек?

— Братва его уважает, — уклончиво ответил таксист. — Но это меня не касается.

— Ты не стесняйся, мы с Петровичем сто лет знакомы.

— Нет, правда, сам я мало, что знаю, просто приезжаю иногда расслабиться. Уютное местечко, и не так чтобы дорого. В общем, всё там прилично — бильярд, пальма в бочке, музыка для души...

— Ясно. А для тела там что-нибудь есть?

— Для тела комнаты на втором этаже вроде гостиничных. Бармен всё устроит, я пробовал. — Таксист сокрушенно вздохнул. — А какой там вид из беседки! Прямо на море, на рыбацкие лодки внизу...

— А звать тебя как, уважаемый? И почему «Шесть склянок»? Странное название, аптечное какое-то, а?

— Семеном звать. А название не новое, я бар с такой вывеской под Сухуми видел. Давно, еще при Союзе. Ресторан у Петровича закрывается в три ночи, а три часа на морском языке — шесть склянок. Там даже рында корабельная висит у входа. Лично я думаю так.

— Правильно думаешь, трогай.

Как только вывернули на неприметную улочку, горбатую уходящую вверх, Арсеньев поднял стекло и задумался, глядя в окно. Видел он: сонлив и скучен в зимнее время курортный городок, особенно в непогоду. Мало машин, еще меньше людей. Грустно мокнут по обочинам голые фруктовые деревья, темнеют, как грифели, на фоне белых домов кипарисы, а если смотреть вперед и выше, взгляд упирается в дымные лесистые горы, до которых рукой подать... И, похоже, смутно на сердце у того сутулого старичка в плаще и морской фуражке, что осторожно шагает по тротуару под черным зонтом. Кто он и куда идет по скользкой брусчатке? Наверное, отставной моряк, сдающий на лето комнаты в своем уютном доме с мансардой, с толстой хозяйкой и гамаком в красивом саду. А идет он не иначе как в эту проплывающую мимо аптеку с красным крестом на матовой вывеске.

Море, старичок, мансарда.... Как удивительно меняется жизнь после долгих лет ожидания. И даже запах кожаных сидений в потрепанном «Форде» вызывает из памяти давно забытое, блаженное чувство покоя. Кроме того, имелась еще причина быть в ладу с самим собой и по возможности со всем миром. По пути из «зоны» он намеренно изменил маршрут, сошел на безликой станции и целый день на перекладных добирался в глухую таежную деревню, где на берегу протоки в крепкой замшевой избе доживал свой век престарелый поселенец Нефедов, зверобой и давний друг отца. Десять лет назад Арсеньев оставил у старика вот эту спортивную сумку, набитую долларами разного номинала, пистолет Браунинга и личные документы, включавшие паспорт и университетский диплом.

— Ты вот что, Семеныч, — сказал тогда Арсеньев. — Сохрани, я за нею вернусь. Не знаю когда, но вернусь обязательно.

— Бандит ты, Ромка, — ответил Нефедов, осмотрев содержимое сумки. — Не надоело?

— Надоело. Вот тебе триста тысяч. Считай, это северная надбавка от одного плохого дяди, которого все считали хорошим. Кончатся, еще возьмешь. А доллары не свети, начнут задавать вопросы.

— Не учи, — сказал Нефедов. — Из этого пугача его грохнул?

— Проломил рукояткой череп, так получилось. А он взял и помер.

— Грешно это, Ромка, жизни лишать из-за денег.

— Повторяю, так получилось. Сукой оказался дядя, старрой вербованной сукой. Сдал меня с потрохами, когда узнал,

что это я выставил «черный» обменник, который его менты крышевали. Хорошо, что был свой человек в конторе, успел вовремя предупредить, откуда ветер дует.

— Не ты ему жизнь давал, сынок.

— Ты тоже не за колоски пятнадцать лет лес валил за Ургалом. Или отец что-то напутал, когда тайной твоей поделился?

— Времена тогда были другие, Рома. И человек тот, ежели перейти на феню твою, был не сукой, а крысой. Ладно, забудем, ты знаешь, что делаешь. Однако надолго не пропадай, я не вечный, вдруг помру — что тогда будет с деньгами?

Долговязый, долорукий, с голым блестящим черепом и развесистой седой бородой, он сидел в полушубке у теплой печи, что-то угрюмо думал, перекосив брови, и равномерно попыхивал трубкой.

«Последний отшельник», — подумал тогда Арсеньев. А вслух заявил:

— Не помрешь. Твой отец 103 года прожил, и ты проживешь не меньше. А за меня не волнуйся, я вернусь...

И вот вернулся спустя десять лет, постоял на крыльце, глядя на дремучий, заснеженный лес, близко подступивший к окoliце, прошелся по дому, вслушиваясь в скрип половиц, помолился на закопченную икону в углу. «А старик-то сдал», — подумал Арсеньев с грустью. Они обнялись. Нефедов был всё в том же засаленном полушубке, с той же прокуренной бородой, только тоньше и слабее стала шея да глубже темнели впадины за ушами, а на правом глазу появилось бельмо.

— Хотел от паяльника прикурить, а он стрельнул, как хлоп-пушка, — сказал старик с виноватой улыбкой, и отер слезящийся глаз. — А деньги твои в порядке, в сухости. Как положил за печку, так и лежат в сундуке под чучельями.

— Ну и добро. Сам-то, как тут один?

— Я не один.

— Вот как? — Арсеньев обвел глазами горницу. — А с кем?

— С Богом. А живу, как всегда, только клонит к земле помаленьку. Собаку вот жалко, справная сука была. Подалась в тайгу, и с концом. Яшка якут пошел по следу, а след волками затоптан, видно с ними ушла. Сейчас у них гон, свадьбы табунятся по всей округе.

— Разве такое бывает, чтобы с волками?

— Случается иной раз. Ну давай рассказывай. Домой заезжал? На кладбище был у родителей?

— На кладбище?

Он шагнул к окошку и уперся взглядом на заснеженную излучину реки, исполосованную заячьими следами. Под сердцем заныло. Эта ноющая боль временами была нестерпима,

когда он вспоминал их, так нелепо погибших здесь, на этой излучине тем давним осенним утром. Отец отправился поохотиться, и мать взял с собой. Вернее, она попросила взять ее в лодку. В броднях и телогрейках они вывернулись на самой стремнине, и нашли их только под вечер у топляков, обогих в мертвой сцепке. В тот год Арсеньев окончил университет, но эта смерть все перечеркнула, вывернула жизнь наизнанку: попойки, драки, учебная рота, Чечня...

— А чего там делать, на сугробы смотреть? — Сказал он тихо. — Я и так знаю, всё травой заросло. Придет время, займусь.

— Это правильно, могилки обиходить надо, — вздохнул Нефедов. — А я, почитай, два года с ума сходил, пока письмо твое не доставили с оказией. Человек тот сказал, что у зеков ты в авторитете, а вот с «хозяином» у тебя не сложилось — то БУР, то ШИЗО. Ладно, думаю, что теперь поделалась, главное, что живой. Переночевал твой посыльный, про деньги не спрашивал, а на утро уехал. Я и успокоился, уж больно большие деньги, миллион, не меньше. Прав я, ай нет?

— Прав, Семеныч, почти. Остальные тоже в надежном месте.

— А как твой ограбленный? А менты? Они, небось, тоже тебя ждут на свободе. Поостеречься бы не мешало...

— Ограбленному не до меня, пока я сидел он за границу свалил. А вот ментам повезло меньше, им еще лет пять рукавицы шить в Нижнем Тагиле.

— Стало быть, есть Бог, есть. И куда ж ты теперь?

— Туда, где надежное место, к морю. Ты Саню Осина помнишь? Мы с ним лет двадцать назад на охоту к тебе приезжали вместе с отцом.

— Это который детдомовский? А кого еще помнить, он один из твоих дружков здесь и бывал. Значит, к нему. И надолго?

— Не знаю. Отдохну, оклемаюсь, а там видно будет.

Два дня они пили самогон на кедровых орехах, ели строганину из нельмы, а на третий, когда стали прощаться, Нефедов признался:

— Вот провожу тебя, и тоже начну собираться. Племянница была тут в Покров и разревелась, гляючи на меня. Поехали, говорит, за ради Христа, кому ты здесь нужен? У них, мол, квартира и прочие удобства вроде больницы. Вот и решил — поеду, пора.

— Вот и хорошо, — похвалил старика Арсеньев. — Кстати, я там, на комод, 50 тысяч оставил, долларов. Для улучшения жилищных условий, и для прочих удобств вроде хорошей больницы. Племяннице скажешь, сын покойного друга

заезжал. Прямым, мол, с якутских приисков. И запиши-ка мне адресок племянницы на всякий случай. А пистолет оставляю, утопи его к чертовой матери.

3

На одном из поворотов машину качнуло, и Арсеньев прислушался.

— Да и место у нас тут спокойное, приветливое, — говорил Семен. — Музей имеется, санаторий и прочие культурные заведения. По размаху не Анапа, конечно, но и у нас в сезон оттянуться можно. Я вот, к примеру, всё побережье насквозь проехал, всё повидал, и что? Отвечаю, как есть: море у нас чище, народ проще, а сервис душевнее. А горы? С них, между прочим, речка бежит чистойшая, а в речке форель обитает. Что скажешь?

Арсеньев промолчал, он вспомнил другую речку в каменистом ущелье в Чечне, подбитый БМП, уткнувшийся в скользкий валун, хриплый мат взводного Тулигена и липкое от крови цевье калаша...

— Семен, ты правда думаешь, по чубатым шарахнем?

— Шарахнем, у нас выхода нет.

И снова услужливая память перенесла Арсеньева в прошлое. На этот раз в старинное украинское село рядом с польской границей, куда его, семилетнего мальчика взяли с собой родители, повезли на смотрины еще к одной бабушке с таинственным именем Ганна. Впервые в такую даль из Сибири! Всё в первый раз. И купейный вагон с веселой проводницей в униформе, и ароматный чай, и мягкая верхняя полка, откуда он замороженно глядел в открытое окно на летний Урал, на его зеленые горы с пологими склонами, на которых то и дело возникали живописные деревушки. А потом Москва, пересадка и пара свободных часов на экскурсию к Мавзолею, где на Красной площади он столкнулся со своим сверстником негритёнком и остолбенел при виде его красных беззьянных ладошек.

Снова поезд, и вот Украина — бесконечные степи и аисты, средневековый городок с костёлом и шумной базарной площадью и, наконец, рейсовый автобус, за пару часов доставивший их в то самое потонувшее в садах село со всеми его хатами, бесчисленной домашней живностью и неглубокой рекой с названием Горынь. Сады и, правда, были там хороши, в его холодном краю такие красивые фрукты он видел только на рынке. Речка тоже имела отличие, не ловилась в ней ни метровая щука, ни полновесный муксун, а всё, что ему попадалось на удочку, это мизерная рыбешка, прозван-

ная местными «верховодом». Бабушка Ганна, худошавая полька с иконописным лицом и натруженными руками, терпеливо чистила его скромный улов и жарила на сковороде, посыпав зеленым луком и обильно залив яйцами. А еще оказалось, что помимо бабушки у него полно родственников всех возрастов, от стариков до смешливых дивчин и парубков. От этих родственников он впервые услышал странное слово «кацап», и все они наперебой зазывали отца на чарку. Однажды в соседнем дворе его двоюродного дяди, рыхлого, добродушного толстяка с кабаньими глазками, он наблюдал, как гнали самогон из громоздкого аппарата и готовили домашнюю колбасу, набивая начинку в свиные кишки. А управляла всем этим жена дяди, высокая смуглая тетя Оксана. Позже все дружно обедали за крепким столом в тени фруктовых деревьев. Тень не помогала, и мужчины сидели, раздевшись по пояс — дядя Боря толстый, с отвисшей грудью, поросшей золотистым волосом, и отец — сухошавый лицом, с рельефными мышцами поджарого тела.

Он хорошо запомнил, как во время застолья к отцу подошел сын дяди, его ровесник Мишка, бесцеремонно ошупал бицепс и восхищенно прошептал: «потужно!». В ответ отец кивнул на дядю Бориса: «У тебя батька вон какой здоровенный», на что тетя Оксана со смущенной улыбкой махнула рукой, а Мишка выдавил: «це сало». Но больше всех запомнилась Яна, старшая сестра Мишки, про которую дядя Борис как-то сказал:

— Дуже гарна дивчина.

Круглолицая, чернобровая смуглянка с розовой родинкой на переносице, веселая и дерзкая, как мальчишка, она окончила в то лето семь классов и по-хозяйски взялась опекать маленького Арсеньева. Это она достала для него у своих друзей удочку, это с ней они таскали из соседних курятников яйца из-под наседок, как будто своих не хватало, и это она однажды взяла его в свою компанию, готовившую набег на совхозные бахчи за селом.

«Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут...» Бахчи растянулись выше по реке, и ребята придумали сплавлять арбузы вдоль берега вниз по течению, где девчонки, кто по грудь, а кто вплавь вылавливали добычу. И Арсеньев помогал из всех своих детских сил — подныривал, подталкивал тяжкие ягоды к травянистому берегу. Позже у бабушки Ганны, в старом флигеле, куда они перетащили свою долю, она, не обращая на него внимания, стянула с себя мокрую одежду и нагая принялась вытирать себя вафельным полотенцем. И его она вытерла, со смехом сказав при этом: «Чого

рот открыл? Ось це рыбалка, не то, що эти верховоди». А потом чмокнула его в губы, оставив привкус прохладного молока. Что он ощутил тогда, семилетний, глядя на её смуглые руки, на алые соски, маячившие у самого лица, он так и не понял, но ощущение было волшебным.

Давно нет на свете бабушки Ганны, и дядю Борю свел в могилу цирроз, про Яну ничего неизвестно. И о Мишке ни слуху, ни духу — может, целится сейчас с бруствера в москалей...

4

— Скоро будем, — донеслось до Арсеньева. — Ты не уснул? Дорога уходила вверх извилистым серпантином, петляя вдоль отвесных скал и обрывов.

— Высоко, однако, Петрович забрался.

— Выше не бывает, — сказал таксист, переходя на пониженную передачу. — Сам увидишь — крутое местечко.

За очередным поворотом машина резко взяла вверх, и они оказались на ровном плато размером с футбольное поле с вечнозеленым газоном, с десятком пирамидальных кипарисов, в беспорядке высаженных лет пятьдесят назад. С обеих сторон плато нависали слоеные, как пирог, выщербленные утесы, а по линии обрыва над морем на уровне груди тянулся белый парапет из ракушечника. Под одним из утесов сквозила белыми колоннами греческая беседка с голубым куполом, одинокая и романтическая в своем одиночестве. Будь Арсеньев художником, он тотчас вообразил бы там юную барышню из девятнадцатого века, бледную, с розовой пелериной на хрупких плечах, а рядом длинноволосого поэта в поношенном сюртуке, держащего на отлете тетрадь и декламирующего звучные строки, призывающие кого-то за что-то бороться и умереть. Но Арсеньев не был художником. Глядя на беседку, он вообразил летний утренний бриз, и смуглую обнаженную женщину, поднявшуюся в эту беседку по крутой тропинке из моря, насмешливую, желанную, с расплетенной мокрой косой...

Семен въехал на асфальтированную парковку, где мкли два черных внедорожника и красный седан, и вопросительно заявил:

— Может, мне тоже в кабачок прогуляться? Давненько я Петровича не видал.

— Неплохая идея.

— Как тебе видуха?

Что ж, «видуха» была на славу. Да и сам «кабачок» на редкость удачно дополнял этот своеобразный ландшафт. Прямо

посреди поляны темнело приземистое двухэтажное здание из горного камня, стилизованное под шотландскую таверну — с островерхой черепичной крышей, с высокой кирпичной трубой, похоже, каминной, с узкими окнами-бойницами, забранными на первом этаже решетками в виде перекрещенных стрел. У входа на стальном крюке висела рында. Но вывеска была неоновая, а над козырьком торчала тарелка спутниковой антенны. Чуть в стороне на фоне развесистых голых магнолий белел фасад флигеля с остекленной верандой, окруженный живой изгородью из самшита.

Они подошли к полированным, тяжелым по виду дверям с замысловатым узором, и Арсеньев сказал:

— Нет, «Шесть склянок» никуда не годится. Назвал бы лучше: «Адмирал Бенбоу».

— Читал. Но «Бенбоу» плохо кончил, помнишь?

— Помню. А потом они завладели пиратским золотом и купили новый трактир под названием «Шесть склянок».

Арсеньев толкнул кулаком дверь, и они оказались в просторном сумрачном зале, где было всё, что положено для измученных жаждой матросов: массивная барная стойка цвета мореного дуба, за ней пирамиды бутылок и скучающий молодой человек в красной жилетке и белой рубашке с бабочкой. Центр зала занимал длинный широкий стол в окружении крепких стульев с высокими прямыми спинками. Под потолком на цепях висела кованая железная люстра с неоновыми лампами в виде свечей. Если к этому добавить несколько ветвистых рогов и пару оскаленных волчьих голов по стенам, да закопченное жерло камина, да крутую лестницу, приглашающую гостей в уютные кельи, можно смело сказать — обстановка располагала к общению.

5

В дальнем углу у круглого стола, занятые разговором, стояли двое. При появлении гостей один в белом кителе и поварском колпаке простился кивком и, прихватив со стола меню, удалился. Второй, упитанный коротышка в клетчатой рубашке, подтянул под брюшком джинсы и направился прямо к Арсеньеву, а подойдя, оказался смутно похожим на знаменитого актера в известной роли трактирщика, только без хитрой улыбки и «стетсона». Он крепко сжал руку Арсеньева ниже локтя, ткнулся головой в грудь и, отступив, почесал затылок:

— Бледно выглядишь, Рома.

— Зато ты хоть куда.

— Мне простительно, жизнь такая. — И обратился к таксисту, молча разглядывающему потолок:

— Сема, прогуляйся за стойку, найдешь в кабинете Татьяну Ивановну, выпей чего-нибудь за мой счет и нам бутылку «Текилы» принеси в бильярдную.

— Спасибо, Петрович, — отозвался таксист. — Выпью, пожалуй. У тебя и выпить не грех.

Таксист ушел. И лишь в бильярдной, где рядом с кожаным диваном красовалась в бочке пальма с мохнатым стволом, они крепко обнялись и обменялись набором тех слов, которые в книгах обозначаются многоточием.

Усадив Арсеньева на диван, Осин подкатил сервировочный столик, достал из холодильника несколько банок пива, и за двадцать минут кратко и точно обрисовал свое прошлое и настоящее. Итак, имея на руках полмиллиона «зеленых», полученных от Арсеньева, он приехал в это райское захолустье с твердым желанием выгодно разместить и приумножить доверенный ему капитал. Обладая природным обаянием, деловой хваткой и волчьим нюхом на полезных людей, за несколько лет он почти добился намеченного: открыл магазин косметики рядом с местным театром, на живописной горе приобрел и перестроил умирающий мини-пансионат (профсоюзный барак советского времени), купил дом у моря, успел жениться и развестись. Осталось дожидаться Арсеньева. Шло время, и как-то само собой он оброс не только жирком, но и массой необходимых связей, где не последняя роль отводилась и местному «смотрящему», и полицейским начальникам — любителям погулять за счет заведения. Расчетливый делец и беспечный кутила, он был чертовски умен и точно знал, где надо рывкнуть, а кому вовремя «подстелить», не теряя достоинства.

— Сколько трудов сюда вбухано, Ромка, — заключил Осин, откидываясь на спинку дивана. — Одно строительство чего стоило. А газ, отопление, кухня. Всё, всё пришлось с нуля поднимать.

Арсеньев уложился еще короче, отдельно упомянул о Нефедове. В заключение кивнул на спортивную сумку, оставленную на бильярдном столе:

— Там остальное. Тебе виднее, как их в дело пустить.

— Не мне, Рома, а нам. И вообще, всё тут твое, я только за хозяйством присматривал.

— Не приbedняйся, тебе на роду написано банковать. Будь я на воле, промотал бы всё до последнего цента.

— Стараемся потихоньку, — нахмурился Осин. — Как там старик?

— Сдал, но харахорится. Беспокойно мне за него. Кстати, вот тут его адрес, положи-ка в сейф, не дай Бог, затеряется.

— А может это... переместить его сюда аккуратнo? Поближе к солнышку.

— Есть такая мысль. Но умные люди говорят, что стариков опасно с насыщенного места трогать. И родня у него проживает в районном поселке. Вроде как туда собирается.

— Денег отвалил на переезд?

— Само собой.

— Херня это всё! Приберут деньги, а самого в богадельню отправят, помяни мое слово. Он десять лет тебя ждал, ты один у него остался. Нет, надо забирать старика. Отдохнешь, а ближе к лету провернем это дело.

— Надо дом найти подходящий.

— Вот ко мне и заедет. Море, сад, красная черепица. Чего еще в преклонные годы желать?

— Черепица, говоришь. А чего развелся?

— Не везет в семейной жизни, братишка.

— С молодыми и высокими?

— Вот именно. Здоровья на них немерено надо.

— Надо по росту искать. Нашла кого-то втихую?

— Это ей казалось, что втихую, я ее быстро вычислил. Она ведь вначале у меня работала, Рома, директором здесь была.

— Ну и дела.

Осин с шипением открыл банку пива, смахнул пальцем бугорок пены и приложился.

— Но разошлись мы без скандала, — продолжил он, отдуваясь. — Ты меня знаешь. Я тебе больше скажу, она и теперь работает у меня директором.

— Догадываюсь, в магазине косметики.

— Точно, дело свое она знает. А с этим сошлась, живут-поживают.

— А с кем теперь ты?

Осин развел руками:

— Говорю же, дело свое она знает. Приезжает домой раз-другой в неделю. К тому же уборка на ней.

— Н-да...

Пришел таксист, принес бутылку «Ольмеки». Следом появилась женщина с короткой платиновой стрижкой и в черном брючном костюме, на ладони она несла миниатюрный поднос с толстыми квадратными рюмками, порезанным лимоном и пачкой «Винстона» в чистой пепельнице.

— Может вам соли принести? — сказала она Арсеньеву, и склонилась, поставила поднос на столешницу. Удлиненная прядка упала на щеку, в углубившемся вырезе пиджака появилась черная перемычка бюстгалтера. — Это я к тому, что Александр Петрович у нас без претензий.

— Ну не надо, не надо вот этого, Татьяна Ивановна, — поморщился Осин. — Мы люди простые, чистый спирт снегом закусывали. И вообще, сказали бы прямо, что прибежали посмотреть моего друга. Влюбляться не рекомендую, к тому же вы замужем. Прошу любить и жаловать: Роман Василич.

— Просто Роман, — поправил Арсеньев.

Он «дегустировал» тонкий запах духов, появившийся с приходом женщины, и ощущал необыкновенную легкость и спокойствие духа.

— Все мы одинаковы, — сказала Татьяна Ивановна. — К тому же вы так загадочно упоминали о нем... Так принести вам соли?

— Обойдусь лимоном, — улыбнулся Арсеньев. — А я думал, вы тут виски пьете, судя по обстановке.

— Ага, понравилась моя шотландская обитель? — прищурился Осин, разливая текилу.

— Волынщиков не приглашаешь по праздникам?

— Прихожане не оценят. Ну, давайте за встречу. И вы тоже, Татьяна Ивановна.

— Нет, я за рулем, — ответила женщина, не сводя с Арсеньева смородинных немигающих глаз.

— Я тоже за рулем. Рюмка не навредит, машину мы вам подшаманили, водите вы хорошо.

— Договорились. — Она присела на стул. — Но если меня остановят, отдуваться будете вы.

Беседа продолжилась, и по ходу её таксист снова вспомнил про Донбасс, про беженку, приехавшую с двумя детьми к соседям месяц назад.

— Муж погиб, — говорил он ворчливо, — дом в деревне в труху. Нет, пора с этим кончать.

— Сема, не заморачивайся, — строго произнес Осин. — Если начнется, мы их за неделю порвем.

— Если начнется, я в ополчение запишусь, — неожиданно грохнул Семен. — У меня брат двоюродный из Донецка, с 14-го года в ополчении, я с ним на связи.

Это прозвучало так внезапно, что все вдруг замолчали, повисла неловкая пауза.

— А ты хорошо подумал? — нарушил тишину Осин

— Я думаю об этом весь последний месяц, хватит думать.

— Сема, чёрт подери, тебе на пенсию скоро готовиться.

— По нынешнему закону мне далеко до пенсии, а на войне буду снаряды подвозить, раненых вывозить, работы хватит, всё какая-то польза.

— Знаете, я, пожалуй, пойду, — сказала Татьяна Ивановна и поднялась, опираясь на бедра пиджак. — Мне еще по-

работать нужно. А вы, Александр Петрович, подыщите Роману подходящую обувь и прочее, у нас тут не север.

При этих словах Арсеньев коснулся рукой своего толстого свитера и озабоченно уставился на ноги, обутые в зимние кроссовки. А Осин отчеканил:

— Вот вы и подыщите, никто лучше вас не сумеет. Очень прошу.

Женщина направилась к выходу, но у дверей повернулась и склонила голову к плечу:

— Слушаю и повинуюсь.

— Замужем, говоришь? — спросил Арсеньев, как только закрылась дверь.

— Замужем. Такие бабы одинокими не бывают.

— А муж...

— Вот что мы сделаем. Я позвоню сейчас знакомой «массажистке», она все проблемы решит.

— Не надо, я в поезде отстрелялся.

— Я думал, тебя теперь месяц от баб не оттащить.

— Стареем...

— Не гони, — отмахнулся Осин. — Похудел, конечно, но так даже лучше, чем-то на грузина смахиваешь. Ты на меня посмотри или вон на Семена. Вот кто видоизменился, прямо скажем, не в лучшую сторону. Прав я, Семен?

— У меня работа такая, — буркнул таксист.

Наконец допили бутылку, и Осин позвал к себе в кабинет. Семен стал прощаться:

— Спасибо, Петрович, за угощение, поеду домой. А ты, Роман, звони в любое время, доставлю куда угодно.

6

В зале произошли изменения. Появилась официантка в клетчатой зеленой юбке и белой рубашке с галстуком, звучала музыка в стиле «кантри», а в середине стола, загроможденного кружками с темным пивом, коротали время трое угрюмых мужиков в кожаных куртках. Когда Осин подошел, они поднялись, пожали по очереди ему руку, и снова принялись за пиво.

— Вадик, — сухо обратился Осин к бармену. — Принеси-ка в кабинет добавку, выбери на свой вкус. И захвати «Белую лошадь». А Наталья пусть горячего сообразит.

— Будет сделано, — напрягся чернявый Вадик, отводя в сторону умные и влажные, как у собаки, глаза.

— Хороший ты работник, Вадик. — Осин через стойку поманил его пальцем. — И смекалистый, а? Я знаю — воруют все, везде, где могут. Но у меня есть правило — во всём

знать меру. Не нарушай это правило, Вадик. Я человек добрый, но еще раз узнаю, я тебе обрезание сделаю твоими щипцами для льда.

И они удалились, оставив бармена на грани обморока.

Как выяснилось, и кабинет не имел особых претензий: обычный офисный стол с монитором компьютера, на стене телевизор, по периметру несколько мягких стульев. Но за высоким казенным стеллажом находилась симпатичная дверь, оклеенная ореховым шпоном. Она и открывалась в то самое место, именуемое по обычаю комнатой отдыха. Там тоже стоял бильярдный стол, но поменьше, зато кожаных диванов было два, но широких. Сюда же входил набор необходимой мебели. Взглянув в зарешеченное окно, Арсеньев отметил, что машин на стоянке прибавилось, но отсутствовал красный седан. Значит, уехала Татьяна Ивановна.

Они уселись в кресла.

— Какие мысли? — небрежно поинтересовался Осин. — Программу составил?

Арсеньев поднялся и снова подошел к окну, бросил взгляд на парковку, где трое в куртках садились в затонированный белый кроссовер.

— Санёк, за десять лет я много чего составил. А теперь сам не знаю, что с этой свободой делать. Всё изменилось, даже люди говорят по-другому. И думают тоже: никогда бы не поверил, что таксист захочет добровольно за Родину воевать. Не хочу загадывать, как масть ляжет, так тому и быть.

— Понятно. А это значит, надо всерьез устраиваться, документы выправить. Я пока правильно рассуждаю?

— Правильно, но ведь долгая волокита начнется.

— Не больше недели, ну две. Это я беру на себя, проблем не будет. И заметь, всё по закону.

— А сам-то ты как тут — по закону или понятиям?

— Какие понятия? «Смотрящему» 25 лет от роду. По натуре из тех, кто у одноклассников деньги обеденные выколачивал. Мелкая самодовольная сволочь. Нет теперь понятий, Рома, одни декорации.

Пока говорили, дважды приходил бармен, расставлял то вино, то закуски. Потом появилась баранина с грибами в белом соусе, с острым перцем и зеленью. А дальше ели и пили всё подряд, и продолжалось это довольно долго.

— Может, на воздух? — предложил захмелевший Осин. — Дождя нет, давай-ка прогуляемся.

Народу в зале заметно прибавилось, музыка звучала громче, с некоторыми из присутствующих Осин здоровался за руку.

На крыльце они закурили и, не сговариваясь, направились по газону к обрыву, подойдя к парапету, облокотились. Быстро наступали южные сумерки, длинные облака, похожие на серебристые дюны, неутомимо уходили за море вместе с розовым солнцем, мерцающим у самой кромки воды. И глядя на солнце, на облака, чувствуя кожей легкий, по-особому мягкий ветер, Арсеньеву невыносимо захотелось женщину, ее теплых ласкающих рук, поцелуев...

— Саня, может, позвонить этой массажистке?

— Я час назад позвонил, — невозмутимо ответил Осин. — Но не массажистке, а Маринке. Она в конце стойки сидит, пьет сок и книжку читает.

На мгновение Арсеньев опешил:

— Книжку?

— Ну да, она ведь библиотекарь. Старомодная слегка, зато стройная, как статуэтка, и чистейшие синие глаза.

— А почему старомодная?

— Потому что бросила университет в Ростове и переехала в наше захолустье к тетке. Морем любоваться.

— Я тоже приехал морем любоваться. Ты где ее откопал?

— На берегу. Вон там, у беседки есть удобный спуск к морю. Так вот, спускаюсь однажды, иду в свое местечко у скал, и вдруг вижу — лежит у валуна на боку это создание, причем совершенно голое, и книжку чёртову читает. Потом книжку бросила, поднялась, и с разбегу прямо в волну. А когда вышла, руки скрестила на затылке и долго стояла, глядя на море. А на море ничего, кроме чаек. Картина, скажу я тебе. Потом вернулась, легла на спину и прикрыла глаза рукой.

— А ты?

— Пошел прямо к ней. А она, садитесь, говорит, если не страшно брюки испачкать. Вот так и познакомились.

— Уболтал?

— Не получилось. Поговорил и понял — порожняк. Она мне вроде сестренки. А вот ты ей подходишь.

— Хорошо, позвонил. А что сказал про меня?

— Сказал, что брат приехал. Я и раньше ей говорил, что брат, мол, в Сибири живет, ко мне собирается...

— Ты ведь это знакомство еще до моего приезда задумал?

— Подумывал, да не знал, как обставить. Ладно, пошли в кабинет. Брякну Вадику, он ее пригласит.

7

И Вадик пригласил. Улыбаясь, она выглянула из-за его спины, потом вышла вперед, и оказалось, что Осин довольно сносно описал ее на словах. Разве что не сказал про ямоч-

ки на щеках да про блестящие ореховые волосы, хвост которых лежал на плече синей стеганой куртки. В руке была сумка, на голове объемная кепка, а на ногах джинсы и шнурованные ботинки. Ничего старомодного Арсеньев пока не заметил.

Как только дверь за барменом закрылась, девушка наморщила нос, бросила сумку на диван и напрямик направилась к мужчинам, стоявшим у подоконника. Со словами: «вкусно пахнет», — она поцеловала Осина в щеку, а Арсеньеву подала руку, пальцы которой он с осторожностью свернул кулачком в своей широкой ладони. Пошевелив кулачком и убедившись, что ему там очень уютно, девушка подняла на него глаза и тихо рассмеялась:

— Какой вы большой! — И прижалась щекой к его свитеру на уровне диафрагмы. Затем снова подняла голову и мечтательно завела глаза:

— Какой теплый. Из козьего пуха?

— Из него.

— Я Марина, — со вздохом сказала девушка. — Неудачное имя. А вы Роман, Сашин брат из Сибири.

— Точно, — вмешался Осин, усаживаясь в кресло. — Можешь не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь. — Она смерила их взглядом. — Вы «Близнецов» со Шварценеггером смотрели?

Осин схватился за голову.

— Ну, Саша, шуток не понимаешь? — Она легко прошла по комнате, на ходу снимая и бросая куртку и кепку на диван. Осталась в белой футболке на голое тело. Осмотрев себя в зеркало, потрепала косую челку и повернулась к Арсеньеву:

— Роман, если хозяин устал, давайте с вами продолжим банкет. Я вообще-то не пью, но сегодня выпью немного. И поем, у вас тут столько вкуснятины.

— Остыло всё, — сказал, поднимаясь, Осин. — Пойду, скажу, чтобы заменили.

— Не надо, это будет холодное мясо по-шотландски.

Осин подошел к ней и положил руки на плечи:

— По-шотландски мясо подают говяжьё, а это баранина. Какую выпивку заказать?

— Значит, я буду баранину. А выпивку.. Пусть Вадим «ми мозу» приготовит, быстро и вкусно.

— А может, чего покрепче, за встречу? — настаивал Осин.

В ответ она положила поверх его рук свои:

— От этого «чего» у меня через пять минут глаза начнут слипаться.

Осин ушел, а через пять минут появился Вадик с отпеченной бутылкой «Шампанского», графином апельсинового сока и бокалом желтого коктейля с апельсиновой долькой. Он составил с подноса напитки, загрузил его пустой тарой и сказал будничным голосом, вынимая из кармана связку ключей.

— А шеф уехал, просил передать ключи от кабинета и свои наилучшие пожелания. Приятного отдыха. Кстати, там за портьерой имеется еще одна комната с душем и всем остальным. — И положив на край стола связку, удалился вместе с подносом.

На минуту воцарилась тишина. Потом она притопнула каблуком и нервно прошлась по комнате, с грохотом зацепив стул. Вернувшись к столу, вынула из бокала соломку и, не отрываясь, выпила добрую половину содержимого. Щеки ее горели.

— Мне кажется, что «шеф» торопит события. Вы ведь тоже так думаете?

— Простим его — он для брата старался. Посидим немного, и я провожу тебя на такси. Так подходит?

Она села за стол, воткнула соломку в бокал и задумалась, помешивая коктейль.

— Он всегда такой обстоятельный, умудренный. — И снова наморщила нос. — Но иногда бывает просто бестолковым, иначе не скажешь. Старался для брата. Взять и разрушить вот так всю компанию. — Она потянула через соломку коктейль и вздохнула. — Ладно, притворимся, что у него срочные дела.

Арсеньев присел на подоконник:

— Не злись. Ты для него особый случай. Знала бы, что он думает о тебе...

Она тут же прищурилась:

— Он рассказывал о нашем знакомстве?

— Не помню.

— Рассказывал, рассказывал. Комбинатор. Наверно, думаете, что мы уже спариваемся.

— Клянусь, ничего не знаю.

— Правда?

— Правда.

— А почему улыбаетесь?

— Любуюсь тобой.

Арсеньев перешел от окна к столу и уселся на стул, плеснул в рюмку виски. Она в молчании принялась за еду. Иногда прерываясь, вытирала губы салфеткой и наливала в ста-

кан сок из графина. Покончив с ужином, сходила в кабинет и принесла два высоких тонких бокала, поставила рядом с «Шампанским».

— Откроете?

Он встал, бесшумно открыл бутылку и разлил по бокалам вино. Она взяла бокал двумя руками, прижала к груди и, помедлив, подняла голову, ее аквамариновые глаза смотрели пронзительно и спокойно. Арсеньев понял: в эту минуту она принимает окончательное решение.

Она глубоко вздохнула:

— А теперь за знакомство. Например, я работаю в библиотеке. А вы?

— Я безработный.

— Чокаться нужно?

— Не знаю.

Они, не чокаясь, выпили, она вернула ему бокал и завела руки за голову, освободила хвост от заколки, волосы рассыпались по плечам.

В это время просигналил невидимый мобильник. Она отошла к дивану, нашарила в сумке телефон и приложила к уху:

— Ах, это ты, провокатор несчастный! — И включила громкую связь. Из трубки донеслось:

— Так получилось, малышка. Дела призывают. Надеюсь, я не нарушил...

— Да, нарушил, я вся дрожу, мы книжку вслух читаем.

Она бросила телефон на куртку, и вернулась к столу.

— Допьем?

— Конечно.

Она медленно выпила до дна, поставила бокал на место и вновь прижалась щекой к его свитеру:

— Всё хорошо, но завтра мне с утра на работу.

Он поднял ее голову за подбородок:

— Отложим на выходной?

Она прижалась сильнее.

— Нет. Сейчас уже поздно откладывать. У меня и правда ноги дрожат.

— Надеюсь, не от страха? — он подхватил ее на руки.

Она обняла его и прошептала в ухо:

— Я тебе не скажу...

Но сказала, конечно. Ночью, когда от прилива нежности что-то бессвязно шептала, блуждая губами по всему его телу, и даже утром, когда он обхватил ее через прозрачную шторку под душем.

— Ну, перестань, — смеялась она, путаясь в шторке. Потом показала лицо в мокрых прядях волос. — Знать не желаю, что будет дальше. И ничего не говори.

Он укутал ее полотенцем, перенес на диван и сказал, вытирая голову:

— Дальше я позабочусь. Сядем на белый пароход и отправимся на какой-нибудь Зурбаган.

Она рассмеялась и поцеловала его в нос:

— Смешной ты, Рома. Сказки Грина читаешь?

— А ты?

Она освободилась из его рук и, поднявшись, приблизилась к зеркалу, внимательно осмотрела себя.

— Я в школе Франсуазой Саган зачитывалась. Просто влюбилась в нее без ума.

Она повернулась к нему, прикрыв рукой темный мысок внизу живота, глаза ее улыбались:

— Может, мне тут всё сбрызнуть? А ты мне поможешь...

Он молчал, с трудом подавляя желание завалить ее на диван.

— Значит, не буду. Глупости это всё.

Она собрала в охапку одежду и направилась в ванную комнату:

— Я быстренько, буквально минуту. Ты вызвал такси?

— Давным-давно.

Арсеньев подошел к окну и сквозь решетку увидел стоящий на парковке «Форд» Семена. А через минуту рядом пристроился красный «Фольксваген» Татьяны Ивановны.

— Кажется, я готова. Можно ехать.

Она стояла перед ним в застегнутой под горло куртке, надвинутой на лоб кепке, и смотрела в окно, покусывая губы.

— Рома, проводи меня до машины — и всё. И не нужно целоваться на улице.

— Это еще почему?

— Не люблю быть объектом насмешек.

— Да кому это в голову придет?

Она указала рукой на «Фольксваген»:

— Не беспокойся, найдется кому. Думаешь, я не вижу, как она улыбается мне каждый раз при встрече? Вообразила, что я сплю с твоим братом. И что вообразит теперь?

Чуть погодя он усадил ее на заднее сиденье «Форда», обошел машину и пожал, протянутую из окошка руку, оставив в ней деньги.

— Семен, отвези девушку куда попросит. Поменьше вопросов, и никаких ответов.

Таксист кивнул, и машина осторожно стала выворачивать на дорогу.

9

Через час приехал на своем внедорожнике Осин. В сером деловом костюме вошел в кабинет, положил на стол смартфон и сказал:

— Это тебе, вбил несколько номеров, в том числе Маринки, разберешься?

— Разберусь.

— Ну, как прошло, нормально?

— Ты о чем?

— Ты дурочку не включай.

— Братишка, она прекрасна. Больше ничего не скажу.

В дверь постучали, и в кабинет вошла Татьяна Ивановна, в руке она держала вместительный пакет с логотипом известного бренда. Бирюзовый костюм с зауженной юбкой сидел на ней идеально. Подойдя к столу, женщина достала из пакета коробку и протянула Арсеньеву.

— Вот, заехала вчера в магазин и взяла примерить. Это хорошая итальянская обувь. Если не подойдет, подберем другую.

Он открыл коробку. Отличные туфли из мягкой телячьей кожи, они чудесно пахли и сами просились на ногу. Усевшись на стул, он снял кроссовку и примерил. Затем встал и для убедительности сделал пару шагов вдоль стола.

— У вас отличный вкус.

— Берете?

— Разумеется. Но к хорошей обуви нужен подходящий костюм. И пару рубашек. Можем мы это оформить?

— Прямо сейчас?

— А это сложно?

В местном ТЦ она долго водила его между рядами костюмов, с одних снимала чехол, пробовала на ошупь и прикладывала на вытянутой руке к его груди, отводя назад голову.

— Вот этот, — наконец сказала она, остановив выбор на темно-синей двойке. — Тоже Италия, из муслина. Нравится?

— А вам?

— А рубашки возьмем голубую и белую.

У примерочной кабины она отвела вбок штору:

— Заходите. Когда примерите, оценим.

И отошла, присела на твердый диванчик, сложив на коленях руки. О чем она думала в эту минуту, одному Богу известно. Но когда из кабины послышался озабоченный голос, вздрогнула, словно ее ударило током:

— Чёрт, не могу с рубашкой справиться. Танюш, помогите, запутался я в этих булавках.

Сцепив на коленях пальцы, женщина в оцепенении посмотрела на штору. Потом поднялась и неуверенно прошла в кабину. С голым торсом и в новых брюках Арсеньев стоял у высокого зеркала и задумчиво смотрел на нее, держа в опу-

щенной руке наполовину развернутую упаковку. В молчании она освободила от булавок и зажимов рубашку, расстегнула пуговицы и, зайдя ему за спину, помогла вдеть в рукава его большие сильные руки. Когда поправляла на шее воротник и коснулась кожи холодными пальцами, они задрожали. Он замер, но тут же повернулся и стальной хваткой сжал ее запястья. Она в отчаянье прошептала:

— Нет, мы здесь не должны...

Он встряхнул ее за руки:

— Да что с вами? Напугали меня — пальцы совсем ледяные. Как мне рубашка, впору?

— Что? — сказала она тупо и отшатнулась, освобождая руки. — О, Боже...

Немного позже, съехав в одном из переулков на обочину, она заглушила двигатель и сказала, опустив на руль голову:

— Дай, пожалуйста, закурить.

Он поспешно вытащил пачку «Винстона», прикурил:

— Но ты ведь не куришь?

Она сделала легкую затяжку.

— Когда-то курила...

Она еще раз затянулась, бросила окурков в окошко и сказала, опустив голову:

— Там в кабинке я уж было подумала, что ты... что мы... В общем, у меня только одна просьба — пусть это останется между нами.

Он коснулся рукой ее волос:

— Успокойся. Давай-ка лучше в парикмахерскую заскочим, раз уж пошла такая пьянка.

10

Еще через час машина припарковалась на стоянке Осина.

— Иди, похвастайся, — сказала Татьяна Ивановна с невеселой улыбкой. — Думаю, он оценит. А я поехала, беру выходной.

Арсеньев, одетый с иголки во всё новое, преобразился до неузнаваемости. Он понял это еще в парикмахерской, когда седая девушка с выбритыми висками и цветным драконом на предплечье убрала с него накидку, подправила расческой прорбор на голове и увлажнила лосьоном гладкие до синевы щеки. А когда появился в кабинете Осина, окончательно утвердился в этом. Какое-то время тот непонимающе смотрел на него из-за стола, затем резко поднялся с открытым ртом, взмахнул рукой и снова вернулся в кресло.

— Ну вы даете, — сказал он по слогам. — Я в шоке. Выпешу премию Татьяне, заслужила. Так, после работы заберем

Маринку и поедем ко мне, пора осваиваться с новым жильем, хватит ночевать в кабинетах.

А вечером в библиотеке тоже случилось замешательство. Войдя, он никого не увидел и двинулся в читальный зал, где единственным посетителем оказался мальчик лет десяти, сидевший за компьютером. Дальше направился по коридору в другой зал, заставленный высокими книжными стеллажами, и, наконец, нашел ее, стоящую у одной из полок с блокнотом и авторучкой в руках. Поверх футболки на ней была простая серая кофта, а на лице поблескивали симпатичные очки. Она встретила его виноватой улыбкой и близоруко сощурила глаза:

— Извините, подождите, пожалуйста, в читальном зале, я сейчас подойду. Вы записаться хотите?

И такая нежность охватила Арсеньева от этих слов, что захотелось немедленно взять ее на руки.

— Да, хочу, — сказал он сдержанно. — Сказки Грина имеются?

— Ой! — Она выронила блокнот и в изумлении отступила, прикрыв рукой рот. А через мгновенье повисла у него на шее, обдав горячим дыханием, и уткнулась губами в щеку.

На этом романтика не закончилась. Они закрыли библиотеку, уселись в черный джип Осина, и через двадцать минут он привез их на ухоженную окраину, на одну из утонувших в садах улочек, где по традиции на лето сдаются гостевые дома. И арендуют их те умудренные жизнью люди, что предпочитают не шумный пляж и душный номер в гостинице, а тишину открытой террасы, благоуханье цветов и близость чистого моря. Встретила их белая каменная ограда в человеческий рост, стальные ворота, а за ними несколько соток земли обетованной — просторный двор с гаражом, летняя кухня под навесом и, конечно, голый фруктовый сад, указывая на который Осин, морщась, сказал:

— Тут всего хватает, надо лета дожждаться.

И, разумеется, дом с террасой — основательный, двухэтажный, с четырехскатной крышей и выступающей отделкой углов черного цвета. Арсеньеву дом понравился. Но особенно второй этаж, где кроме ванной было две спальни с выходом на открытые лоджии и зал, обставленный мебелью из ротанга. Из большого окна открывался впечатляющий вид на бескрайнее серо-синее море, всё в белых барашках, с пенистой прибрежной волной, набегающей на песчаную кромку пляжа. По берегу неторопливо шла простоволосая женщина в распахнутом плаще за руку с маленькой девочкой...

Спустившись вниз вслед за Мариной, Арсеньев прошел на кухню и уселся против стола на край углового дивана, девушка опустила рядом. Осин резал охотничьим ножом на разделочной доске мясо, то и дело вопросительно поглядывая на них. И не вытерпел:

— Чего молчите, не нравится? Обставляла бывшая, все претензии к ней.

— Ты смотри не порежся, — сказал Арсеньев. — Дом замечательный. А супруге спасибо передай, всё в лучшем виде.

— Сам передашь, когда приедет.

Она приехала к ужину, и оказалось, во-первых, что «молодая и высокая» не так уж и молода, как представлялось Арсеньеву, а во-вторых, если и высока, то исключительно на фоне низкорослого Осина. Круглолицая и худощавая, в темном габардиновом платье с белым воротничком, она коснулась у зеркала русских волос и сказала без всякого жеманства, подавая Арсеньеву руку:

— Маргарита. Можно Марго. А вы тот самый Роман?

В ее серых глазах Арсеньев не заметил и тени смущения, хотя она, безусловно, догадывалась, что он посвящён в перипетии ее семейной жизни. За ужином она вела себя сдержанно, а когда вставляла в разговор пару слов, то всегда точных и по делу. Похоже, она была одной из тех своенравных женщин, которые не привыкли расточать любезности, дарить глупые улыбки, и которым по барабану чужое мнение, поскольку на всё имеется собственное.

Вечер прошел на кухне, а ближе к ночи поднялся ветер и пошел дождь.

— Не люблю февраль, — сказала Марго. — Ущербный месяц. И всегда необъяснимое чувство тревоги. Хотя почему необъяснимое? Вчера Олег заявил, что, вероятно, весной начнется война. Осин, война будет?

— Олегу видней, — съязвил Осин. — Он ведь у тебя за национальную безопасность отвечает. А если серьезно, то я уже ничего не понимаю: в телевизоре пугают, таксёр, которому без году неделя до пенсии, в добровольцы собрался, а народ, как посмотришь, живет себе в удовольствие. Какого черта! Ромка вон Чечню прошел, рассказывал... Если такое же на Донбассе начнется, мало никому не покажется.

— Ладно, умник, пошли спать, — сказала Марго, и потянула Осина за рукав. — Ребята, мы уходим, спокойной ночи.

Весь следующий день шел с перерывами крупный дождь, тяжелые капли густо шлепали в стекла веранды, а по временам, когда задувал шквалистый ветер, было видно, как гнутся и качаются голые кроны деревьев в саду. Но вот наступил

вечер, кончился дождь, и на смену мгlistому небу пришли большие кучевые облака, бело-розовые в лучах заходящего солнца.

В спальне у кровати горел торшер, Марина, лежа на спине, читала книжку, а на краю сидел Арсеньев и смотрел на экран телевизора, где сменялись живописные картины древнего Монтрезора. Сзади послышался вздох, и на его плечо легла теплая рука.

— Люблю Францию, всю жизнь мечтала съездить.

— Сюда?

— Нет, тут слишком навязчиво, похоже на декорации. Куда-нибудь в Бретань или Нормандию, в какую-нибудь не туристическую деревню у моря. Снять комнату в старинном доме. Знаешь, там есть такие грубые каменные дома, которым лет по двести-триста, а может, и больше. Так вот, снять комнату, слушать в открытые окна прибой по ночам, а во время отлива собирать моллюсков у скал. Глупо, да? А теперь какая разница, все равно уже не получится.

— Это еще почему, теперь-то как раз и можно. И не комнату, а целый дом снять. А если надо, то и купить можно.

— У вас что, все в Сибири такие богатые? — рассмеялась она и уселась рядом. — Нет, Рома, теперь там русских не жалуют, Европа нас отменяет.

Он обнял ее, поцеловал в шелковистую макушку и снова испытал острое, почти болезненное чувство нежности.

— Ну и черт с ней, с Европой, мир большой, поедем в Бразилию, там все поголовно в белых штанах. На фавелы посмотрим, по Амазонке прокатимся...

Он переключил канал, и вся нежность в тот же миг улетучилась. В эфире возникла телеведущая с раскосыми глазами и конским хвостом на затылке. Одета в брючный костюм, она крепко, по-военному стояла на расставленных ногах и четким поставленным голосом призывала все кары небесные на голову бандеровского отребья и советовала властям не испытывать долготерпение возмущенного народа, а нанести сокрушительный удар по врагу. Ее слова сопровождались кадрами бомбежек с разбитыми окнами магазинов, с убитыми людьми, разбросанными на тротуарах, с мужчиной, склонившимся у тела жены...

— Боже, Боже, — прошептала Марина и закрыла лицо руками. — Что же это такое, Господи, когда же всё это кончится...

— Прав был Семен, — проговорил задумчиво Арсеньев. — Надо было их раньше кончать, пока не оперились. Да, судя по всему, скоро начнется, у нас выхода нет. Но теперь будет сложнее.

Следующие несколько дней настроение не улучшили, скорее, наоборот. Жизнь текла своим чередом, все было занято на работе, а он бродил у моря или томился с чашкой кофе у телевизора, всё больше мрачней от последних новостей из «зоны соприкосновения». К тому же погода была ветреной, злой: тяжелые тучи с северо-востока шли и шли бесконечным накатом, а море ходило и вздымалось гребнистыми чревами, как на картинах Айвазовского. Он спускался на кухню, выпивал рюмку коньяку, но это не помогало. И он опять садился у телевизора, чувствуя себя совершенно ненужным в этой паскудной обыденности, где на одних каналах русские люди гибли от пуль и снарядов, а на других не менее русские сладострастно готовили жратву или давились от смеха на театральных тусовках. Уж он-то точно знал, где мог пригодиться и гораздо полезней Семена. Но разве это реально с таким прошлым? Когда вечером после работы Осин привозил Марину, душу отпускало, становилось легче, но с утра тяжелые мысли снова возвращались, и всё повторялось сначала — кофе, телевизор, коньяк. В конце недели он не вытерпел и вызвал по телефону Семена. Снова шел дождь, но таксист улыбался, радостно говорил, лихо выкручивая на поворотах:

— Телик смотришь? Ходят слухи, наши скоро признают Республики. Улавливаешь, в чем суть?

— Улавливаю. Потом введут войска для защиты.

— Правильно. Брат звонил вчера, говорил: вот-вот и начнется.

Когда миновали вокзал, в одном из переулков Арсеньев обратил внимание на магазин сотовой связи и вспомнил про зарядник к смартфону.

— Давай заскочим, — попросил он таксиста.

Семен притормозил, сдал назад и остановил машину напротив зеркальной витрины. Собравшись с духом, они выбрались под дождь, стремительно вошли в магазин — и остолбенели от неожиданности. Прямо у входа в луже запекшейся крови, скорчившись, лежал молодой человек в джинсовом костюме, рыжий, с белым лицом и сощуренными, как у слепого, глазами. На левой стороне куртки висел именной жетон. Кровавый смазанный след тянулся к нему от прилавка, а за ним — полный разгром от спонтанного грабежа.

— А ты говорил, приветливый городишко...

Арсеньев шагнул вперед, присел у трупа на корточки и коснулся пальцами шеи.

— Паршиво, теплый еще. Думаю, он пытался не пустить этих придурков в закрома, за что и поплатился. Ну всё, уходить надо, с ментами мне лучше не пересекаться.

Арсеньев выпрямился и взглянул на таксиста. Тот был бледен, но внешне держался спокойно.

— Слить не получится, снаружи камера, — сказал он упавшим голосом.

— Тогда вызывай.

Семен позвонил по мобильнику, и через пять минут к магазину подъехали три машины: две полицейские «Лады» и «Мерседес» песочного цвета с мигающим маячком. Оперативники быстро проследовали в магазин, а из «Мерседеса» неторопливо выбрался высоченный альбинос в сером костюме и в лаковых серых туфлях. Он тут же прикрыл черной папкой белоснежный ежик на голове, поднялся на крыльцо и оказался одного роста с Арсеньевым.

— Ты вызывал? — обратился он к таксисту. — А это кто, пассажир?

— Да, клиент, — ответил Семен за Арсеньева. — Взял с поезда, по дороге заехали мобильник купить, а тут...

— Откуда? — спросил в упор полицейский.

— С северов.

— Зачем?

— Подлечиться.

— Это зимой-то?

— Разве это зима?

— И все-таки? — на губах полицейского заиграла улыбка.

— Радикулит замучил, — простодушно ответил Арсеньев. — Начальник нашей геологоразведки посоветовал. Отдыхал тут у вас в санатории лет десять назад. С тех пор про больницу забыл. Давай, говорит, поезжай, Роман Васильевич. Не пожалеешь.

— Не соврал твой начальник, — самодовольно сказал полицейский. — Ну что ж, поскольку вы единственные свидетели и заодно понятые, зайдем на пару минут, а потом прокатимся в управление — объяснительные там, протоколы и прочая бумажная шелуха.

— Вы уж организуйте всё поскорее, — попросил таксист, — я и так уйму времени потратил впустую.

— Не стони, — раздраженно ответил полицейский, и первым прошел в магазин.

— Записи с камер проверили, — сказал один из группы. — Молодежь работала. Приехали на серой «Хонде» с местными номерами, скорей всего угнанной. Продавца пырнули, пинали, а двое других вытряхивали всё подряд в баулы. Всё бы-

стро, не больше пяти минут. А эти приехали совсем недавно. Зашли и сразу вышли. Этот высокий пульс прощупал у пострадавшего. Вроде всё.

— Всё, так всё, — сказал полицейский. — Это гастролеры. Местные такого не устроят. Отлично, работайте. А ты давай за мной вместе с отдыхающим, уладим формальности.

Через час они покинули Управление, дождь поубавился, оловом отсвечивали тротуары. Едва расселись в машине, стоявшей под высоким каштаном, налетел порыв ветра, и на крышу с трескучим шумом обрушились несметные капли.

Спустя полчаса, в таверне они обсуждали происшествие, и Осин говорил, расхаживая по кабинету и хватаясь за голову:

— Какого черта вас понесло в эту стекляшку! Ну какого?

— Да я зарядник хотел...

— Рома, блин. — Осин остановился и уставился на Арсеньева. — У меня этих зарядников штук пять по дому разбросано.

— Откуда я знал! — взорвался Арсеньев. — Увидел вывеску и словно переклинило.

— Ладно, проехали. Рыжий, говоришь? Я его знаю... знал, царствие небесное. Это Борька Фишензон, безобиднейший парень. А накаченный альбинос — это Костя Трегубов, майор из линейной конторы, мой хороший знакомый. Заскакивает иногда с подругой бухнуть. Если хочешь, могу позвонить.

— Не надо, они паспорт смотрели, там всё чисто, прописка на месте.

И все-таки на следующий день он позвонил, а вечером доложил Арсеньеву:

— Взяли их, Рома, бьют в казематах у Трегубова. Залетные мудаки из Лазаревского, всю отчетность ему попутали. Он тебе привет передает, говорит, надо было сразу сказать, что ко мне приехал, а не выдумывать сказки о пояснице.

Они сидели на кухне, пили пиво и закусывали миндальными орехами, приготовленными Осиным по его собственному рецепту.

— Хороший миндаль, — рассеяно сказал Арсеньев. Он встал, прогулялся до остекленных дверей на веранду, вернулся и остановился напротив друга: — Муторно мне что-то последние дни, зуд какой-то в нервной системе, сосредоточиться не могу. А тут еще этот труп до кучи. Ты знаешь, я не сентиментальный, но когда пульс у него проверял, прочувствовал, как из него жизнь по капле уходила. А ведь ночью, наверно, с подругой спал, утром в туалет ходил, кофе пил на

дорожку. Зачем? Вот и я вроде как живу, а для чего — непонятно. В зоне мечтал: выйду, бабки заберу у Семеныча, и жизнь пойдет лучезарная до невозможности. А вышел — ни хрена, нет той жизни, о которой мечтал. Я прошлым жил за колючкой, Саня, а время ушло вперед. В общем, отстал на 10 лет, а догонять не хочу, неинтересно.

Осин отхлебнул из банки и, глядя на него снизу, прищурился:

— А тогда что тебе интересно?

— Может, поехать туда помочь мужикам, как Семен задумал. Вчера видел в новостях церковь, разбитую снарядом, и так захотелось помолиться там... А потом гасить чубатых по полной. Сука, я их еще по Чечне не забыл.

— Ты рехнулся, Рома, — тихо сказал Осин. — Совсем рехнулся.

— А ты меня каким тут видеть хотел? Чем я тут должен заниматься, бумаги перекладывать, прибыль в банке подсчитывать? А может, мне пойти историю детишкам преподавать? Говорю же, опоздал, теперь историю по другим учебникам учат.

— Точно, по другим. Думал, женишься, остепенишься, в Анталю сгоняешь, в Египет...

— Какой Египет, Саня. Ты вообще понимаешь, о чем я?

— Ни хрена я не понимаю! Ты лучше водочки врежь, вот мозги-то и встанут на место. А потом на море сходим, Маринку возьмем за компанию.

Спорить не имело смысла. Водки они выпили. И на море сходили вместе с Маринкой. А ночью она виновато призналась:

— Рома, я всё знаю. Случайно. Пошла к вам вниз, а когда услышала ваш разговор, села на ступеньку и подслушала.

— И что?

— Я его не осуждаю. Он тебя 10 лет из тюрьмы ждал, а ты приехал и опять — из огня да в полымя.

— Скорее, в обратном порядке.

— Пусть так. Ты правда уже всё обдумал?

— Нет, не всё.

— А как же — я?

Он потрепал ее по челке:

— Маринка, я старый неуравновешенный уголовник, тебе...

Она закрыла ему рот рукой:

— Рома, кто мне нужен, я сама знаю. А вот ты мне отведь, — она убрала руку. — Я-то тебе нужна?

— Как воздух. А жалеть не будешь потом?

— Может, и буду. Но это будет потом.

На следующий день они побывали в церкви, старинном трехглавом храме, стоявшем на отлете за шумной базарной площадью, отстояли обедню, поставили свечи. Старый седобородый батюшка в круглых очках перекрестил их и успокоил Марину, спросившую у него про Донбасс.

— Молись, дочка, супостата мы всегда побеждали и сейчас победим с Божьей помощью.

12

23-го Марина поздравила Арсеньева с Днем Защитника Отечества и вручила ему флакон «Диор Саваж». Осин в армии не служил и поэтому остался без подарка.

24-го позвонил Семен:

— Роман, помнишь, что я тебе говорил? Утром началось... Увольняюсь. Брат меня встретит. Если будет возможность, свяжусь.

Через неделю он уехал, а убили его (в голове не укладывалось) в конце марта, когда весна уже правила бал и всю цвели магнолии. Он погиб при обстреле родного села его брата, там его и похоронили — вывезти тело не представлялось возможным. Всё это рассказала жена Семена, сообщила по телефону, номер которого он предусмотрительно оставил ей на всякий пожарный.

С тяжелым сердцем они навестили вдову — полную, похожую на грузинку женщину в трауре. Еще тяжелей было смотреть на старый «Форд» во дворе их белого одноэтажного дома с маленьким садиком на задах. Помянули, но разговор не клеился, вдова молчала с растерянным лицом, очевидно, еще не до конца осознавая случившееся. Осин ненавязчиво поинтересовался о детях. Она со вздохом ответила:

— У нас сын. Он редко бывает, живет с семьей в Судаке.

И тут же встрепенулась:

— Нет, вы не подумайте, я ни в чем не нуждаюсь, зарплата у меня хорошая. Я ведь по просьбе Семена вам позвонила, он так велел, если...

— Ну, это уж мне решать, — сердито перебил Осин. — Я перед ним в долгу. Карта есть? Давайте номер.

Он достал смартфон, произвел необходимые манипуляции, и удовлетворенно крякнул.

— 300 тысяч не помешают. А когда там всё успокоится, прах перевезем, я лично этим займусь.

— Да, мы позаботимся, — добавил Арсеньев. — Телефон этого родственника продиктуйте, пожалуйста.

Миновал март, отцвели и осыпались магнолии, а на смену в апреле распустилась глициния — воздух сочился ароматом

ее цветов, опутавших своими лианами не только кипарисы, но даже решетки окон на нижнем этаже таверны.

Они расположились у обрыва в тени греческой беседки, куда тоже доходил дурманящий аромат глициний. Близился полдень. В цветастом сарафане Марина стояла у перил и смотрела на море, на его спокойную лазурную гладь, где у самой воды с криками носились чайки, а другие, поднявшись выше, просто висели, покачиваясь на вогнутых крыльях.

— Рома, а у вас там какая весна? — не поворачиваясь, спросила она. — Расскажи...

— У нас скромнее, — сказал он ей в спину. — Гораздо скромнее. Но когда цветут заливные луга и всё это дикое разнотравье, ветер тоже разносит сладкую пыльцу по всей округе. А воздух там легче и прозрачней, чем здесь.

— Чудесно. А здесь он какой?

— Как восточный парфюм. А если наглядно, то здесь картина маслом, а там акварель.

— Очень наглядно. И я тебя очень люблю.

— Я тебя тоже. Но я должен ехать, не могу больше оттягивать. Я давно созвонился, всё уже решено.

Она повернулась и, закусив нижнюю губу, кивнула несколько раз.

— Я понимаю, — сказала она виновато. — Я всё понимаю. Прости....

За прошедший месяц кое-что изменилось, но не так, как хотелось Арсеньеву. На Донбассе шли ожесточенные бои, и он недоумевал, почему в Чечне это называли войной, а здесь операцией? Были и другие вопросы, но он по опыту знал, что решать их нужно автоматом, а не болтовней. Так он и сделал, когда после майских праздников убыл по указанному ему маршруту. Провожали на вокзале Осин с Мариной, других в подробности не посвящали. Всё, что они знали: он всего лишь поехал навестить родственников в Иркутск.

Нет смысла говорить о самом прощании, поскольку все такие прощания похожи и на все лады описаны с античных времен. Не интересны и первая после Чечни легкая контузия, и запах червей, когда лежал, уткнувшись носом во влажный чернозем под минометным обстрелом, и многое другое, что более наглядно показывали в круглосуточном режиме по центральным каналам. Но одно нужно сказать обязательно: через неделю боев он снова был в своей тарелке и обрел те собранность и сдержанный волчий азарт, что когда-то сопутствовали ему на Кавказе. И еще следует сказать — те пар-

ни, с которыми он тогда воевал в горах, и даже их дети дрались сейчас вместе с ним заодно, где-то левее на растянувшейся линии фронта.

Наконец-то снова всё встало на место, вернулось «на круги своя»: в него стреляли враги, и он стрелял в них. И убивал, а кого-то добивал, не раздумывая. Случалось и спасать врага, как это было однажды, когда успел перетянуть бедро оравшему благим матом мальчишке лет двадцати. Арсеньев перетягивал, а тот орал, дико пучась на срезанный осколком обрубок в натовском берце. Бой затихал, притих после дозы промедола и пленный. Арсеньев забрал у него документы, айфон, уселся на дно окопа и, закурив, стал прокручивать видеозаписи. Это делалось не ради праздного любопытства. То, что увидел Арсеньев, совсем его не обрадовало. Этот мальчишка на короткой записи избивал ногами усатого мужика в камуфляже с донбасским шевроном на рукаве. И с улыбкой матерился при каждом ударе. А в конце воткнул пленному в горло армейский нож.

— Зачем же ты его так, Иван Колпаков, а? — спросил Арсеньев.

Но тот не слышал, он был в забытии. Арсеньев докурил, убрал вещдоки в карман и снял с бедра раненного жгут. А после качественно и без следов удавил «рекрута Колпакова». Говорить об этом тоже не имеет смысла, во всяком случае сейчас. Когда придет время, пусть расскажет тот военкор, которому он доверился во время передышки, передавая айфон молодого нациста.

— Не нужно меня снимать, — предупредил Арсеньев. — Но обязательно расскажи потом, как эта гадина на тот свет отправилась. Что бы там ни говорили, а я знаю: народ отмщения требует.

А еще он перестал видеть сны. Лишь однажды ему приснился Нефедов. Худой, в нательном белье с выступающими ключицами, он сидел к нему спиной у печи, макал в таз мочалку и замазывал известью копать под заслонкой.

— Не к добру, — подумал во сне Арсеньев, понимая, что это сон. — Если во сне кто-то обновляет дом, значит, переедет в могилу.

А потом он оказался в широком подземном переходе, освещённом тусклыми неоновыми лампами. И двери, двери лифтов с обеих сторон. В одну из них он шагнул, и лифт с бешеной скоростью устремился вверх, заставив его ухватиться за плечи, стоящего напротив мужчины. Он попытался объяснить ему, что ищет выход в город, и мужчина с улыбкой остановил лифт и вывел его в другой коридор, по которому у

разные стороны двигались молчаливые люди. Тревожась всё больше и чувствуя, что не хватает воздуха, он стал искать выход и скоро обнаружил за одним из поворотов узкую нишу, а в ней железную лестницу с очень высокими ступенями. Он устремился по лестнице вверх и поднимался до тех пор, пока не уткнулся в оштукатуренную стену. Сил больше не осталось. Арсеньев сел у стены, чувствуя, как ломит от усталости ноги — и очнулся: тошнота и мусть в голове, надрывный рев движка и невыносимая теснота, чей-то сдавленный стон.

— Где мы? Кто здесь? — шепотом крикнул Арсеньев, с хрипом поднимая грудь.

Сбоку донеслось:

— Арсен, вернулся? Это я, Клейменов, санитар. Тебя зацепило, тут еще трое, гоним в «зеленку».

— А где Митрохин?

— Мощно тебя шарахнуло, совсем ничего не помнишь?

— Не помню. А что с Митрохиным?

— Нет больше Митрохина, погиб, царствие небесное.

Позже он узнал, контратака врага была успешной, но кратковременной. При поддержке минометов нацисты зашли в подлесок, и завязался ожесточенный бой. Арсеньева, контуженного разрывом мины, полузасыпанного и окровавленного посчитали убитым. Его дружок Серега Митрохин был окружен в траншее и пустил себе пулю в рот.

Уже в Донецке хирург, собравший из осколков раздробленную кость, сурово сказал:

— Всё, отвоевался, пока забудь. Это надолго.

Из госпиталя он, наконец, позвонил домой: Осин был вне себя от его молчания, Марина плакала и лепетала всякие нежности.

Пару раз навевывался с передовой Николай, брат покойного Семена, делился последними новостями, вздыхал, доставая из подсумка фляжку:

— Я Сёмку сюда не тянул. Я, можно сказать, даже его отговаривал, здоровье было у него неважное. Но такие у нас в роду все упертые, если уж что задумал...

Незадолго до выписки во время обхода к его кровати подошла врач — высокая смуглая женщина в белом халате, в очках, с тяжелым узлом каштановых волос на затылке, смерила давление и сказала, с улыбкой снимая манжету:

— Увидела в документах на выписку фамилию. Дай-ка, думаю, проверю, чем черт не шутит. Не узнаешь?

Он окинул её взглядом и напрягся, перебирая в памяти знакомые женские лица.

Она сняла очки:

— А так?

Теперь он отчетливо увидел родинку на её переносице, и под сердцем екнуло:

— Яна?

— Узнал. Господи, ну и дела!

Сутки перед отъездом он провел у неё и узнал: на следующий год после того памятного лета, окончив восьмилетку, она уехала в город Жданов (Мариуполь), окончила там медицинское училище, а затем переехала в Донецк, где отучилась в медицинском университете, и вышла замуж, родился сын. Муж погиб четыре года назад.

— Женя тоже добровольцем воюет, — добавила она тихо. — В военное училище осенью собрался.

— А тетя Оксана, Михаил?

— Они давно уже в Польше живут, там какие-то родственники в Познани всплыли. Больше ничего не знаю, связаться, сам понимаешь, нет никакой возможности.

Когда прощались, спросила в лоб:

— Ты вернешься или с концом?

— Конец только на кладбище, не будем загадывать.

А в городок он прибыл безоблачным днем в середине августа, на перроне плавился асфальт, электронное табло на фонарном столбе показывало +40. Он осторожно спустился с подножки, сделал пару шагов и остановился, опираясь на трость. Шила в мешке не утаишь: встречали все, даже Татьяна Ивановна, как всегда элегантная, в белом расклешенном платье и шляпке от «Лафайет». Но был среди них один, стоявший под руку с Мариной, он тоже опирался на трость — худой, нескладный в новом костюме и с развесистой седой бородой. Его голову покрывала панамма, а в руке дымилась сигарета вместо прокуренной трубки. Но — как? А так. Адресок-то Нефедова покоился в кабинете Осина в сейфе. Обнялись, Арсеньев почувствовал запах спиртного.

— Ты чего это в такое пекло, Семеныч, сердце не выскочит?

— Не бойсь, я только пивка холодного. В самый раз для балансу.

— Как сам?

— А ты молодец, герой, — продолжал старик, не слыша вопроса. — Мне когда Санька сказал, куда ты отправился, ну прямо в сердце пробило.

— На сигареты перешел? — перебил Арсеньев, почувствовав неловкость от похвалы. — Трубка где?

— Да забыл впопыхах со сборами-то с этими.

— Купим, Семеныч, купим. И табачок подберем подходящий.

Подошла Марго в непривычных тертых джинсах и пляжной майке, повернула вбок бейсболку и, чмокнув в щеку, кивнула на трость:

— Злая у тебя в Иркутске родня, Арсеньев.

— Послушай, не мог же я...

— Знаю-знаю, военная тайна.

Затем расселись по машинам и отправились за продолжением в таверну.

Но больше всего удивила Марина, когда ночью в спальне приложила его руку к своему животу:

— Рома, тут, кажется, кто-то есть.

— Кажется или...

— Или.

Вот тут и следовало бы поставить точку. Однако близился сентябрь 22 года...

Всё только начиналось.

13

И началось. Это раньше было понятно: «где-то там» воевали и гибли контрактники, где-то здесь вязали маскировочные сети и гнали забитые фуры на фронт, а где-то еще, как говаривал классик, шло истинно разливанное море веселия. И вдруг объявили мобилизацию.

— Кучно пошли, — усмехался Арсеньев, глядя в телевизор на нескончаемый поток легковушек, устремившийся к Верхнему Ларсу. Он несколько не удивился, когда в том же направлении по-тихому слинял чернявый бармен Вадик, а полицейский Трегубов отправился в составе Росгвардии в разрушенный Мариуполь, благо опыт имелся, во «вторую Чеченскую» командовал взводом. Накануне он заехал в таверну проститься. Осин отсутствовал по работе, и Арсеньев на правах хозяина пригласил его в кабинет. Пили водку. Майор сидел, расставив ноги в синих «бермудах», в армейской травянистой футболке, с покатыми плечами борца. Его розоватые веки, так бывает у альбиносов, выглядели воспаленными. Он опрокидывал в рот рюмку, убирал пальцем пот со лба и говорил, наклонившись к Арсеньеву через стол:

— А этот, как его, таксёр, с которым вы меня на грабеж вызывали, Александр рассказывал, он погиб. Выходит, вместе там были?

— Нет, Семен раньше отправился, брат у него в ополчении.

— Ну, давай еще по одной. Помянем мужика, земля ему пухом.

Жизнь менялась на глазах. Даже Нефедов, замаринованный на своей фактории и чуждый цивилизации, как вечная мерзлота, постепенно оттаял под южным солнцем. Да что говорить, порой закипал, просматривая последние репортажи с линии фронта. Он быстро привык к своей комнате окнами в сад, к метровой «плазме» и домашним тапочкам у мягкой кровати, к неспешным прогулкам у моря и ненавязчивой опеке Марины, которой иной раз притворно выговаривал:

— Ты чего со мной суетишься, я привычный. Ты вон за собой позаботься, растрясешь дите ненароком.

И Марина, еще более похорошевшая вопреки беременности, тонко чувствуя это притворство, от удовольствия вспыхивала и укоризненно восклицала:

— Да что вы такое говорите, Иван Семенович! Давайте-ка берите трость и прогуляемся к пирсу, там мальчишки рыбу ловят на удочки.

— Разве это рыба? — ворчал довольный старик. — Так, баловство одно.

Ему понравилось ходить в спортивных штанах и гавайской рубашке навыпуск, курить вместо самосада Кавендиш, а перед ужином выпивать рюмку виски вместо самогона на кедровых орехах. Впрочем, никакой разницы между ними он не находил.

Задел ветер перемен и Марго, надул в парус мужу Олегу. Примчалась как-то под вечер на своем черном хетчбеке, нервно прошлась по кухне и, поправив по привычке волосы у зеркала, выдала со зловещим спокойствием:

— Сбежал подлец.

Осин, как стоял у холодильника с бутылкой пива в руке, так и застыл, а Марина, сидевшая с ногами на диване, неожиданно прыснула и уткнулась лицом в колени. Арсеньев тщательно раздавил в пепельнице сигарету и буднично поинтересовался:

— Давно?

Понимая, что на этой кухне только он имел право выносить вердикт, она приблизилась и сухо отчиталась:

— Дома не ночевал, сегодня прислал смс и снова отключился. Трус.

— Ну вот, сразу трус. Не каждый готов к таким поворотам, Марго, жизнь дороже. Ему сколько лет?

— Какая разница, его призовут, он лейтенант запаса.

— А почему тебя с собой не позвал?

— Бесплезно, он это знает.

— В Грузию двинул?

— Не думаю, у его матери родственники в Бат-Яме.

— А это где?

Она подобрала подол зеленого платья и опустилась на стул:

— Нальет мне кто-нибудь выпить?

Осин убрал пиво в холодильник, достал две бутылки «Масандры» и сказал без всякой иронии:

— Это в Израиле, Рома. И это непременно нужно отметить. Рекомендую, отличный белый мускат.

Словом, всё последнее время, пока одни искали пути за кордон, а другие уходили на фронт, на самом фронте дела шли не так блестяще, как предполагалось. В сентябре, еще до начала мобилизации, совершенно неожиданно войска оставили ряд населенных пунктов, и народ тут же погрузился в уныние. Кого-то охватила паника, на других нашел столбняк, но все поголовно жадно следили за сводками, а вечерами залипали у телевизора, на котором раскося ведущая ток-шоу своими безжалостными вопросами то вгоняла в ступор отставника-военного, то нагоняла тоску на очередного депутата с бегаящими от растерянности глазами. Новости в интернете становились всё более туманными, а настроения, судя по комментариям, упадническими. В комнате Нефедова всё чаще раздавались ругательства.

— Это что за хрень? — рычал он на телевизор. — Кенигсберг за три дня взяли, а с этой Марьинкой который месяц управиться не могут. У нас, мол, и то, и это имеется. Если имеется, так расхерачте их в пыль, твою мать!

Дальше — больше. В ноябре, буквально на днях, сдали важный областной центр, и самый популярный телеведущий с певучей русской фамилией, мужчина осведомленный и желчный, очень убедительно, не стесняясь в эпитетах, долбил всех подряд, а потом успокаивал известной сентенцией о нашем вынужденном отступлении в 41 году, закончившемся на ступенях Рейхстага. И добавлял для особо нервных страдальцев — если вынудят, похороним в радиоактивной яме величиной с океан. Впечатляло, конечно, но не успокаивало. Что, черт возьми, происходит? Штормовая погода с ее предзимними ливнями и грозовым небом тоже давила на нервы. А уж как она давила тем, кто на фронте в полной выкладке месил берцами густой от заморозков чернозем, и говорить нечего.

С такими, примерно, мыслями Арсеньев поднялся вечером в спальню и застал следующую картину: Марина в тонкой ночной сорочке, с округлившимся животом сидела на краю кровати и, закрыв руками лицо, всхлипывала. Он опу-

стился рядом, обнял её вздрагивающие плечи, и уставился в телевизор, где опять показывали те страшные кадры мартовской бомбежки Донецка, тот банк и маленькую девочку, которую невольно закрыл на входе мужчина, сраженный наповал осколком. Он обнял ее крепче, но слов утешения не нашёл, они казались ему глупыми на фоне истекающих кровью тел. Сказал только:

— Ну-ну, малыш, тебе сейчас нельзя волноваться.

Она подняла на него заплаканные глаза:

— Ты снова хочешь уехать? Скажи.

Он прижал ее голову к груди. — Ну, во-первых, моя нога...

Она тотчас отстранилась, вспухшие губы дрожали.

— Не ври, Рома, тебе наплевать на ногу, тебе на всё наплевать. Я же вижу, слоняешься днями, как потерянный, места себе не находишь. Всё время звонишь сестре, тебе звонят сослуживцы. Вот и Иван Семеныч вчера говорил...

— Иван Семеныч болтун. Что он опять выдумал?

— Что себя не обманешь, что война затягивает, и что там ты, как рыба в воде.

— Не верь ни единому слову, Семеныч профессиональный охотник, соврет и не заметит. У вас в читальном зале репродукция висит «Охотники на привале». Помнишь? Так вот это про него. И пойдём-ка ужинать, семейство уже в сборе. — А про себя подумал: «Ладно, старик, так ведь и Осин не отстает, растрепал Марго о том нацике, которого он удавил в окопе». Остановила однажды на веранде, обеими руками взяла его руку, повернула ладонью и тихо спросила, вглядываясь в папиллярные линии:

— Арсеньев, хочешь будущее узнать?

— Не хочу. Чего это на тебя нашло?

Она стала перебирать его пальцы:

— Какие сильные, — лицо ее побледнело. — Так и вижу, как они сломали шею тому фашистскому ублюдку в траншее. — Потом поцеловала руку и ушла, бросив через плечо: — Ты настоящий.

На кухне, и правда, все были в сборе. Нефедов доел котлету, огладил бороду и поспешил в свою комнату к телевизору, где снова крутили многоразовый боевик про питерских дерзких бандитов и спившихся симпатяг полицейских. Марго подседа к Марине, обняла и без предисловий спросила:

— Вы чего ждете, почему не распишетесь?

Марина вспыхнула и опустила голову, а уязвленный Арсеньев растерялся и тоже молчал, поскольку до этой минуты ему даже мысли такие в голову не приходили. Марго не унималась:

— А вот мы снова решили скрепить наш союз. Правда, Осин? Почему бы вам не присоединиться за компанию?

— Да, почему? — сказал Осин с дивана и закинул ногу на ногу, скрестив на животе руки. — Я всё устрою, распишемся в любое время.

— Ну.. — Арсеньев посмотрел на Марину. — Мы, так сказать, пока еще не думали...

— Рома, не говори за меня. Я думала.

— Да? Вот черт. Значит, решено, мы согласны.

14

Сказано — сделано. В один из ясных декабрьских дней в таверне «Шесть склянок» справили сразу две скромные свадьбы — скромные, прежде всего потому, что обе невесты обошлись без воздушных белоснежных платьев, а гостей было совсем немного, только самые близкие. Тетка Марины от приглашения категорически отказалась. Простая русская женщина, полжизни отработавшая на местном хлебозаводе, она даже в мыслях не допускала, что ее племянница может спутаться с мужиком, который ей в отцы годится. И Нефедов оказался, сославшись на возраст. Так и пояснил Марине:

— Не позорь ты меня, чего мне там делать? Старый гриб, посмешище.

В целом застолье удалось, официанты сновали, как пчелы, а умудренные гости, поднимая бокалы за здоровье, ни разу не закричали «горько». На десерт тамада, арендованный конферансье местного театра, представил семейную пару гастролирующих молдавских цыган.

— Встречайте! — объявил он, развязно воздевая руки. — Вася Чанго-Туманский, Ляля Отрадная!

Да, у Васи было всё, что положено при такой фамилии: малиновая рубаха с наборным поясом, черные сальные кудри, а к ним сизая разбойничья морда с комплектом золотых зубов. Он пробежал пальцами по струнам гитары, сделал восьмеркой проигрыш, потом опустил на колено и, выдержав паузу, начал с чарующего перебора в ожидании своей королевы. И она не замедлила появиться, выплыла со своим цыганским контральто, во всех своих шелестящих юбках и золотых браслетах, правое плечо вперед, рука лебедем. Несомненно, тут было что послушать и на что посмотреть.

А еще Арсеньев познакомился с мужем Татьяны Ивановны Игорем, высоким сутулым блондином в кремовом костюме-тройке. Аккуратная борода и роговые очки намекали на некое творческое начало. Так подумал Арсеньев и не сильно ошибся — тот работал редактором местной газеты «Курь-

ер». Когда в курительной комнате Арсеньев хлопнул его по плечу и вежливо соврал: — А как же, читал, недурно, — рассеянный взгляд редактора оживился:

— В самом деле?

— Именно так. Удивительно, но я почти угадал, когда предположил, что вы писатель.

— Всё к тому и шло, — кисло рассмеялся Игорь. — Я ведь литературный институт закончил в свое время. И даже книжечку глупых стихотворений издал.

— Почему глупых?

Он пустил в потолок колечко дыма и ответил с откровенностью выпившего человека:

— А что в них умного? Избитые томления, высокопарщина, «намекы темные на то, о чем не ведает никто». Вот и выходит, чтобы написать понятно, кроме вдохновения, талант нужен. И поделом.

— Не понимаю, зачем же было издавать?

— Всё вы отлично понимаете, — погрозил пальцем редактор. — Тщеславие, непомерное распирающее тщеславие. А выросло это тщеславие там — на университетских литературных сборищах, на дифирамбах девиц с филфака, аплодирующих моим графоманским завываниям под Блока. Ну да бог с ним, всё давно в прошлом. А вы, Татьяна рассказывала, по образованию историк, я не путаю?

— Какой там историк, — отмахнулся Арсеньев. — Вы хоть книжку издали, а я по специальности и дня не отработал.

— Может, после войны? Ученики оценят ваш опыт в новейшей истории.

— В каком смысле?

— В прямом. Мне Татьяна рассказывала о вашей командировке. И вообще... вы ведь и в Чечне успели повоевать.

— Ваша Татьяна на редкость осведомленная женщина.

— На то они и женщины. Знаете, мне сейчас подумалось, не взять ли у вас интервью?

— В самом деле? — повторил за ним Арсеньев.

— Не хотите в редакции, могу прислать человека. Есть у меня смышленная девушка по этой части, и фотографа организуем.

— Послушай, Игорь, — вздохнул Арсеньев, переходя на «ты», и опустил голову, погладив в задумчивости лоб.

— Я вас понял.

Беседу нарушил Осин, вошел с дымящейся во рту сигаретой и сказал, усаживаясь рядом с Арсеньевым:

— Роман, я отвел Маринку к себе в кабинет отдохнуть, уснула, еле держится. В ее положении весь этот гвалт, музыка...

Арсеньев поднялся:

— Она же полчаса назад танцевала с тобой, как ни в чем не бывало.

— Ну, не рассчитала сил, переутомилась...

Арсеньев покинул курилку, прихватил в баре бутылку минеральной воды и через минуту уже сидел на диване рядом с Мариной. Она полулежала, бледная, отвалившись на спинку, и слабо улыбалась:

— Рома, она опять толкается.

— Он прижался ухом к выпуклому животу и под скользящей шелковой тканью явственно ощутил твердый пупок:

— Уже успокоилась.

— Рома, помнишь этот диван?

— Помню, помню, давай-ка приляжем.

Он снял с нее туфли, заставил выпить воды и, уложив головой на подушку, вышел за пледом в соседнюю комнату. Когда вернулся, она крепко спала. Чуть позже, за столом Осин спросил:

— Ну как там, нормально?

— Всё хорошо, уснула.

— Не уделяешь ты ей должного внимания, Рома. Малышка тебя любит без памяти, а ты...

— Не пори чепуху, много ты в любви понимаешь.

— Это я-то не понимаю?

Позади, в дверях дамской комнаты появилась Марго. В длинном, облегающем, как змеиная кожа, сиреновом платье с открытыми плечами, она медленно, покачиваясь на каблуках, направилась к ним, а подойдя, положила свои руки на их головы:

— Я не помешала? — Ее теплые пальцы зарылись Арсеньеву в волосы, прошлись до виска, поглаживая ухо, опустились к шее. Она склонилась над ними. — Осин, ты зачем меня напоил? Пойду-ка я проведу Маринку.

И выпрямилась, но Арсеньев удержал ее:

— Не нужно, она спит.

— Да? Замечательно. Я бы тоже не прочь.

Она уселась на свое место рядом с вновь испеченным мужем:

— Осин, налей мне из той пузатой бутылки, из нее я еще не пробовала. — И мечтательно завела глаза. — Напьюсь в стельку и усну головой в тарелку.

Осин потянулся за бутылкой.

— Подожди, — остановил Арсеньев. — Марго, ты чего добиваешься? Ты же на дух не переносишь виски.

— Чего добиваюсь? Не знаю... Наорал бы хоть раз по-человечески, что ли!

— День неподходящий, — усмехнулся Осин.
— А я знаю. — Арсеньев прищурился. — Ребенка тебе нужно родить, Марго. И всё встанет на место. Как ты там говорила — за компанию, а?

Стрела попала в цель. От неожиданности рот ее стал похож на букву «О». Так она и сказала:

— О!

И через мгновение добавила с нехорошей улыбкой:

— Какой ты догадливый.

Потом поднялась и удалилась с бокалом вина в бильярдную комнату.

— Чего это с ней?

— Понимаешь, — поморщился Осин. — Нужно было раньше тебе сказать. В общем, мы давно хотели ребенка, да всё не получалось. Она психовала, сваливала на меня. Думаю, поэтому... Ну, отчасти поэтому и ушла к этому Мордковичу. Но там тоже не вышло, а значит, дело не во мне. Теперь вот ты...

— Понятно. — Арсеньев поднялся и быстрым шагом направился в бильярдную. Вошел и остановился. Марго, склонившись над столом, медленно отводила руку с кием назад. Раз! И она хлестким ударом разбила пирамиду.

— Марго...

Она положила кий на стол, забрала с бортика бокал и, отойдя к дивану, присела:

— Успокаивать собрался?

— Тебя не надо успокаивать, я извиниться пришел.

— Принято. Садись, возьми в холодильнике выпить.

— Марго, тебе бы к хорошим врачам обратиться. Сейчас, если бабки имеются, медицина...

— Не начинай, мне в прошлом году в Москве провели обследование. Так что, увы. Имя придумали малышке?

— Нет. Послушай, Марго...

— Роман, я в порядке, так и будешь стоять?

Он сел. Она отдала ему бокал, подняла до колен платье и положила ногу на ногу.

— Выпей и расскажи про Донбасс.

— Не переводи разговор, Маргарита.

— Я не перевожу, давно с тобой поговорить хотела. Ты ведь снова собираешься? Дождешься, когда Марина родит, и уедешь.

— Да вы что, в самом деле, сговорились все?

— Кто это, все?

— Семеныч, Маринка, теперь вот ты.

— Это необязательно, у тебя на лице всё написано. Знаешь, там говорят, у всех свой позывной есть. У тебя тоже?

— Арсен.
— Арсен?
Она поджала губы и потрепала его по волосам:
— А что, подходит, есть в тебе что-то от кавказца. Отпустить бороду и вылитый черкес.
— А ты что, знакома с черкесами?
— Да нет, откуда, — она рассмеялась. — Но звучит мужественно. Ты воевал по контракту?
— Нет.
— А в чем разница?
— Специфика немного другая. Может, хватит?
— Ну расскажи какой-нибудь случай, жутко послушать хочу.
— Марго, сейчас с нашлемных камер в эфир скидывают такое, что никакими словами не выразишь. Я тут посмотрел видео с коптера, как солдат раненый себе пулю в рот пустил, так, знаешь, даже мне не по себе стало. У меня друг таким же способом обнутился в окружении. А ты: расскажи, расскажи.
— Ладно, прости. Скучаешь по ребятам?
— Есть такое.
— Была бы мужиком, тоже пошла бы. Или хотя бы медиком. Ни черта-то я не умею.
— Ты родину любишь, Марго, а в такое время это немало.
Она забрала у него бокал, отпила и поцеловала прохладными губами в щеку.
— Никогда никому не завидовала, а Маринке завидую. Ладно, слушай, я Осину пока не говорила, но, думаю, он согласится. Хочу малыша усыновить, сироту, но не здесь, а с Донбасса.
— Ты серьезно?
— Серьезней не бывает, я давно всё обдумала. Поедешь, поговори с сестрой, она же врач, наверняка есть знакомые по этой части. Так что имей в виду. А теперь пошли, мне гостей еще спать укладывать.

15

В январе, под самое Крещение Марина родила дочь, называли Дарьей. Идея была Марины, и Арсеньев не возражал.
— Патриотично, — сказал Осин.
— Настоящее русское имя, — сказала Марго.
— А мне просто имя нравится, — сказала Марина.
Нефедов ничего не сказал. Накануне от избытка чувств он напился и теперь отлеживался в своей комнате.
— Не хочу вас расстраивать, — вставил Арсеньев, — но сомневаюсь, что персидский царь Дарий имел какое-нибудь отношение к именам на Руси.

— Не выдумывай, Рома, — улыбнулась Марина. — Это обычное совпадение.

— Вечно эти историки что-нибудь приплетут, — ошети-нилась Марго. — Хохлы вон укров себе придумали, и ты туда же.

— Шучу, шучу. Дарья Романовна. Отлично. Мне нравится.

А в феврале он уехал на фронт. Перед отъездом вместе с Осиным они побывали у нотариуса, и теперь Арсеньев официально стал владельцем половиной их общего бизнеса. Там же он составил завещание, по которому эта половина в случае его смерти переходила супруге, Арсеньевой Марине Алексеевне.

— На всякий случай, — по-деловому сказал он Осину.

— Само собой. Но мне как-то совсем хреново от этого «на всякий случай».

Тут нужно кое-что пояснить, забегая вперед — он не погиб по законам драматургии, оставив завещание, более того, не был даже ранен, хотя бои его добровольческий батальон вёл ожесточенные. В сентябре, когда вражеский «контрнаступ» с треском провалился, в одном из таких боев за деревушку на сопредельной стороне они укрылись в подвале разнесенного в щепки дома и обнаружили там мертвую женщину и ребенка лет четырех. Малыш крепко спал в углу на матрасе, подогнув к груди голые коленки. Арсеньев присел, при свете фонарика взглянул на измученное, испачканное лицо со следами слёз, и тихо распорядился:

— Слышь, Цыган, давай-ка ты назад, пока темно. Заверни его во что-нибудь и уходи, доставь в сохранности, Федя.

— Будить жалко, Василич.

— Он не проснется, он в нервной отключке от пережитого. — Арсеньев разогнулся и шаркнул пяткой по полу. — Земляной. Женщину прикопаем, от нее уже пахнет.

— Нет, это не от нее, здесь банки разбитые с разносолами, — отозвался кто-то из другого угла.

— Ладно. Давай, Федя, тебя учить не надо. И скажи «старрику», чтобы в тыл до меня не отправляли. У меня тут мыслишка одна образовалась.

Через сутки, когда деревушку зачистили, а женщину похоронили, штурмовики с минимальными потерями вышли на отдых.

— Роман, — спросил «старик», широкоскулый комбат с бледным, изрытым оспой лицом. — Ты правда мальчика усыновить хочешь?

— Кто сказал, что усыновить?

— Да твой цыган и сказал. Это, заметь себе, довольно сложная операция. Но стоящая. Документы какие-нибудь нашарили там?

— Какие документы, там всё вдрызг разнесли, некогда было копаться. Вот из одежды кое-что ему отыскал, — он кивнул на пакет, — в развалинах.

Они сели у входа в блиндаж в тени высоких деревьев, день был ясный, теплый, в листве щебетали птицы.

— Хочу его к родственнице отвезти, она у меня в Донецке, врачом в госпитале работает. Муж погиб, а сын в этом году в училище Рязанское поступил, тоже, кстати, повоевать успел.

— Десантное?

— Да.

— Значит, на пару деньков в город? Хорошо, Аскольдов вас увезет, а обратно сам доберешься.

— Пойдет. Он хоть имя помнит свое?

— Всё помнит. Миша Чеботарев, мать покойная Тамара Витальевна, отца вот не помнит, и на какой тот стороне неизвестно. Ну, пошли к медикам, он там со вчерашнего дня.

Чтобы гонять по здешним дорогам без матерков, нужно иметь большое терпение, а товарищ Аскольдов его не имел, и это, не смотря на пенсионный возраст, а главное, присутствие в машине ребенка. И его можно понять: после каждой развозки, будь то снаряды или раненые, он подолгу не вылезал из-под своей «буханки», на которой приехал год назад помогать добровольцам. Как тут не вспомнишь покойного Семена с его желанием «подвозить-вывозить с какой-то пользой».

Выражения Аскольдова Мишу не волновали, он недавно такого хлебнул, от чего у иных людей перепонки лопаются. На ухабах Арсеньев одно время прижимал мальчика, потом усадил на колени. Эх, Мишка, Мишка. Волосы не стрижены, шея тонкая, глаза тоскливые, словно спросонья.

Яна поначалу растерялась:

— Господи, да куда же я с ним, Рома, я же каждый день на работе!

Мальчик стоял у дверей, опустив голову и засунув руки в карманы мягких брючек. Она всплеснула руками, подхватила его и унесла в гостиную, посадила на диван.

— Ничего, ничего, что-нибудь придумаем, у меня соседка пожилая, женщина добрая, одинокая.

— Его бы для начала постричь да из одежды чего-нибудь присмотреть.

— И пострижем, и одежду купим. У нас и парикмахерская в доме имеется, и магазин спортивной одежды через дорогу.

— Яна, — он опустился рядом, взял ее руки в свои и постарался доходчиво донести заветную просьбу Марго. — Понимаешь теперь? Думаю, там у него будет всё, в чем он нуждается. И даже больше.

— А это далеко? — раздался за спиной Яны тихий голос.

Она обернулась и обняла, поцеловала сироту в макушку:

— Далекое, отсюда не видать. Там море, тепло и пальмы растут.

— И войны там нет, Михаил, — добавил Арсеньев и подумал, что если что-то пойдет не так, они с Мариной сами усыновят мальчишку. Но он напрасно так думал, всё оказалось гораздо проще. Вечером Яна спросила:

— Ты своему Осину, когда будешь звонить? Он сам два дня назад звонил, спрашивал о тебе, беспокоится. Я, разумеется, с усыновлением помогу, связи есть, уладим без вопросов.

Арсеньев взял со стола смартфон, зашел через ВК к Марго и скинул ей в личку всего три слова: — Хочешь посмотреть малыша? — Через мгновение завибрировал видеовызов. Она заметно волновалась, он впервые видел ее такой. Прикрыв в кухне дверь, он сказал:

— Марго, если потом раздумаешь, я сам его усыновлю.

— Не дождешься. Давай быстрее приведи его, Арсеньев.

Он вышел в гостиную, сел на диван к ребенку и улыбнулся:

— Смотри сюда, парень. Марго, нас хорошо видно? Вот и мы, Михаил Чеботарев, мужчина четырех лет, без вредных привычек.

Она смотрела, прикрыв рот рукой, глаза улыбались.

— Ну что, Михаил Чеботарев, здравствуй. Как дела?

— Хорошо.

— Вот как? Скоро я приеду, а потом мы поедем домой. Согласен?

— Малыш кивнул.

— Когда ждать? — вмешался Арсеньев. — Ему сейчас не до разговоров, еще успеете наговориться. Я завтра утром назад, так что будете решать без меня, Яна обещала помочь.

— Поняла, передай ей телефон.

Он передал, и погладил мальчика по голове:

— Пойдем-ка на кухню, сынок, чайку еще выпьем.

Попить не успели, спустя пять минут на кухню вошла Яна, вручила Арсеньеву телефон, а следом на экране появилась Марина с дочкой на одной руке. Дарья улыбалась и тянула ручки к телефону, лицо жены выглядело грустным.

— Как ты там?

— Всё нормально.
— В отпуск приедешь?
— Как только подвиг совершу.
— Рома, мне не до смеха. Этому конца не видно, по телику каждый день такие ужасы, если бы не Даша...

Смартфон переключал к Марго:

— Ты не особо ее слушай, солдат, она окружена теплом и заботой. Лучше жениха им покажи.

— Это можно. Михаил, поздоровайся с тетей Мариной и девочкой Дашей. Будешь ее от хулиганов защищать?

Мальчик отставил в сторону кружку, вытер рот и внимательно посмотрел на экран:

— Буду, только она еще маленькая, у нее зубов даже нет.

— Здравствуй, Миша, мы все тебя ждем, — голос Марины дрогнул. — Мы все тебя любим, Миша.

В кадре появилось лицо Нефедова:

— Здорово, Рома. Как у вас, бегут немцы?

— Отползают, Семеныч. Корчем помаленьку.

— Ты держись там, сынок. Награды-то есть какие?

— Семеныч, у меня вон награда, на руках у жены сидит.

На кухню снова вернулась Яна, вошла, запахивая фланелевый халат, и протянула мальчику руку:

— Пойдем-ка, Миша, я тебя спать уложу, поздно уже.

Потом они сидели в гостиной, смотрели телевизор и пили белое сухое вино. Арсеньев расположился в кресле, она напротив, взобравшись на диван, поджав под себя ноги, с блестящими каштановыми волосами, наспех уложенными в косу. Он глядел на ее круглую, обнаженную до локтя руку, на длинные пальцы с аккуратно постриженными ногтями, держащие у розовых губ бокал, и вспоминал, как когда-то страшно давно вот эти самые руки вытирали его полотенцем в старом флигеле.... И веселый девичий голос: «Чого рот открыл? Ось це рыбалка...».

— О чем задумался?

Он потрянул головой:

— Так, вспомнилось, как мы с тобой арбузы из речки вылавливали

Она, прищурившись, посмотрела на него сквозь бокал:

— И все?

— Нет, не всё, а ты помнишь?

Она отпила из бокала:

— Главное, что ты помнишь.

Помолчала и тихо добавила:

— Рома, тебе там женщины снятся?

— Лучше не спрашивай.

-
- Почему?
 - Сама знаешь.
 - Она смотрела на него с едва заметной улыбкой:
 - Хочешь сказку одну послушать?
 - Какую?
 - Иди ко мне, на ухо расскажу.
 - Яна...
 - Да иди уже, нам с тобой детей не рожать.

Была ли она смущена после близости? Если и была, то не много:

— Мы с тобой седьмая вода на киселе. В иные времена женился бы на кухне, никто бы и глазом не повел, мне перед Мариной неловко.

Она лежала боком, головой на его плече, водила указательным пальцем по его вспотевшей груди и уже рассудительно продолжала:

— С другой стороны, ты каждый день под пулями, каждый день всё может мгновенно оборваться, да и я, честно говоря, голову потеряла.

— Я тоже потерял, еще тогда, во флигеле, когда ты меня полотенцем сушила.

— Не выдумывай, Рома. Ты же маленький был, совсем ребенок.

— Встречаешься с кем-нибудь?

— Наш заведующий отделением.

— Женатый?

— Да, всё, как положено.

— Пойду покурю на кухню.

— Кури здесь, я принесу.

Она поцеловала его, поднялась и прошла к балкону мимо святающегося телевизора, распахнула дверь. Потом принесла из кухни сигареты и пепельницу, накинула на плечи халат.

Рано утром они позавтракали, и она проводила его до дверей:

— Телефон не берешь?

— Нет. Теперь ты мои глаза и уши.

— А как узнаешь результат?

— Заеду, как только случай представится.

Она достала из кармана на халате связку ключей:

— Вот, если меня не окажется дома. Здесь два от квартиры, а этот от домофона. Телефон будет на полочке под телевизором.

И перекрестила его:

— С Богом.

Случай представился в конце ноября, но лучше бы его не было: погиб Цыган, уроженец Донецка, и Арсеньеву пришлось везти тело в городской морг, а потом смотреть в глаза его растерянной, сбитой с толку жены. Пока он говорил, она комкала в руках полотенце, поправляла на груди ворот кофточки и кивала, кивала, кивала. Худенькая и маленькая, как подросток, она выглядела совершенно беспомощно. Когда-то он уже видел похожие глаза в доме покойного добровольца Семена. И закончил примерно так, как сказал тогда Осин:

— Я связался с ритуальным бюро, всё оплачено по высшему разряду, мы все перед ним в долгу.

На самом деле связался и оплатил Осин, Арсеньев не имел такой возможности. В морге он одолжил у служащего телефон, позвонил другу и объяснил ситуацию. Спустя час всё устроилось, за телом приехали из «Дома ритуальных услуг».

Едва Арсеньев умолк, горе прорвалось — женщина разрыдалась и, опустившись на стул, заголосила, стуча себя по коленям:

— Ведь знала я, знала, что так закончится! Гооосподи, Федя...

Он стоял, смотрел на нее с высоты своего роста и понимал, что никакие дежурные фразы тут не помогут, только подогреют истерику. Он сделал шаг вперед, легко поднял ее и встряхнул за плечи:

— Он иначе не мог! — рявкнул Арсеньев. — Слышите, он не умел по-другому! Он погиб как герой!

Это подействовало. Она икнула:

— Правда?

— Правда. А вот здесь, возьмите, адрес ритуальных услуг, поезжайте прямо сейчас.

Второй звонок Осину Арсеньев сделал от Яны, еще раз обсудили финансовые детали похорон, и уже после поговорил со всеми, с Мариной, с Нефедовым, а Марго поздравил с пополнением, на что немедленно получил ответ взволнованным шепотом:

— Арсеньев, то, что ты сделал для меня... ты сам не понимаешь, что ты сделал, этому названия нет. Мой Мишка золото, обожаю тебя, Арсеньев! А Яне Борисовне 100 поцелуев, если бы не она, проторчали бы до морковки на заговенье.

— Донецк понравился?

— Нам не до красот было, всю неделю в мыле, как жеребцы, по кабинетам носились.

Пока он говорил, Яна стояла спиной к нему у окна и смотрела на улицу, где у подъезда утробно рычала «буханка». Когда закончил, она сказала, не поворачиваясь:

— Это тебя ждут?

— Да, времени в обрез. Видишь, как всё получилось...

— Вижу, не объясняй.

— Могу на полчаса задержаться.

— Нет, — она повернулась, — не заставляй людей ждать.

Он всё понял. У дверей она поцеловала его в щеку, вздохнула и подпернула замок на куртке:

— У тебя, когда командировка заканчивается?

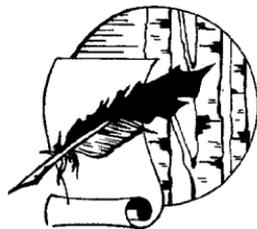
— В феврале.

— Значит, до февраля.

В феврале он ее не застал, была на работе. Звонить не стал, оставил записку, а ключи передал соседке.

В городок он прибыл ранним пасмурным утром, накрапывал дождь, с моря несло арбузной свежестью бриза. Он чувствовал себя смертельно уставшим, и тут же, на мокром перроне принял решение: следующей командировки не будет. Он забыл, что решения необходимо взвешивать. Спустя пару месяцев домашнего безделья он окончательно пришел в норму, восстановился, а еще через месяц его неумолимо потянуло на фронт, как старого пьяницу тянет к бутылке. Такова жизнь, ибо ведь недаром сказано в Книге: «Всё возвращается на круги своя». А это значит, что точку ставить еще не время.

г. Тюмень

Валерий ХАТЮШИН

МЛАДШИЙ БРАТ

* * *

Мир земной — это дар изречённого Слова.
И блажен тот, кто Слову бессмертному внял.
Нет ни Рима второго, ни Храма второго.
Их руины давно полумесяц подмял.

Нас, неверных, конечно, смела бы стихия
за бесовский бедлам и за гендерный срам...
Но на грешной Земле существует Россия —
как единственный Рим и единственный Храм.

И еще предстоит нам великую драму
пережить как спасительную благодать...
Но Четвертому Риму и Третьему храму
на Земле человеческой уже не бывать.

11 марта 2024

* * *

Вот и вновь я дожил до весны,
до березовой ласки дожил...
А на южных дорогах войны
день за днем наши рвутся из жил.

Терпко дышит шальная весна,
под окном распустился каштан...
А на юге гуляет война,
горькой гарью пропитан туман.

К нам вернулись скворцы и дрозды,
скоро ласточки к нам прилетят...

И на крыльях усталой беды
возвращаются души солдат.

Остро чувствую этой весной
запах листьев и влажной земли...
И летят, и летят надо мной,
словно души солдат, журавли...

17 апреля 2024

ВРЕМЯ ЧУДА

И опять расцветает сирень,
и опять приближается лето...
Что ж в глазах моих прячется тень
от весеннего яркого света?..

Этим дням просиять суждено
так сиренево, так белопенно!..
Время чуда... Но что же оно
так до слёз невозможно-мгновенно?!

Лишь успеть бы вдохнуть благодать
непостижной любви дуновенья...
Да, конечно же, стоило ждать
целый год этих дней упоенья.

И останется лишь — заглушить
все в глазах неминуемые тени,
лето, осень и зиму прожить,
чтоб увидеть цветенье сирени...

17 мая 2024

ЛЮДИ И КРЫСЫ

Чёрные дроны над Брянском кружат,
коптеры в небе над Курском зависли...
Бабушки вяжут носки для солдат,
дети им шлют благодарные письма...

Женщины в Туле, в Орле, под Москвой
шьют для ребят бельевую обновку.

Мчится на фронт продуктовый конвой,
и волонтеры плетут маскировку...

Евро и доллары прячут в мешках
два министерских больших генерала...
Все либеральные крысы сквозь страх
скрыть не способны хмельного оскала.

Ждет закордонное племя иуд
зверской победы своей закулисы.
Люди и крысы на свете живут.
Рядом, извечные — люди и крысы...

26 мая 2024

ВОПРЕКИ

Может, еще возвратится ко мне
лето земное...

31 августа 2023

Ну вот оно и возвратилось...
Ну вот оно и возродилось,
моим сомненьям вопреки —
души пленительное лето,
живая связь тепла и света,
игра сияющего цвета
поляны, озера, реки...

Зимою, помню, тосковалось —
еще так много оставалось
морозных и метельных дней...
И цвет полей угрюмо-серый,
и небеса тяжелой сферой
гасили свет в душе моей.

Казалось, вечно будут длиться
зима и снег. Не возвратится
ко мне полей душистый цвет...
Казалось, круг друзей порвался...
Казалось, мир земной распался
и как-то слишком исчерпался
огонь в глазах последних лет...

Но дни иссякли, как ни странно...
Весна промчалась интриганно,
как миг, как сон, как крыльев взмах...
Лесные трели пробудились,
и, возродившись, возвратились
и круг друзей, и свет в глазах...

Души пленительное лето,
живая связь тепла и света,
игра сияющего цвета
поляны, озера, реки...
Рассвет, врывающийся звонко,
родная песня жаворонка
и в небо взгляд из-под руки...

Тоске сердечной вопреки...

11 июня 2024

БЛАЖЕННЫЙ

«...Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?»
И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним».

Н. Зиновьев

Творец Вселенной, друг убогих
степной дорогой проходил.
А там Зиновьев — у дороги —
по русской доле слёзы лил.

«Ты кто? — спросил Он Николая. —
Чего раскис на склоне лет?»
«Я — русский», — слёзы утирая,
ответил Богу наш поэт.

«Блаженный! — Бог махнул рукою. —
Я Русь спасал, как только мог.
Не время плакать нам с тобою...»
И дальше путь продолжил Бог.

16 июня 2024

МЛАДШИЙ БРАТ

Уходят годы без возврата,
порой бесцветно семеня...
Но вот уже не стало брата.
Не стало брата у меня...

Мой младший брат...
Картины детства
бегут, роятся предо мной...
Как сердца милое наследство,
как звон весенний за спиной...

Мы без отца росли... Остудно
душа несла судьбы печать...
Крутясь, как белка, бедно, трудно
двоих нас поднимала мать.

Но были в нашем детстве светлом,
как дар желанный, каждый год —
деревня, летние рассветы,
цветущий, бабушкин, приветный
клубнично-сладкий огород...

И рос мой брат в том детстве славном
по праву слабости мальчика...
В делах по дому был я главным,
и был ему я за отца.

Учил в футбол играть и плавать,
с собой в лесную глушь водил.
И по-боксерски крюком справа
при драке в челюсть бить учил.

Забылись те мои «науки»,
он стал и сам — отец и дед.
Так быстро повзрослели внуки!..
И только брата больше нет.

Как скоротечно всё на свете!
Лишь звёзды вечны в полумгле.
И жизнь течет, и солнце светит...
А мать и брат лежат в земле...

26 июня 2024

ВСЁ ЖЕ ПОМНИ...

Лет ушедших, лет устало-безутешных
ты возврата не желаешь даже в снах...
Всё же помни о московских наших нежных
удивительных июльских вечерах.

Как сидели мы под липами густыми
на Кузьминских или Братцевских прудах...
О настоянных в зеленом терпком дыме
восхитительных июльских вечерах —

всё же помни... Этот блеск воды закатный
будет в сердце утишать и боль и страх...
...О несбыточных, о наших безвозвратных
упоительных июльских вечерах...

И придет последний день на белом свете,
и померкнет ясный свет в твоих очах,
и тогда, конечно, вспомнишь ты об этих
нерастрченных июльских вечерах...

12 июля 2024

* * *

Тучи вечерние неба июльского...
Розы, роняющие лепестки...
Юрий, братишка, и мать наша Юлия
где-то ещё не совсем далеки...

Тучи вечерние, тучи недвижимые...
К розам отцветшим вернулся покой...
Души родимые, нам лишь постижные,
смотрят с улыбкой на нас и с тоской.

Тучи вечерние неба закатного...
Розы остывшие клонятся в сон...
Брат мой и мать... Их пути невозвратные
летний мой вечер влекут под уклон...

26 июля 2024

* * *

Мы останемся в августе этого лета,
не уйдём никуда мы с тобой из него.
В нём одни ото всех затеряемся где-то
и не встретим уже из других никого.

Пусть другие уходят осенней дорогой,
безвозвратной дорогой в сентябрьскую муть.
Мы останемся здесь, у реки неглубокой,
где наш старенький дом покосился чуть-чуть.

В нашем августе липы цветут голубые,
еле слышно шуршит красно-синий кипрей...
...Что-то громко крича, мы с тобой, молодые,
нам на встречу бежим из росистых полей...

Взявшись за руки, в ярких огнях иван-чая
мы бежим и кричим... Но для нынешних нас
август, в сонной реке предзакатно играя,
наши чувства собой до конца заполняя,
стал реальным, единственным светом сейчас.

Будут сны нам нашёптывать травы густые,
утишая на сердце тревогу и страх...
Будут листья над нами лететь золотые,
и дожди, и снега — мимо нас в небесах...

16 августа 2024

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Война объявлена каждому из нас.
Протоиерей Андрей Ткачёв

Донбасс отныне — вся Россия.
Нам всем объявлена война
за наши нивы золотые,
за то, что есть у нас страна.

До стен казанских долетают
шалыные «птички» от ЕС.
Но о войне еще не знают
сидящие в «Полях чудес».

А Русь опять — новоиконна,
и вновь — святых героев рать,
и — Белгородская мадонна,
и рядом — Курска Божья мать.

И, небесами осиянна,
идет священная война.
Но кто же скажет нам с экрана:
«Вставай, огромная страна!»?..

17 августа 2024

ВРАГ

Враг говорит на чисто русском,
и враг стоит уже под Курском,
и дроны рвутся под Москвой...
Министры произносят речи,
а на экранах каждый вечер —
весёлых лиц поющих рой.

Пиндосы Киев посещают.
Эксперты хором обещают
всесокрушительный ответ.
Экран поет, экран хохочет.
В боях морпехи укров мочат.
Но крепок у хохла хребет.

Хохол еще не в бледном виде.
Он Русский мир изненавидел —
и общий дом, и Божий храм.
По-братски вскормленный на воле
и Пушкина читавший в школе,
он бьет по русским городам.

Расхристан, в зверстве не раскаян,
отвергший Бога — новый Каин.
Брат, прямиком идущий в ад.
От смертной злобы почерневший,
с восторгом с разума слетевший,
завистливый вчерашний брат.

Ликует укр в нацистской прессе:
бюст Пушкина снесли в Одессе
и подняли свидомый флаг!
Враг говорит на чисто русском,
и он стоит еще под Курском,
перерожденный чёрный враг.

20 сентября 2024

* * *

Сентябрь — всегда прощанье,
сентябрь — всегда звучанье
минорных, тихих струн...
Роняет мне на плечи
листву и что-то шепчет
поникший вяз-молчун...

И был бы мир скучнее,
бесчувственной, беднее,
как без любви рассказ,
когда б с листвой прощанье
и грустных струн звучанье
не пробуждались в нас.

Пусть в мир приходит осень!
Она нужна мне очень,
как этот вяз-молчун...
И пусть она — прощанье
и тихое звучанье
души минорных струн...

16 сентября 2024

* * *

Кем-то, наверно, нам было попущено
зло в нераскаянном зле...
Как-то Россия сумела без Пушкина
выжить на этой земле...

Кто-то пытался бессудно-расстрелянно
русское всё сокрушить...

Как-то Россия смогла без Есенина
все эти годы прожить...

Кто окружённую гибельным холодом
всё ж от отчаянья спас?..
Как в этом мире бездушно-расколотом
ей сохраниться без нас?..

11 октября 2024

КРАСНЫЕ ЛИНИИ

Где же они, эти красные линии?
Всем нам казалось когда-то, что там,
где небеса и моря наши синие
мирно сияют, доверившись нам...

Где эти линии самые красные?..
То ль в Подмоскowie, а то ли в Кремле...
Скрытые в тайных анналах, безгласные,
нами не видимые на земле.

Все мы охвачены долгими думами,
видя дымящиеся города...
Может, мы линии эти придумали?
Может, и не было их никогда?

Наши деревни, врагом разорённые...
Враг, потерявший возмездия страх...
Тот, что нарушил давно проведённые
красные линии в наших сердцах...

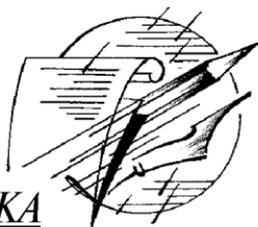
13 октября 2024

Людмила БРАГИНА,
Олег РОМЕНКО

ВРЕМЯ РУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В своих прежних публикациях мы не раз предупреждали, что если российский народ будет продолжать так же беспечно относиться к происходящему или жить в режиме максимального зажимания: «авось рассосётся», то недалёк тот день, когда натовцы начнут нас сгонять со своих земель, как индейцев, и бить вглубь российской территории дронами и ракетами. И события последних дней подтвердили наши слова.

Из приграничных районов Курской области подлежат обязательной эвакуации почти 200 тысяч жителей, а это пятая часть населения всего региона. Так же объявлена эвакуация в сопредельном с курянами Краснояружском районе, откуда выехали почти все жители — 11 тысяч из 11 с половиной. Примерно такая же ситуация в соседнем Грайворонском районе, где некоторые приграничные сёла превращены в руины, как летом 1941 года. Из многострадального Шебекинского района по разным оценкам выехало от 50 до 70 процентов жителей. В Белгородской, Брянской и Курской областях ввели режим КТО, а в Белгородской и Курской ещё и режим ЧС федерального уровня.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

У всех на слуху последние ошеломляющие атаки натовских дронов по гражданским и военным объектам даже в глубоком тылу. Горят аэродромы, нефтебазы, многоэтажки в Нижнем Новгороде, Липецке, Орле, Курске, Ростове. И есть все основания думать, что в ближайшее время нам предстоит готовиться к ещё более тяжёлым испытаниям. Но об этом позже, а сначала расскажем о ситуации в нашем Белгороде.

Несмотря на то, что приграничье Белгородской и Курской областей настолько мощно охвачено пламенем войны, что поступающие оттуда новости затмили даже сводки из зоны СВО, в самом областном центре, находящемся всего в 38 км от границы, стало на удивление спокойно, за редкими исключениями, о которых тоже напишем.

Сейчас создаётся ощущение, что Белгород скорее даже перенаселён. Давно у нас не было битком забитых маршруток, но сейчас это факт. Хотя немалая часть жителей покинула город насовсем, но ещё больше людей въехало в него из приграничных сёл. Кто-то к родственникам, кто-то сам снимает жильё. Белгород, может, и не самое безопасное место для беженцев, но людям, жившим в нескольких километрах от границы, где никакая сирена не успеет предупредить об артиллерийских обстрелах, наш город представляется вполне надёжным.

Приток беженцев в Белгород обусловлен тем, что, во-первых, — люди не хотят далеко отъезжать от своих домов, куда планируют вернуться при первой же возможности, ведь у многих там огороды и живность. А во-вторых, — в области недавно запустили программу предоставления денежных средств для съёма квартир жителями приграничных районов, временно оставшихся без крыши над головой. Так, многодетным семьям на аренду жилья будут платить 40 тыс. рублей в месяц, всем остальным — по 20 тысяч. Учитывая цены на съёмную недвижимость в Белгороде, этих выплат более чем достаточно.

В результате внешний облик жителей города претерпел ощутимые перемены. Заметно прибавилось гуляющих по улицам шумных многодетных семей. У подъездов на лавочках вечерами стали засиживаться незнакомые компании молодых людей, совсем не похожих на городских жителей. Видно, что работали они не в офисах и цехах, а много времени проводили на воздухе и питались дарами со своего хозяйства, а не из «Магнита». В маршрутках появилось много бабушек в пёстрых, цветастых и причудливо повязанных козыньках, с волнением глядящих в окно: как бы не проехать нужную остановку. Эти бабушки тоже из приграничных сёл,

ведь городские бабушки, как мы знаем, летом носят панамки и шляпки.

На белгородских рынках также не смолкает тема приближающейся к городу беды. Вот молодая и дородная розовая женщина с четырьмя детьми — мал-мала меньше. Рассказывает, что в Судже нет ни воды, ни газа, ни электричества. Ничего не работает, все магазины разграблены, и они чудом вырвались оттуда. А вот шуплый и седой пожилой мужчина разжился картонными коробками у торговцев овощей и фруктов. Мужчина делится, что в его пятиэтажке осталось всего три человека, а само Шебекино сейчас напоминает город-призрак. Он вывозит из Шебекино в Белгород людей с их самым необходимым имуществом по трассе, которую местные жители называют «дорогой смерти» — из-за постоянных атак гражданского транспорта вражескими беспилотниками. Мужчина улыбается, когда рассказывает, что некоторые шебекинцы принимают его за маньяка, потому что он предлагает им бескорыстную помощь. Брать деньги со своих несчастных земляков, как это делают иные охотники за длинным рублём, ему совесть не позволяет. «Вот вывезу всех, тогда и сам уеду», — говорит этот святой человек и несёт коробки к своей полинялой бежевой «семёрке».

Но самой душераздирающей приметой прифронтового города для нас — растущее количество искалеченных людей. Как правило, у многих из них нет полруки или полноги, нередко и вовсе конечность оторвана полностью. Этих людей мы постоянно видим на рынках, в магазинах, в парках отдыха на костылях, в каталках, реже на протезах. Причём это не участники СВО, а мирные жители, доставленные в Белгород из сильно пострадавших в последние месяцы приграничных районов.

По данным губернатора Белгородской области Вячеслава Гладкова на середину июля текущего года, в нашем регионе погибло двести мирных жителей и ранено более тысячи. Поэтому 16 июля в Белгороде открылся первый в стране межрегиональный центр по высокотехнологичному протезированию и комплексной реабилитации. Ещё шесть с половиной тысяч жителей Белгородской области, получивших ранения лёгкой и средней тяжести, отправятся в этом году на лечение в санатории.

Недавно мы оказались возле городской больницы, полностью переоборудованной под военный госпиталь. Из внутреннего дворика громко и бодро звучала «Катюша» в исполнении ансамбля местной самодеятельности. Белгородские артисты и волонтеры регулярно посещают госпиталь с кон-

церами и подарками. Но за те несколько минут, пока хор бабушек пел «Катюшу», через ворота КПП в госпиталь въехали два зелёных армейских «пазика» с красными крестами и жёлтый реанимобиль с надписью на заднем стекле: «Своих не бросаем!» Вот какую тяжёлую цену приходится сейчас платить нашим военным за то, чтобы жители Петербурга и Самары наслаждались фестивалями цветов да кукол и в ус не дули: «Это не моя война», или — «Меня это не касается».

Хотя сирены в Белгороде продолжают регулярно включать и днём, и ночью, но за последние два месяца трагических событий в городе — наперечёт. Обычно после сирены ракетной опасности ничего не происходит, поэтому люди в большинстве своём перестали реагировать на неё, за исключением жителей из приграничных районов. Те прячутся в укрытия, истово крестятся и говорят, что «нас спасёт только Господь». Больше ни к кому, судя по их реакции, они доверия не испытывают.

Недавно очередная сирена застала нас в Гагаринском парке, где вдоль длинного фонтана, сделанного в виде многоступенчатого водопада, расположено множество лавочек в тени деревьев. Летом здесь всегда отдыхает много людей. И когда завывла сирена, к нашему удивлению никто даже не шелохнулся, словно это не люди, а истуканы сидели вокруг. Только один бомж, спавший на лавке, повернулся на другой бок и что-то злобно прорычал, когда в небе раздалась первая разрывы работы ПВО. Говорят, что люди в Донцке реагируют аналогичным образом.

Но мы не поддались стадному инстинкту и прошли в укрытие, потому что никогда нельзя быть стопроцентно уверенными, что за сиреной не последуют прилёты. Так, в один из дней мы шли домой и снова уже двузначная по счёту за день прозвучала сирена. Все предыдущие оказались «холостыми», поэтому люди беспечно сидели во дворе, а некоторые из них жарили шашлыки возле своих машин, не обращая никакого внимания на объявленную тревогу. Но мы, всё же воспользовались укрытием.

И как только мы заскочили в него, благо, что при ракетной опасности во всех подъездах города отключают домофоны, через двадцать секунд началась дикая какофония взрывов в небе и на земле, грохот работы ПВО слился с грохотом прилётов. А уже через пять минут наши телеграм-каналы заполонили фото и видео с горящими машинами и выбитыми окнами в многоквартирных домах в районе Крейды на окраине города. Тогда пострадало четыре человека и было повреждено более тридцати машин.

Самой опасной для нас за последнее время оказалась одна из ночей в конце июня, когда на Белгород враг напустил целый рой «летающих мопедов». Большинство из них удалось сбить, но один подлетел совсем близко к нашему дому. Мы слышали за коридорной перегородкой, как звук беспилотника-камикадзе стремительно приближался к нашим окнам. С сети мы видели много фото изуродованных квартир, в которые залетали такие «мопеды». Они были похожи на вспоротый живот человека, с вываленными наружу внутренностями. Если кому и удавалось выжить в такой ситуации, то он становился тяжёлым инвалидом на всю жизнь. А в последнее время враг поменял тактику и следом за первым шлёт в одно и то же место и второй дрон, как делали фашисты при расстрелах — контрольный выстрел в голову. Но к счастью для нас, дрон пролетел мимо и врезался в «Магнит», находящийся в ста метрах от нашего дома. Поскольку была глубокая ночь, никто в магазине не пострадал.

Теперь мы коснёмся событий в Курской области, которые напрямую могут затронуть ещё, как минимум, пятнадцать российских регионов. Пятого августа наш Белгород в целом спокойно отметил день города, приуроченный к дате его освобождения в ходе Курской битвы в 1943 году. Но уже следующей ночью на всех нас обрушился каскад обескураживающих новостей. После долгих и назойливых сигналов, поступающих с Запада, суть которых заключалась в том, что россиянам следует расслабиться и подождать три месяца, когда придёт Трамп и заключит мир на любых условиях, англосаксы в очередной раз подтвердили известную поговорку и показали своё истинное лицо — опасайся копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.

В три часа ночи шестого августа, после массированного обстрела вероломным врагом государственной границы в Курской области, специальные бронированные машины «Страйкер» разминировали коридор для колонн натовской бронетехники, которые и ринулись на российских пограничников в районе города Суджа. И главари Запада, и их гауляйтеры в первые дни после этого нападения включили режим «информационной тишины».

Зато по полной «отработали» российские военкоры и подражающие им диванные «аналитики». Начали по традиции за здравие — дескать, не беспокойтесь, граждане, это всего лишь очередная пиар-акция всушников: зашли, сфоткались и позорно убежали назад. Но вскоре интернет начали заполнять кадры с рыдающими курскими беженцами, пленёнными российскими срочниками и позирующими в наркотичес-

кой эйфории возле захваченной поселковой почты наёмниками с грузинским и украинским флагом.

И тут военкоры, что называется, понесло. По их словам, иностранные войска заполонили приграничье Курской области, подтягивают резервы, тылы, бронетехнику, дальнобойную артиллерию. И продвигаются вперёд такими темпами, что скоро дойдут до Москвы. Один наш местный «эксперт» на пенсии договорился до того, что в Курскую область якобы зашло 50 тысяч наёмников и ещё столько находятся в качестве резерва в Сумской области. Апофеозом стало заявление известного депутата Госдумы Андрея Гурулёва, который сообщил, что проехал от Москвы до Курской области с оружием, и его ни разу никто не остановил и не проверил. Тем самым депутат прозрачно намекнул и на прошлогодний «пригожинский мятеж», и на его возможное повторение, только в уже куда более жёстком варианте: иностранными интервентами.

Но очень быстро панику удалось погасить. Военкоры получили по шапке, в курское приграничье подтянули тыловые резервы разных родов войск, а российская авиация так пробомбила тылы террористов в Сумской области, что им стало не до наступления. В очередной раз ни одна из целей противника достигнута не была. Ему не удалось вторжением в Курскую область добиться переброски российских войск с Донбасса, где для врага сложилась критическая ситуация, грозившая обрушением фронта.

Не удалось спровоцировать российское руководство на объявление новой волны мобилизации, что вот уже два года является голубой мечтой западной пропаганды. Ведь в 2022 г. на одного мобилизованного пришлось как минимум по одному релоканту. Да и перед десятью тысяч иностранных наёмников, собранных со всего мира и долгое время тренировавшихся в натовских лагерях, наверняка были поставлены куда более «амбициозные» задачи на территории России.

А в результате за две недели им удалось закрепиться на территории, составляющей полтора процента от общей площади Курской области. И это при том, что если верить всё той же западной пропаганде и паникёрам местного разлива, противостояла этому вооружённому до зубов по последнему слову военной техники иностранному легиону горстка российских пограничников с одними автоматами.

Последние события в Курской области показали, что в случае успешного продавливания фронта российскими войсками в Донбассе, Запад готов пойти на какие угодно преступления, лишь бы не потерять оккупированную Украину.

Живой силы у него явно недостаточно, что показала недавняя попытка интервенции, да и та, которая имеется, не готова жертвовать собой, потому что воюет за деньги. А это значит, что западники будут и дальше действовать как типичные террористы. Они сбрасывают с дронов гранаты на детские площадки на Белгородчине, разрушают целые подъезды в наших домах, без конца атакуют гражданский транспорт и жгут приграничные сёла похлеще германских фашистов. И они вполне могут обстрелять распределительные станции Курской АЭС, что приведёт к остановке атомного реактора. И тогда в центральной России возникнут огромные проблемы.

Готовы ли натовские террористы пойти на это? Здесь мы можем сослаться на белгородского губернатора, который к такой угрозе относится вполне серьёзно и уже сейчас советует запастись генераторами, буржуйками и дровами, потому что «зима может быть разной». А само вторжение в Курскую область является красноречивым свидетельством того, что враг нас не боится, потому что считает слабыми и не готовыми защищать свою страну. Сейчас все ципсошники и подпевающие им от большого ума зет-блогеры захлёбываются в своих эфирах: «Где курские партизаны в тылу врага? Где очереда в военкоматы в Москве и Питере?»

При всей провокационности подобных вопросов со стороны противника, здесь есть о чём задуматься. Начиная с 90-х годов прошлого века в России развернулась оголтелая пропаганда т.н. либеральных ценностей, суть которых в том, что каждый сам за себя. Дальнейший крен в сторону патристического воспитания молодёжи не сильно изменил ситуацию в российском социуме, потому как проводилась эта работа топорно, неискренне — «для галочки», поэтому, как следствие, у общества выработался скепсис, можно даже сказать «иммунитет» на этот счёт. Теперь пожинаем плоды, когда враг уже стоит у ворот.

Эскалация боевых действий и перенос их в Курскую область говорит о том, что никаких мирных переговоров в ближайшие несколько лет не предвидится. Если кто-то думает, что с Западом всё же можно, в принципе, договориться по хорошему, то таким людям мы хотим напомнить про саммит «большой семёрки», прошедший в июне в Италии, на котором страны-гегемоны приняли решение, что Россия должна выплатить Украине 486 млрд. долларов. И это они ещё делят шкуру неубитого медведя. Страшно подумать, сколько миллиардов долларов «репараций» они на нас повесят, если им удастся не мытьём, так катаньем поработить нашу страну.

Если мы не хотим, «чтобы наши малые ребята от поклонов сделались горбаты», то сейчас самое время, которого у нас остаётся всё меньше и меньше, задуматься над словами одного из вовлечённых в дело защиты нашей Родины старшего лейтенанта медицинской службы ДНР, врача-хирурга, кандидата медицинских наук Юрия Евича:

— Прошёл подготовку — идёшь добровольцем воевать. Нет возможностей сражаться по состоянию здоровья — пройди подготовку и обучай других в качестве инструктора. Собери гуманитарный груз — езжай на фронт: ребят поддержать, в глаза им заглянуть и послушать, как снаряды рвутся вдалеке. Для себя самого оценишь перспективы. Есть ещё варианты: плети сети, шей обмундирование, мастера носилки. В конце концов, помоги деньгами. Не можешь — молись за Победу как можно чаще.

И в заключение хотим добавить, что действенным этот совет окажется только в том случае, если все мы ему последуем, каждый в меру своих сил и возможностей, а не будем смотреть по сторонам и надеяться, что кто-то другой будет за нас отдуваться. Иными словами, если все мы станем как в 1941 году братьями и сёстрами, а не господами-товарищами. Очень хорошо это понял и прочувствовал Константин Симонов, обратившийся к соотечественникам в тяжелейшие для нашей Родины дни: «Знай: никто её не спасет, если ты её не спасёшь».

г. Белгород. Август 2024 г.

ДВА РАССКАЗА

ВСЁ МОЖЕТ БЫТЬ

Захар Семенович решительно не хотел оставаться дома в длинные новогодние выходные. Это подумать только — сидеть без дела десять дней. Конечно, за это время можно написать пару рассказов или даже подумать о сюжете для новой повести, но с приходом холодов вдохновение оставило писателя, коим был Захар Семенович то ли по призванию, то ли по профессии.

Ходить по гостям или навещать родственников ему тоже совсем не хотелось. Захару Семеновичу было уже далеко за сорок, и время весёлых посиделок, когда он с друзьями мог беззаботно бражничать ночи напролёт, ушло, да и дружная когда-то компания, с которой он любил проводить свободное время за умными разговорами, игрой в бильярд, посещением сауны и выездом на природу, как-то незаметно распалась. Кто-то уже нянчился с внуками, кто-то решал семейные проблемы, а кто-то просто бросил пить. А какая дружеская встреча без весёлых возлияний?

ПРОЗА

Так или иначе, Захар в глубине души чувствовал — одиночество близко, совсем рядом. С женой он не разводился, хотя оба понимали, что их совместная жизнь просто себя исчерпала. Они были независимы материально друг от друга, а духовно близки не были никогда, но прямых ссор всегда избегали, хотя у каждого, они догадывались, была своя жизнь. Жена его, вполне успешная дама, сумевшая из парикмахеров вырасти до владельца салона красоты, который пользовался популярностью в их городе, неплохо зарабатывала и считала работу мужа в редакции и в университете совсем не престижной. У них так и не появилось совместных детей, но у неё в городе жила дочь от первого брака, и свои постоянные задержки на работе и отсутствие в выходные дни она объясняла тем, что была у дочери, которой всё больше требуется поддержка и помощь, учитывая рождение внука.

За несколько дней до Нового года Захар зашёл в турагентство и купил путёвку на автобусный тур по Золотому кольцу России. Ему импонировало, что жить участники тура будут в Суздале, а в другие города их будут возить на дневные экскурсии.

Третьего января рано утром Захар прибыл в Москву поездом и сразу поспешил на станцию метро Щелковская, откуда отправлялись туристические автобусы. Захар вышел из метро и окунулся в морозный московский воздух. Он регулярно бывал в столице, ещё со студенческих лет, и ему была привычна московская суета, в которой великое множество людей и машин двигалось потоками, подчиняясь заданному столичному ритму.

В его туристической путёвке был указан номер автобуса, и он сразу увидел у посадочной платформы внушительных размеров автобус «Мерседес». Автобус был зелёного цвета, на фоне которого нанесены то ли большие размытые снежинки, то ли медузы неправильной формы ярко-жёлтого цвета. Рядом с этим необычно разукрашенным транспортным средством уже толпилась группа людей вокруг молодой женщины с большим блокнотом в руках. Это гид, понял Захар, выбрал удобный момент, подошёл, поздоровался и спросил:

— Наверное, нужно зарегистрироваться?

Девушка подняла глаза от своего блокнота:

— Здравствуйте. Вы с нами?

Нестандартное обращение понравилось Захару.

— Да, я с вами, — ответил он вполне серьёзно.

— Фамилию вашу назовите.

— Соколов Захар Семенович.

— Меня зовут Ольга. Через несколько минут водитель открывает багажное отделение, туда сложим сумки и чемоданы, а потом будем рассаживаться. Вот рядом кофейня, там пока можете выпить кофе.

Она говорила это привычно, отчётливым голосом. Захар бы даже отметил — хорошо поставленным голосом, но довольно доброжелательно, без обычной сухости в речи экскурсоводов, причём обладатель голоса успевала отмечать прибывающих туристов в своём списке. Её стройную фигуру лишь подчёркивала приталенная куртка на меху с капюшоном.

— А скажите, пожалуйста, — спросил один из туристов, обращаясь к Ольге, — такой прикольный рисунок на автобусе только у нас или они все свои автобусы так раскрашивают? Совсем ведь не сочетается жёлтый цвет с зелёным.

— Очень даже сочетается, — отвечала Ольга, — например, жёлтое — солнышко, зелёное — деревья, трава, кустарники, одним словом, природа.

— Да... — неуверенно прозвучал голос оппонента. — Может быть. Всё может быть.

Захар обратил внимание на ответ находчивого гида и снова посмотрел на молодую женщину, отметив про себя, что если бы она стояла одна рядом с автобусом-великаном и с блонотом, размером похожим на амбарную книгу, скорее всего, она казалась бы беззащитной, но в окружении своей многоликой группы выглядела весьма уверенно.

Утро выдалось не по столичному холодным, да и что говорить, зима в этом году была похожа на прежние русские зимы с морозами, метелями, сугробами. Это радовало Захара, уроженца средней полосы, хотя в такой поездке сильные морозы, быть может, и не к месту.

Он был одет достаточно тепло, да и автобусы такого класса, как правило, комфортабельны, там верхнюю одежду и вовсе снять можно. Одно беспокоило Захара — он чувствовал лёгкое першение в горле. Нехороший признак. По опыту знал, что любая даже самая лёгкая простуда у него начинается с дискомфорта в горле. Он не был болезненным, в юности да и во взрослой жизни занимался спортом, принимал по утрам холодный душ, но это не мешало ему иметь очень восприимчивую гортань. По этой причине ему приходилось любое холодное блюдо запивать горячим чаем или кофе. А здесь совсем некстати накануне отъезда за посленовогодним столом он из-за деликатности не смог отказать хозяйке дома, где был в гостях, и съел всё мороженое, поданное на десерт в креманке из цветного стекла с переливающимся лиловым

оттенком. Захар настолько был заинтересован этим необычным столовым прибором, сделанным то ли при помощи современных технологий, то ли сотворённым рукой настоящего мастера, что не заметил, как опорожнил всю креманку.

«Как бы не разболеться, — с лёгким беспокойством подумал Захар. — Этого только не хватало. Надо согреться». И он направился в кафе, хотя Ольга уже приглашала всех пройти в салон автобуса.

Когда он с пластмассовым стаканчиком горячего кофе вышел из кофейни, Ольга, приветливо улыбнувшись, сказала:

— Заходите, Захар Семенович.

«Надо же, запомнила», — приятно отметил про себя Захар.

— А может, после вас? — предложил он.

— Нет. В данном случае правила этикета не действуют. Я говорю, вы исполняете. — Но сказала это она совсем нестрого, с какой-то женской мягкостью в голосе.

Захар зашёл в автобус. Ближе к середине салона не были заняты два места, Захар сверил их номера с путёвкой — его место было у окна. Он не спеша снял шапку, куртку и устроился в кресле допивать уже остывший слегка кофе.

Впереди него сидели два брата-близнеца из Кемерово. Он обратил на них внимание ещё на перроне, где они весело разговаривали с двумя девушками-попутчицами, с которыми только что познакомились. Близнецам было около тридцати лет. Они были крепкими, упитанными мужчинами. Когда они представлялись девушкам, один назвался Григорием, а второй Георгием.

— И вас не путают? Я имею в виду по именам, — спросила одна из девушек.

— Путают. Все путают. Поэтому в детстве, да и теперь некоторые старые знакомые нас Гришками величают. А внешне мы всё-таки разные. Гриша родился на пять минут раньше. Он старший и выглядит более серьёзным. Да и одеваемся мы по-разному. Вкусы наши не совпадают, в том числе и на девушек.

Теперь, в автобусе, близнецы тихо переговаривались между собой:

— Наверное, уже можно и опрокинуть шкалик-другой, — говорил Георгий, — так сказать, за посадку и отъезд.

— Угомонись. Не отъехали ещё, — успокаивал брата Григорий.

В салон вошла Ольга, села на переднее сидение, и автобус степенно отъехал от перрона. Ольга взяла в руки микрофон, ещё раз представилась, перечислила, какие чудные города и

достопримечательности ждут туристов в этом путешествии, и добавила:

— Мы вместе проведём четыре дня. Думаю, будет уместно и вам всем представиться. Причём от пары или семьи может выступить один человек, — и передала микрофон по рядам.

Назвать надо было имя, род занятий, из какого города или региона и почему выбран именно этот маршрут. Туристы в автобусе были из разных городов, но больше всего — из Москвы и Подмосковья. Все поочерёдно представлялись, заминка вышла только у близнецов. Они не могли решить, кто будет говорить. В итоге Георгий проинформировал, что они шахтёры, у них просто есть время, и они хотят увидеть Суздаль.

Когда все представились и в салоне установилась тишина, Ольга начала рассказывать о Владимирской области и истории Владимиро-Суздальского княжества. Посвятив минут пятнадцать экскурсу в историю древней Руси, она предложила:

— За четыре дня вам много предстоит узнать о русских городах, которые мы посетим, а сейчас, пока все полны сил и энергии, давайте сыграем в познавательную игру, она называется «Всё может быть». Участник игры должен рассказать историю, желательно увлекательную, можно правдивую, но добавить одно предложение во время рассказа, которое он выдумал. Это предложение или фразу он должен перед началом рассказа назвать соседу. Когда рассказ закончится, вы должны угадать, в каком месте спрятана ненужная фраза. Кто это угадает — победитель, и он назначает следующего рассказчика.

В салоне стали перешептываться, напрягаться никому не хотелось, и вдруг откуда-то с задних сидений раздался голос:

— У нас ведь есть писатель. Он, наверное, много историй знает. Пусть начинает. Мы пока слушаем.

Остальные пассажиры дружно поддержали предложение.

Захар высунул голову в проход между сидений и как-то смущённо возразил:

— Но у меня нет пары. Я еду один.

Ольга легко поднялась с кресла, подошла к Захару и села рядом, проговорив:

— Не возражаете, если я сегодня буду вашей парой?

— Почему только сегодня? У нас тур четыре дня, — попробовал пошутить Захар.

— Разберёмся, — был ответ Оли. — Предоставляю слово писателю Захару Семеновичу Соколову, — объявила она уже в микрофон и передала его Захару.

— Можно начинать? — шепотом спросил тот, наклонившись к Оле.

— Да, конечно.

Захар умел работать с аудиторией. Он преподавал в университете, да и как редактор часто выступал на различного рода встречах и семинарах, хорошо владел словом, а потому ему было совсем не в тягость поведать слушателям какую-нибудь забавную или поучительную историю.

— Однажды, несколько лет назад, я ехал на машине из Костромской области. Погода была ясная, конец лета, дорога знакомая, встречных машин совсем немного. Что ещё нужно для приятного путешествия? Наверно, собеседник. Но ехал я один, и, как обычно, в салоне звучала негромкая музыка — такой лёгкий блюз. Около небольшого города Урень Нижегородской области, у которого в одну точку сходятся пять дорог из разных направлений, на бензозаправке я заправил машину и отправился дальше по объездной дороге, не заезжая в город. Впереди был железнодорожный переезд. Я начал сбавлять скорость, светофор на переезде загорелся красным светом, но шлагбаум ещё не опустился. Даже сейчас, спустя несколько лет, я не могу сказать, почему я не остановился и поехал по прорезиненному настилу через двойные железнодорожные пути. Ровно на середине переезда, когда я пересёк одну ветку путей, машина неожиданно заглохла. В зеркало заднего вида я увидел, как опускается шлагбаум и поднимаются металлические барьеры-заграждения, так называемые блокираторы. Такая же картина наблюдалась впереди: резко опустился шлагбаум и вздыбились блокираторы. И в этот момент я увидел приближающийся с левой стороны поезд, он не был ещё близко, но сигналил, и с его пронзительным звоном соединился вой сирены переезда. Я поворачивал ключ зажигания и не мог определить, завелась ли моя совсем новая машина. Вокруг стоял такой звон, что работу мотора слышать было невозможно. Я нажал на педаль газа, и по резкому движению стрелки тахометра определил, что двигатель работает, включил передачу и рванул вперёд. От наезда колесом блокиратор опустился, ведь он не давал возможности проехать на железнодорожный переезд, а не с него.

В этот момент шлагбаум немного приподнялся — это дежурный охранник в будке пытался вручную меня пропустить, но автоматика не позволила полностью поднять шлагбаум, и он снова очень резко опустился, ударив по правому крылу машины сверху, затем снова начал быстро подниматься, но моя машина уже проскочила мимо, и я увидел в боковое зеркало, как шлагбаум снова опустился и переломился.

Выскочивший из будки охранник что-то кричал и махал руками, водители стоявших на переезде машин по встречному направлению с изумлением смотрели на ошалевшую машину, которая протаранила переезд. Но я только нажимал на газ, стараясь как можно быстрее уехать. Остаток пути я провёл в ожидании, что на первом же посту ГИБДД меня остановят, так как я был почти уверен, что охранник по телефону сообщил о ЧП, и меня быстро найдут по государственному номеру машины.

Через несколько часов я был дома, и только теперь внимательно осмотрел пострадавшее крыло. На нём была внушительная вмятина, правда, краска не пострадала. На следующий день я приехал в автосервис к Американцу. Известного мастера, специалиста по кузовным и покрасочным работам прозвали Американцем за то, что он в своё время обучался технологиям ремонта и покраски в США, где жил то ли год, то ли два. Юра, так его настоящее имя, внимательно осмотрел повреждение и назначил время ремонта через неделю: «Раньше не могу. При всём уважении, работы много».

Ещё несколько дней я ждал, что представители ГИБДД объявятся, но, видимо, охранник из будки злополучного железнодорожного переезда испытал во время ЧП немалое потрясение и не запомнил номера моей машины.

Но самое удивительное было другое: с каждым днём вмятина на крыле машины становилась всё меньше, а в день, когда я должен был оставить машину в сервисе, и вовсе стала малозаметной. Американец снизу надавил на крыло небольшой деревяшкой, покрытой каким-то материалом, и вмятина вовсе исчезла. «Память металла, — объяснил Юра, — и красить не нужно. Но случай редкий. Тем не менее, бывает».

Впоследствии я неоднократно проезжал запомнившийся навсегда железнодорожный переезд около Урени, но уже без всяких приключений. Случай этот уже никогда не забуду. Даже боялся сначала, что сниться мне будет, как я на красный свет еду, но ни в жизни, ни во сне больше этого не произошло и, надеюсь, не будет. — С этими словами Захар передал микрофон Оле.

Та, чуть помолчав, прокомментировала:

— Спасибо, Захар Семенович. Ваш рассказ ещё раз свидетельствует: в жизни всё может быть. Давайте будем аккуратны не только на дорогах, но и везде. — Сделав паузу, добавила: — Кому передаём микрофон? Кто следующий рассказчик?

— А давайте пить чай, сделаем маленький перекус, — предложил Григорий.

— Кто чай, а кто и покрепче, — тихо добавил Георгий, обращаясь только к брату.

На том и порешили. Никто даже не обратил внимания на то, что не прозвучал вопрос: а где лишнее предложение? Ну и хорошо. Захар его не придумывал и соседке не говорил. Как-то так получилось.

— А к рассказам обязательно вернемся ещё, — пообещала Оля.

Она сходила за своей сумкой, достала термос, бутерброды и сказала Захару как-то по-домашнему:

— Буду угощать вас чаем.

— С удовольствием, — ответил Захар, тем более что после своего монолога пить в самом деле хотелось.

Они пили чай и разговаривали между собой. Общаться с Олей было легко и просто. Захару было интересно услышать из первых уст о работе экскурсовода, он задавал разные, иногда каверзные вопросы. Оля без труда на них отвечала. Оказалось, она из самого русского города Суздаль, где закончила школу, но в институте училась во Владимире, а теперь живёт в Москве, у тётки. В Москве у неё работа, друзья, но ей больше нравится свой родной город, и она с удовольствием ездит по маршрутам, проходящим через Суздаль.

— У меня там дочка, Анечка. Ей скоро пять. Надо уже к школе готовить. Наверное, год ещё поработаю с туроператорами, а потом вернусь к родителям. Город наш всегда наводнён туристами, без работы не останусь. Могу работать и с иностранными группами, я иняз заканчивала.

Захар не задавал вопросов о её семейном положении, хотя и так было понятно — на безымянном пальце правой руки обручальное кольцо отсутствовало. Другие золотые украшения: кольца, серёжки и цепочки — блестяли на пальцах, шее и на ушках, но как-то были к месту в её стильной одежде.

В джинсах и в тёмном облегающем джемпере она казалась ещё стройнее. Тёмная чёлка свисала к её бровям, и Захару всё время хотелось поправить её. Он даже чуть не сказал об этом в шутовском тоне собеседнице, но вовремя остановил себя, понимая, что флирт, даже безобидный, явно не уместен.

Она тоже не спрашивала его о семье, хотя наверняка заметила обручальное кольцо на правой руке мужчины. Захар почему-то принципиально никогда не снимал кольцо, да и официально он был женат.

Оля подкупающе мило клала на бутерброды с сыром тоненькие ломтики томата, наливала из термоса чай, заваренный с плодами шиповника и ещё какими-то травами, доставала из сумки шоколадные конфеты, бумажные салфетки и

всё это подавала Захару. После лёгкого ланча в автобусе многие задремали, убаюканные легким шумом кондиционеров и негромкой музыкой из аудиоколонок.

Конкурс рассказов договорились не продолжать, решив, что будет ещё время завтра и послезавтра. Оля достала журнал с яркими обложками и многочисленными цветными фотографиями известных актрис, актёров, спортсменов и просто моделей. Захар не читал подобных изданий о светской и несветской жизни так называемых звёзд, но в этот раз, повернувшись к Оле, спросил:

— Что интересного пишут в женских журналах?

— Но это не совсем женский. Вот, например, — и она прочитала вслух выделенный жирным шрифтом абзац про семью Михаила Боярского.

— Да? Даже так? Не думал, что звёзды склонны к верности. А что ещё?

Оля прочитала ещё один абзац, затем следующий, остановилась, чтобы ответить на очередной вопрос Захара.

— Получается, Вы неплохо осведомлены о мире знаменитостей. Когда успеваете? Я иногда только новости по телевизору успеваю посмотреть.

— В последнее время беру разные журналы с собой. Когда есть время, читаю. Но больше люблю художественную литературу. Вот вам хорошо. Много читать, как редактору, приходится? И ещё деньги платят.

Захар засмеялся:

— Вы не представляете, каких только опусов за день не начитаешься! Иногда такую глупость непрофессиональную принесут. Ей-богу, не позавидуешь.

— А что, бывает глупость профессиональная?

Захар снова улыбнулся.

— Вы находчивы и остроумны. Сами не пробовали сочинять?

— Нет. Это не моё. Читать, конечно, люблю и даже могу что-то перечитать, но писатель из меня не получится. Скажите: а трудно стать писателем?

— Да нет. По крайней мере, в моём случае. Как-то всё само собой получилось. Но мне больше в университете работать нравится. Там живая работа с людьми. Но интриг тоже хватает.

— Это мне знакомо. Я работала в школе после педагогического, но там зарплата намного меньше.

Они разговаривали на разные темы довольно долго, и когда до Суздаля оставалось уже немного, Оля перешла на своё обычное место впереди салона и снова взяла микрофон:

— Мы подъезжаем к городу-музею Суздаль. Остановимся в центре, обедаем, я расскажу, где рядом находятся кафе. Их здесь предостаточно. Затем едем в гостиницу, устраиваемся. Вечером — свободное время. Завтра утром — завтрак. Он входит в стоимость путёвки, а потом — поездка во Владимир.

Автобус неспеша ехал по улицам Суздаля. Одноэтажные дома с крашенными в разные цвета наличниками, ухоженные дворики, чистые тротуары, вдоль которых стояли невысокие кусты и деревья, являли собой олицетворение чисто русского города XIX века, как бы законсервированного во времени. Бесконечное число легковых машин стояло вдоль улиц — это туристы со всей России приехали в новогодние каникулы посетить знаменитый город.

На улице, когда они вышли из тёплого автобуса, казалось очень холодно, мороз был не менее 25 градусов. Оля проинформировала группу о пунктах питания и, назначив время сбора, добавила:

— У нас с вами будет посвящён целый день для знакомства с Суздалем, но если кто пойдёт обедать в Архиерейские палаты, я немного расскажу о Суздальском кремле. Мы всё равно через него пойдём.

Основная часть группы пошла за Олей и после небольшой прогулки по территории кремля все зашли в ресторан, который действительно располагался в бывших хоромах суздальских владык — Архиерейских палатах. Украшенная новогодняя ёлка встречала посетителей, выходящих из гардероба. Зал ресторана был достаточно большой. Потолки и стены сохранили свою архитектуру XV века, когда здесь решались вопросы государственной важности Владимиро-Суздальской Руси.

Группа, не спеша, но чуть шумно расселась за столики. Захар, Оля и Гришки сели вместе за один столик. В меню были расписаны как национальные русские блюда по старинным рецептам, так и ассортимент современной кухни. Захар, бывая в различного рода поездках по России и в зарубежье, всегда старался попробовать что-то новое, желательное из традиционных местных блюд. Чтобы сориентироваться в многостраничном, оригинально оформленном меню Архиерейских палат, ему пришлось обратиться к Оле, которая охотно характеризовала каждое блюдо. Цены на эксклюзивные блюда были до неприличия высокими, но Захар в таких случаях был готов потратиться. Перед ним поставили «уху из осетрины с расстегаями» и «стерлядочку по-царски, фаршированную белыми грибами». Оля заказала «салат боярина с мочёной рябиной» и «рулет по-гусарски из мяса фазана».

Гришки с аппетитом ели «щи деревенские в горшочке» и «мясо по-монастырски в слойке». Кроме того, они решили побаловать себя закуской «помидоры, фаршированные грибочками». Из спиртного только Георгий заказал медовуху. Он ещё в автобусе приложился к запасливо купленной в дорогу бутылочке и здесь с удовольствием пил медовуху, отчего явно стал навеселе, но не казался пьяным. Григорий же даже не прикоснулся к своему бокалу. Когда в ходе обеда компания стала общаться между собой совсем по-дружески, Гриша объяснил, почему он в отличие от брата не употребляет в этой поездке алкоголь.

— Кто-то из нас обязательно должен быть трезвым.

— А разве нельзя вместе с братом во время отпуска немного расслабиться?

— Раньше всё так и было. Мы всегда вместе ездим, даже когда женаты были. Только Георгий развёлся, а потом и я следом. Приалкашивали немерено. Но однажды, отдыхая в Черногоории, в городе с символическим названием Бар, решили совершить небольшую прогулку на теплоходе по Адриатическому морю, но приняли на грудь слишком много, уснули в креслах на палубе теплохода, не слышали, как закончилась прогулка, и теплоход вместе с нами ушёл по другому маршруту — в порт Шеньгини, а это уже Албания. В общем, мы оказались в другой стране, причём без документов, которые оставались в гостинице. Нас перед поездкой инструктировали, что документы за границей с собой можно не носить. Кто знал, что так получится. Кончилось всё хорошо, но пока искали переводчика, хотя они тоже славяне и понимают нашу речь, ночь провели в полицейском участке. Через день, всё выяснив, нас направили в Черногорию. С той поры мы с братом договорились: во время отпуска один из нас всегда трезвый. В прошлом году не пил Георгий, в этом — моя очередь.

Эти молодые мужчины — сибиряки, своими откровенными разговорами вызывали симпатию. Всем было легко и весело. Оля сидела за столом напротив Захара. Её серо-голубые глаза меняли оттенок в зависимости от настроения хозяйки. Если женщина улыбалась, её глаза светлели и становились цветом ближе к голубому, если она была задумчива, глаза казались чисто серого цвета.

Её чуть растрёпанные волосы выглядели бы игриво, если бы не абсолютно некокетливое поведение молодой женщины. Она вела себя настолько естественно и просто, что нельзя было понять, то ли это привычка, связанная с её работой, то ли она остаётся сама собой даже в окружении мужчин, когда

редкая женщина удерживается от соблазна оказать на них приятное впечатление.

— Что загрузили, Захар Семенович? Вам всё понравилось? — спросила Оля, когда официантка принесла большой фарфоровый чайник и поставила конфетницу с леденцами.

— Кухня замечательная. Спасибо. Просто я, видимо, чуточку простыл перед поездкой. Надо отлежаться. Мы сейчас в гостиницу?

— Так надо же лечиться, — воскликнул Георгий. — Смотрите, здесь глинтвейн есть. Захар Семенович, я угощаю.

— Даже не знаю. Может, тогда все по бокалу.

— Нет. Я на работе. Мне нельзя, а вам, может, в самом деле на пользу пойдёт? — сказала Оля.

Григорий тоже отказался нарушить данное слово, и Захар с Георгием вдвоём выпили по бокалу горячего вермута с растрёпанными в нём приправами.

— А вы, Оля, тоже в гостинице ночевать будете? — допытывался Георгий.

— Нет. У меня здесь родители и дочка. Вот вас всех разместим, и я сразу — к ним.

По прибытии в гостиницу Захар вошёл в свой номер. Он был двухместным. Разделся и лёг в кровать. Он надеялся, что если пораньше уснёт, то завтра будет чувствовать себя здоровым. Ночь прошла спокойно, но проснулся Захар с сильным першением в горле. Глинтвейн не помог. Он встал, умылся и поспешил к завтраку, назначенному на восемь часов. В девять — отъезд во Владимир. При посадке в автобус Захар обратил внимание, что мороз стал ещё крепче. Мелькнула мысль: может, лучше отсидеться в номере, но он её сразу отогнал. Не для того он брал путёвку, чтобы в гостинице сидеть. И снова они ехали, но уже совсем недолго. Оля своего места не покидала, и Захару было немного грустно, что утром она просто поздоровалась. «Вчера она была более приветлива», — подумал он.

Пешую экскурсию по центру Владимира начали с Дмитриевского монастыря. Захар стоял перед храмом XII века и с любопытством разглядывал этот сохранившийся памятник истории и архитектуры.

Оля рассказывала:

— При Всеволоде Большое Гнездо Владимиро-Суздальское княжество достигло наивысшего могущества. В ознаменовании расцвета Владимирской земли Всеволод решил построить на княжеском дворе придворный храм. В 1194—1197 годы князь воздвиг церковь, украшенную белокаменной резь-

бой и освятил её в честь своего небесного покровителя Дмитрия Солунского. В те времена князья носили два имени: княжеское и христианское, данное при крещении. Всеволоду досталось имя Дмитрий, а прозвище Большое Гнездо Всеволод получил за многодетность. Ко времени строительства собора у князя родился сын Дмитрий, что стало ещё одним поводом освятить храм в честь великомученика Дмитрия. Святой Дмитрий почитался издревле как покровитель воинов. Дмитрий занимал должность проконсула в греческом городе Фессалоники (современные Солоники). Помимо непосредственных задач управления, проконсул должен был оборонять город от варваров и истреблять христианство. Однако, защищая границы и проявив себя как талантливый полководец, Дмитрий не только не трогал христиан, но и сам проповедовал христианскую веру, чем разгневал языческого императора Галерия. Дмитрия закололи копьями в тюрьме, а тело его бросили на растерзание диким зверям, но те не тронули его, и христиане предали останки Дмитрия земле. Летопись сообщает, что храм построен русскими зодчими, но над отделкой трудились не только владимирские резчики, но и греческие искусники, поэтому в белокаменном убранстве собора преобладают элементы, характерные для западных средневековых базилик. Дмитриевский собор называют «поэмой в камне», «ковром из каменных узоров», которые создают причудливую картину мира, где христианские мотивы переплетаются с языческими образами. На северном фасаде собора можно увидеть и самого создателя храма — князя Всеволода Большое Гнездо, восседающего на троне с младшим сыном. Рядом с ним высечены фигуры старших сыновей.

Захар был человек подготовленный. Он увлекался историей с детства и даже написал пару статей на исторические темы, но, внимательно слушая Олю, открывал для себя много нового и, скорее, не потому, что он чего-то не знал, а возможно от её голоса, который на морозе звучал громко и даже властно, не позволяя слушателям отвлекаться несмотря на холод.

Когда группа подошла к Золотым воротам, которые считаются визитной карточкой Владимира, Оля представила группе нового экскурсовода — немолодую женщину Анастасию Гавриловну — и добавила, что та будет сопровождать их по всей исторической части Владимира.

— Затем у вас будет свободное время: обед, покупка сувениров и т.д. Встречаемся мы здесь же в 15:00, совершаем автобусную экскурсию по городу и возвращаемся в Суздаль.

Завтра весь день проведём в Суздале, а послезавтра едем в Боголюбово, откуда вернёмся в Москву.

Прежде чем Оля успела покинуть группу, Захар подошёл к ней и заговорил:

— Оля, может, вы подскажете мне какой-нибудь ресторанчик или кафе, где особенная кухня? Мне вчера очень понравилось в Архиерейской палате. Во Владимире, наверное, тоже есть что-нибудь подобное, но своё.

Группа с новым гидом уже уходила к бывшей водонапорной башне, где располагалась экспозиция «Старый Владимир», откуда Анастасия Гавриловна планировала начать экскурсию.

— Да, конечно. Кафе «Старая крепость». Это недалеко. Там тоже есть эксклюзивные блюда и замечательная кухня.

— А где вы будете обедать?

— Пока не знаю. У меня есть ещё дела. А что, хотите пригласить?

— С удовольствием. Когда мне вас ждать у «Старой крепости»?

— Ну... не знаю. Ладно. Обедать всё равно надо. Давайте в 13:30.

— Договорились.

И Захар быстрым шагом начал догонять уходящую группу... Спустя несколько минут Анастасия Петровна рассказывала об истории Владимира в экспозиционных залах с мечами, секирами, кольчугами и прочими артефактами прошлого. Но Захар не мог вникнуть в смысл слов экскурсовода, рассказывающего посетителям, словно учительница начальных классов. Он поймал себя на мысли, что постоянно думает о предстоящей встрече с Олей. До вчерашнего дня он даже не был с ней знаком, а сегодня уже обедает с ней вдвоём. Это похоже на свидание.

Захар задумчиво ходил по экспозиционным залам. Понастоящему его внимание привлекла только диорама «Оборона Владимира», где были изображены события 1238 года, когда войска хана Батыя, опустошив Рязань, вторглись во Владимир. Героическая оборона города у Золотых ворот была представлена столь документально, что Захар ещё долго стоял перед ней даже после того, как его группа пошла дальше за своим экскурсоводом.

В Успенский собор он зашёл раньше своей группы, которая на улице слушала бесконечные исторические экскурсии, а Захар постарался быстрее зайти в тёплое помещение. Он и без экскурсовода знал, что Успенский собор на берегу реки Клязьмы в 1158 году собственноручно заложил князь Анд-

рей Боголюбский, который мечтал, чтобы его стольный град Владимир в своём могуществе и богатстве затмил «матерь русских городов» Киев, и поэтому задумывал Успенский собор как главный храм Владимиро-Суздальской Руси. Для этого князь «привёз мастеров из всех земель». Ювелиры, иконописцы и золотильщики были приглашены из Киева, Галича и Греции. Король Германии Фридрих I Барбаросса, состоявший в дружбе с Андреем Боголюбским, прислал во Владимир немецких мастеров. Здание Успенского собора воздвигли из известняка и украсили белокаменной резьбой. Центральный купол храма, увенчанный золочёным шлемом, вознёсся ввысь на 33 метра, превзойдя по высоте Собор святой Софии в Киеве. Великолепие Успенского собора было выше всех оценок. Мастера оковали листами золочёной меди торжественные входные порталы, устроенные с трёх сторон. Стены и своды храма расписали фресками. Летописцы, восхищённые красотой собора, сравнивали его с храмом царя Соломона в Иерусалиме.

В 1238 году хан Батый, несмотря на героическое сопротивление жителей, всё-таки взял город. Многие горожане затворились в Успенском соборе вместе с епископом Митрофаном и его семьёй, но татары обложили собор брёвнами и подожгли здание. Отважные жители Владимира задохнулись от дыма, приняв мученическую смерть. Все реликвии были разграблены, живопись повреждена огнём, но обгоревший храм выстоял. Одержав победу над татаро-монголами, в 1380 году русские с особым рвением принялись восстанавливать былое величие Руси. Захар с трепетом смотрел на сохранившиеся фрагменты росписи Андрея Рублева, выполненные в 1408 году. Через шесть веков сохранились рисунки, написанные рукой гениального мастера, и Захар понимал: вот она, настоящая история русских земель.

В соборе Захар был долго. Он не последовал за своей группой, которая после посещения Успенского собора направилась далее по исторической части Владимира. Он чувствовал себя всё хуже, и только приподнятость его эмоционального состояния позволила ему прочувствовать значимость и великолепие древних зданий старого Владимира, его церквей и храмов с их неповторимым убранством.

В кафе «Старая крепость» он пришёл намного раньше назначенного времени, разделся, заказал кофе и в ожидании Оли стал разглядывать картины и антуражную обстановку кафе. На стене прямо перед Захаром была изображена крепость, река и ладья на фоне захода солнца. Центральное место на другой стене занимала картина «Три богатыря». Не-

громкая музыка на русские мотивы не напрягала слух, и Захар с удовольствием сидел в этом уютном тёплом помещении. Ольга вошла в кафе ровно в половине второго. Сняла куртку, села напротив и сразу спросила:

— Как вы себя чувствуете?

— Если честно, не очень. Но очень надеюсь не разболеться окончательно. Вы тоже сегодня более задумчивая и серьёзная. Что-то случилось?

— Да, но давайте сначала сделаем заказ.

Меню здесь тоже было оригинальное, с заманчивыми названиями блюд. Они оба остановились на «утиной похлёбке с белыми грибами», дальше он заказал «мясную скобянку», а она — салат «разнотравье с зелёным соусом». Официант в длинном кафтане, напоминающем почему-то японскую одежду, услужливо предложил:

— У нас пользуется большим спросом среди посетителей хреновуха. Хотите попробовать?

Захар поблагодарил, но отказался. Когда официант удался, Оля заметила:

— Может, стоило попробовать владимирскую хреновуху? Мужчинам нравится.

— Вы же не будете? Да и мне, наверное, ни к чему. «Глинтвейн» вчера не помог и вряд ли хреновуха с медовухой справятся, даже если они владимирские. Вечером в аптеку зайду. Мне «Эреспал» помогает. Что это мы всё обо мне? Расскажите, что у вас случилось?

— Аня, дочка, очень соскучилась. Вчера весь вечер от меня не отходила, а сегодня утром, когда я собиралась уходить, она плакала и не отпускала меня. Переживает очень, когда я уезжаю надолго. Но я объяснила, что вечером снова буду с ней и завтра весь вечер проведу дома. Только после этого она успокоилась. Наверное, увольняться придётся. Не хочу ребёнка травмировать. Бабушка с дедушкой, конечно, любят её и даже излишне балуют, а здесь баланс нужен, и мама необходима рядом.

Официант принёс заказ и поставил две наполненные рюмочки.

— Это авторская наливка, от заведения.

— Оля, от наливки ваши профессиональные навыки не пострадают. Давайте выпьем. За знакомство. День второй.

— Ой! Ладно. Чтобы вы скорее поправились. Жаль будет, если Суздаль воочию, с подробностями не увидите.

— Да я и сам чувствую, что это мой город, настоящий. В нём действительно везде «русский дух и Русью пахнет».

Далее они разговаривали совсем оживлённо, иногда забывая о еде, что остывала перед ними.

Приближалось время сбора всей группы. Они вышли из кафе и направились к Золотым воротам. В автобусе Захар пытался задремать, но не смог. Его знобило, и он понял, что разболелся по-настоящему. Теперь ему хотелось одного: окаяться в тёплой постели. Оля, наверное, поняла, что ему становится хуже, и не стала проводить запланированную автобусную экскурсию в полном объёме. Когда автобус подъехал к гостинице и все вышли, Оля сказала Захару: «Идите в номер. Я сама схожу в аптеку». И быстро ушла.

Захар лежал под одеялом и чувствовал, что ему становится всё холоднее. Он думал, что это озноб, но тут зашли Гришки проведать Захара, а заодно объяснили, что в гостинице все батареи почти холодные:

— Что-то в котельной случилось. Администратор сказал, что часов через шесть исправят, а может, и к утру только. Народ кто чем согревается. А вы как себя чувствуете, Захар Семенович?

— Да совсем разболелся я, ребята, и не вовремя. К тому же замёрз весь, прямо колотит.

Через несколько минут слухи о том, что писатель заболел, разнеслись по всей гостинице. Каждый посчитал своим долгом помочь больному: в номер Захара несли одеяла, обогреватели, кипятильники, коньяк и медовуху. Захару поставили градусник и даже предложили растереть спиртом. В номере скопилось столько людей, что стало даже чуть теплее, но шум и разговоры угнетали Захара, хотя ему было приятно чувствовать такую заботу от малознакомых людей.

В это время из аптеки вернулась Оля и сразу оценила ситуацию. Попросила всех оставить писателя, посмотрела градусник, дала жаропонижающие таблетки и какую-то микстуру.

— Вам нельзя оставаться на ночь в таком состоянии в гостинице без отопления. Для начала надо хотя бы согреться. В гостиницах неподалёку такая же ситуация. Во всём этом районе батареи чуть тёплые. Надо вас куда-то перевести. Я попробую сейчас договориться. У меня есть хороший знакомый, одноклассник бывший, у него автономное поквартирное отопление. Он всегда хвалился, что может любую температуру отрегулировать нажатием кнопки. Она взяла телефон и стала набирать номер. Закончив разговор, Оля села на кровать и пересказала смысл переговоров с одноклассником.

— Максима в Суздале нет. Он с подругой на праздники в Казань уехал, но квартирой воспользоваться разрешил — ключи передаст его мама. Сейчас вызовем такси и доставим в тёплую квартиру.

До машины их провожали Гришки. Один нёс сумку Захара, второй пошёл вперёд — открыть дверь на заднее сиденье.

— Дальше мы сами. Спасибо, — сказала Оля и назвала водителю адрес: — Бульвар Сполье, дом 11.

Такси в Суздале прибывают в любое время и по любому адресу очень быстро. Пока ехали до указанного адреса, таксист рассказал, что бульвар Сполье — это улица в новом районе из трёхэтажных многоквартирных домов. Выше трёх этажей дома в Суздале возводить не разрешает местная власть, чтобы древний Суздаль не потерялся в многоэтажках.

У подъезда стояла женщина, мама Максима — Валентина Петровна. Втроем они зашли в квартиру. Валентина Петровна попросила не пользоваться компьютером:

— Сын не любит, а всё остальное в вашем распоряжении.

Она взяла из шкафа подушку, одеяло, простыню, положила на диван, оставила ключи и, пожелав спокойной ночи, ушла. Оля постелила простыню на большую диван-кровать. Захар сразу лёг, закутавшись в одеяло, а Оля пошла на кухню приготовить чай. Затем они сидели на кухне, пили чай с вареньем и сушками, оставленными предупредительной Валентиной Петровной. В тёплой комнате после чая и лекарств Захару стало легче, и когда Оля присела к нему на диван, он попросил:

— Оля, расскажите о себе.

Она улыбнулась и произнесла:

— Долго рассказывать. Чего только не было.

— Вы меня пугаете, Оля.

— Пугаться не надо. Просто много чего уже произошло. Учёба, работа, переезды, любовь прошедшая. Я ведь замуж в Германию собиралась, ездила даже туда, но в последний момент передумала. Вышла за одного красавца здесь, но не сложилось.

— Может, поторопилась расставаться? От таких женщин мужчины не уходят. Значит, это было ваше решение?

— Похоже, так. Природа мужу моему бывшему к внешности артиста не добавила более чего-либо стоящего. Нарцисс да и только. А у вас, наверное, дети уже большие?

— К сожалению, детей нет. Да и с женой у нас всё наперекосяк. Внешне неплохо, а на самом деле семьи нет.

— Какие ваши годы! Встретите ещё.

Оля положила ладонь ему на лоб, он своей рукой слегка придержал её кисть и проговорил:

— Подержите чуток. Мне так легче. А насчёт «встретите» — не знаю. Я, видимо, привередлив в этом плане. А такая, как вы, мне уже вряд ли встретится.

— Да вы обольститель, похоже, и сердцеед, наверное! Вам сейчас не об этом надо думать. Не можете вы в таком состоянии адекватно оценивать ни меня, ни кого-либо другого. Мне уже пора. Дочке обещала. А вы постарайтесь уснуть.

Её рука коснулась его руки и чуть погладила его пальцы.

— Не вставайте. Дверь я захлопну. Ключи будут лежать в прихожей. Утром загляну.

Захар остался один в квартире, включил телевизор и стал переключать каналы, но мысли всё время возвращались к Оле. «Наверное, я в самом деле ситуацию неадекватно оцениваю. Она просто по долгу службы беспокоится за подопечного туриста. Но как же она мила!»

Утром он проснулся от входного звонка, запахнулся в одеяло и открыл дверь. Оля с пакетом в руках зашла в прихожую.

— Доброе утро! Как спалось? Умывайтесь, Захар Семенович. Будем завтракать.

Она прошла на кухню, и вскоре они сидели за столом, на котором стояли две тарелки с омлетом, порезанные ломтиками сыр, буженина, дольки лимона и чашки с горячим чаем.

— Оля, вы мой ангел-хранитель. Что бы я без вас делал?

— В самом худшем случае вас забрали бы в больницу.

— Нет. В больницу не хочу. Надеюсь, мы справимся.

— Захар Семенович, у нас с группой сегодня весь день пешие экскурсии по Суздалю. Но вам на улицу никак нельзя. Сделаем так: часов в десять к вам зайдёт Валентина Петровна. Если будете чувствовать себя сносно, то она закажет вам экскурсионное такси, с гидом-профессионалом. Не волнуйтесь. Герман — это дядя Максима, берёт с клиентов недорого: три тысячи рублей за два часа. Но он знает историю Суздаля и покажет интересные места. Не отказывайтесь заходить в храмы и монастыри. С Германом будет очень познавательно. А вечером я зайду. Решим, что дальше делать.

Захар хотя и был далеко не в форме, но от предложения не отказался, и в 11 часов началась его персональная экскурсия по Суздалю на практичном «Ниссане» с водителем-экскурсоводом Германом. Герман — бывший кадровый военный, затем — работник отдела культуры администрации города, а сейчас — индивидуальный предприниматель с собственными экскурсионными маршрутами. Он не только с явным удовольствием рассказывал заезжему писателю об истории города, но и охотно и подробно отвечал на вопросы Захара.

— Как удалось сохранить все дома в городе в первозданном виде? Повсеместно во всех городах на месте частных домов вырастают особняки или, как их называют, — коттеджи.

Вновь построенные замки и многоэтажные дома ничего не оставляют от прежних улиц, кроме названия. А вы всё сохранили!

Герман объяснил, что горожане сначала сами соблюдали неписанные правила, а затем и городская администрация издала соответствующие постановления. Сейчас в Суздале при любой реконструкции частного дома фасад должен оставаться прежним, в его первоначальном облике. Местные жители берегут свой город, а приезжих на постоянное жительство немного. Ещё в советские годы прописаться в этом городе приезжему человеку было практически невозможно. Прописывали только к жене или другим близким родственникам. Далее Герман продолжал:

— Но вернёмся к истории: в летописи Суздаль впервые упоминается в 1024 году, но город был основан ещё ранее, не позднее X века, и в разное время являлся столицей Ростово-Суздальского, Владимиро-Суздальского и Суздальско-Нижегородского княжеств. Его неоднократно пытались захватить, иногда успешно, волжские булгары, польско-литовцы, крымские татары. Город грабили и подвергали пожарам, но он достойно пронёс свою нелёгкую долю в истории России, сохранил свою самобытность и непревзойдённый ансамбль церквей и монастырей. Мы проедем к Васильевскому монастырю, посмотрим на Посадский дом и на Приказную избу Покровского монастыря, посетим музей деревянного зодчества.

В этот день Захар был послушным спутником Германа, но вопросы задавал больше о современном Суздале. Герман информировал:

— У нас в Суздале нет безработицы. В городе проживает всего 10 тысяч жителей, и в то же время здесь десятки кафе и ресторанов, около ста гостиниц, где круглый год проживают туристы. Жители города в основном работают в сфере обслуживания, но людей не хватает, поэтому многие приезжают на работу в Суздаль из Владимира. Каждое утро из областного центра в районный город едут сотни машин и десятки автобусов. Мы очень любим устраивать разные праздники, на которые приезжают тысячи туристов: это праздник огурца, цветов, бересты, глины; фестивали анимационного кино, русской бани, русского хоровода и т.д. Около двухсот праздников и мероприятий в год. Мы их сами придумываем. А туристы охотно едут.

Уже давно закончилось время, на которое было заказано экскурсионное такси, но Герман успокоил:

— На часы не смотрите. За переработку денег не возьму. Нечасто писателей вожу. Так что спрашивайте, не стесняй-

тесь. — Немного погодя, добавил: — Я вас оставлю у Спасо-Евфимиева монастыря. Там в храм зайдите. Я на сорок минут отлучусь, потом заеду за вами. И где взял, туда доставлю.

Захара даже смутила такая забота. Но Герман уже по-приятельски сказал:

— Мне нетрудно. И потом у меня наказ: на улице вам долго находиться не рекомендуется, отвечаю за вас.

На том и порешили. Захар вошёл через ворота в монастырь. Здесь у древних стен в 1445 году произошла кровопролитная битва русских войск Василия II с казанским войском под командованием казанских царевичей — Махмуда и Якуба (сыновей хана Улу-Мухаммеда), в которой Василий сначала выигрывал сражение, и казанцы даже пустились в бегство, но когда русские стали преследовать их, отряды завоевателей сгруппировались и вновь бросились на русских воинов. Василий был ранен, потерпел жестокое поражение и был взят в плен. Впоследствии для его освобождения русскими городами был заплачен огромный выкуп.

Захар поставил свечи перед древними иконами в Спасо-Преображенском соборе — главном храме монастыря, стоял у мраморного склепа князя Дмитрия Пожарского, прошёлся вдоль двора тюремного корпуса, где с 1766 года содержались сектанты, старообрядцы, декабристы и военнопленные. В 70-е годы XX столетия на территории монастыря была закрыта колония для несовершеннолетних преступников, и здесь был организован музей.

Захару повезло: в монастырской звоннице зазвонили колокола. Колокола XVI века не сохранились: они были отправлены на переплавку в 30-е годы прошлого века, но вновь установленные в наше время 17 колоколов звонят пять раз в день. Это настоящий колокольный концерт. Что может быть чище и роднее отчётливого музыкального колокольного звона русских церквей для православного человека?!

Когда колокольный звон завершился, Захар вышел из монастыря и сел в машину Германа, который, понимая чувства пассажира, только и сказал:

— Вы летом приезжайте. Красота здесь бесподобная. Золотистые купола церквей, которые тянутся к безбрежному небу, и ландшафт русской природы не позволяют никому забыть наш город, кто хоть раз в нём был. Не зря ЮНЕСКО включила белокаменные памятники Суздаля в список всемирного наследия.

— Герман, остановитесь у «Магнита». Я зайду в магазин, а до дома дойду пешком. Здесь рядом.

Мужчины крепко пожали руки и пожелали друг другу удачи. В продовольственном универсаме Захар купил торт, фрукты, курицу-гриль, молоко, хлеб и конфеты. Войдя в квартиру, он разделся, принял лекарства, вскипятил молоко. Выпив чашку горячего молока, Захар лёг в постель и стал ждать Олю. Он перебирал в памяти все их разговоры и не находил ничего особенного, что давало бы ему повод на что-то надеяться. «Но ведь не отправила в больницу, видя, что я не хочу туда. Может, сегодня что-то прояснится, но мне надо уезжать. Иначе в самом деле в больницу попаду. Поездку в Боголюбово мне не выдержать. Завтра с утра уеду в Москву, а там — на поезд».

Захар незаметно задремал. Проснулся от звонка в дверь. На пороге стояла раскрасневшаяся от мороза Оля и маленькая девочка.

— Аня, — догадался Захар, — здравствуй! Давай я тебе помогу раздеться. Меня зовут Захар Семенович. Проходите, будем пить чай с тортом. Оля, да вы замёрзли. Не хватало ещё и вам заболеть.

Захар непроизвольно взял руки Оли в свои ладони.

— И ужин готовить не надо. Я купил кое-что. Поможешь накрыть на стол?

Он даже не заметил, как перешел на «ты».

— Нет, Захар, занимайтесь с Аней, а я сама на кухне всё сделаю.

Захар с Аней прошли в зал и сели на диван.

— Ты сильно болеешь? — спросила Аня.

— Нет, я немного простудился, но твоя мама меня почти вылечила. Она у тебя такая славная.

— Мама моя тоже говорит, что ты хороший, много знаешь и книжки интересные пишешь. Как мы будем играть?

— Давай я тебя покачаю на качелях.

— Но в квартире не бывает качелей, — резонно заметила Аня.

— Вот смотри, — Захар закинул ногу на ногу, посадил на верхнюю ногу Аню и стал поднимать и опускать.

Ане понравилось, но заглянувшая из кухни Оля заметила:

— Не утомляй Захара Семеновича. Он ещё не совсем здоров.

— Может, тогда я тебе покажу город, в котором живу? Он тоже красивый, — обратился к Ане Захар Семенович. — Он достал из сумки планшет, которым за всю поездку до этого ни разу не воспользовался, нашёл в интернете фотогалерею своего города и стал показывать Анечке. Через несколько минут Захар спросил: — Тебе сколько лет?

-
- Мне пять лет, но я уже два года хожу на танцы.
— То есть ты занимаешься танцами?
— Да. Наш преподаватель, Елена Викторовна, очень строгая, но она знает много разных танцев.
— И что ты умеешь?
— Польку и немного танго.
— А показать можешь?

Аня танцевала очень старательно, комментируя каждый танец. Её не смущало отсутствие музыки. Когда она закончила своё выступление, Захар, хлопая в ладоши, сказал:

- Bravo! Здорово! Ты просто молодец!
Аня в свою очередь спросила Захара:
— А ты умеешь танцевать?
— Как ты, конечно, нет. Умею только вальс.
— А почему вальс?
— В детстве во всех книжках, которые я читал, было написано, что настоящие кавалеры обязательно хорошо танцуют вальс. Пришлось научиться.
— Моя мама тоже хорошо танцует.
Аня побежала на кухню, за руку привела Олю и объявила:
— Кавалеры приглашают дам.
— Но без музыки как-то непривычно, — сказал Захар.
— А ты в интернете найди, — настаивала Аня.
Захар нашёл музыку для вальса и подошёл к Оле.
— Девочка настаивает. Не будем огорчать.

Они кружились в зале однокомнатной квартиры под восторженные взгляды Анечки. Оля, чуть откинув голову и профессионально выгнув спину, чуть улыбаясь, танцевала, забыв о чайнике на кухне. Захар сначала танцевал, чуть ли не затаив дыхание, но уже через несколько секунд, обхватив талию Оли, уверенно вёл её в танце. Он ощущал запах духов, упругость её тела и прижимал ее к себе чуть больше, чем этого требует этикет. Он забыл, что болен, что они без обуви, он даже музыку толком не слышал.

Когда Оля сделала реверанс и ушла на кухню, он сел и, улыбаясь, посмотрел на Аню.

- А вы красивая пара, — сказала та по-взрослому.
Затем они ужинали, пили чай и разговаривали. Тему разговора определила Аня. Она спросила Захара:
— Что ты любишь делать больше всего?
Он ответил:
— Наверное, путешествовать.
— А расскажи, где ты бывал?
Захар начал рассказывать об Индии:

— Индусы очень интересные люди. Они могут быть очень бедны, но при этом чувствовать себя абсолютно счастливыми. Такого я больше нигде не видел. Но у нас сегодня Оля совсем немногословна. Может, и ты расскажешь о самых запомнившихся путешествиях?

— Когда я была маленькой, мои бабушка и дедушка купили машину «копейку». Они на ней ездили за грибами, в деревню, на озёра и часто брали меня с собой. Мы на ней даже в Казань и в Нижний Новгород ездили. Вот эти поездки запомнились мне навсегда. Тогда мы все были вместе: бабушка, дедушка, мама, папа и я. Наверное, я тогда была счастлива.

Когда гостям пришло время уходить, Захар сказал:

— Оля, мне надо завтра ехать в Москву, а там — на поезд. В Боголюбово мне ехать не стоит. Пусть наша группа спокойно едет по маршруту, а я дома уже долечусь.

— Что-нибудь придумаем, — ответила Оля, — до моего прихода не уезжай.

Аня уже надела сапожки и пальто, потом неожиданно подошла к Захару и, глядя на него снизу вверх, спросила:

— А когда ты выздоровеешь, станешь моим папой?

Захар, не задумываясь, ответил:

— Да, конечно. Только маму не забудь спросить об этом.

— И мы вместе будем путешествовать? У тебя есть машина?

— Машина имеется, и путешествовать вместе веселее.

Когда Захар закрыл дверь, только тогда понял, что организм его совсем ослаб. Он лёг и закрыл глаза.

Утром Оля пришла запыхавшейся.

— Надо торопиться. Из Суздаля в Москву прямых автобусных маршрутов нет, во Владимире надо пересадку делать. Но сегодня утром здесь проходит в Москву один из наших туристических автобусов. Я договорилась по телефону. Тебя заберут, но надо успеть к автобусной станции, она за городом. Они там остановятся. Такси уже ждёт. Поехали.

Захар взял сумку, оставил в прихожей на тумбочке деньги за проживание и передал ключи Оле.

— Передашь Валентине Петровне с благодарностью.

Когда они прибыли на автобусную станцию, автобус уже стоял: видимо, подъехал чуть раньше. Водитель открыл дверь.

— Вот возьми термос и бутерброды, — Оля протянула Захару небольшой свёрток. Обняла его за шею и поцеловала в губы.

— Заходи уже, — она подтолкнула Захара к двери. Тот сел на свободное место и посмотрел в окно, чтобы увидеть Олю ещё раз, но автобус уже отъехал.

Спустя пару часов, когда Захар пил чай из термоса, с нежностью вспоминая милую и заботливую девушку из Суздаля, так неожиданно заполнившую его мысли, чувства и желания, он достал свой сотовый телефон: «Позвоню. Передам приветы нашей группе и Оле сообщу, что всё нормально». И тут с ужасом вспомнил, что не спросил номер её телефона. Уже сидя в поезде, он перебирал варианты, как будет разыскивать Олю, но вариантов было немного. Ведь он даже её фамилию не знает.

Прошло почти два месяца. За это время многое изменилось в жизни Захара. Жена его ушла, сказав как-то обыденно, без всякого оттенка драматичности: «У меня своя личная жизнь. На раздел квартиры пока не подаю. Мне есть, где жить, но компенсацию за половину квартиры мне оплати».

Вечерами, вернувшись с работы, Захар сидел в кресле перед включённым телевизором и держал в руках небольшой термос, подаренный ему в Суздале. Иногда он наливал рюмку коньяка, а выпив, вновь и вновь возвращал в памяти вальс с Олей. Почему она не напишет ему на адрес электронной почты? Ведь стоит в интернете набрать его ФИО и сразу на нескольких сайтах можно найти не только его место работы, электронную почту, но даже номер телефона. «Нет, она так не сделает. Несмотря на её практичность и прагматизм, она девушка романтичная, и будет ждать, когда я её найду». Он помнил адрес Максима. Если его даже нет в Суздале, он через соседей найдёт Валентину Петровну. «Если не получится, оставлю записку и буду ждать звонка в гостинице, в Суздале, сколько бы дней ни пришлось ждать...»

...Захар шёл по улицам Суздаля. Ему казалось, что он узнаёт стоящие правильной шеренгой деревянные дома. Вдруг он увидел впереди две женские фигуры. Одна стройная в ярком синем пальто, вторая совсем маленькая в красной куртке. Они шли навстречу Захару, держась за руки. У него замерло сердце, а маленькая девочка уже бежала навстречу Захару:

— Анечка! Оля! — повторял взволнованный Захар.

— Я говорила, что ты вернёшься. Я знала, что ты приедешь, — почти кричала Аня.

Захар поднял её на руки и сделал несколько шагов навстречу Оле. Увидел её радостные, широко открытые глаза и без слов обнял...

...Захар продолжал сидеть в кресле в своей квартире, и ему не хотелось осознавать, что картины, так реально всплывшие в его воспалённом сознании на тему «Как он встретится с Олей», снова оказались фантазией.

Через некоторое время он автоматически подошёл к компьютеру и проверил поступление почты. Там уже давно не было никаких сообщений. Всю свою переписку он вёл со служебного адреса, но на этот раз в папке «Входящие» выскочил конвертик. Захар открыл письмо, там было одиннадцать цифр и подпись — Оля. Захар метнулся за телефоном...

Уже на следующий день он написал заявление на отпуск.

— Отпуск в марте? — удивился начальник департамента по печати. — Что ты собрался делать? Ещё зима, можно сказать.

— Мне очень надо, — только и возразил Захар.

— Да пожалуйста. Я вообще-то о тебе беспокоюсь. Отдыхай в марте, раз не хочешь по графику в июле, — проворчал чиновник, подписывая заявление.

На следующий день Захар уезжал в Суздаль. Он не стал вызывать такси, маршрутка останавливалась рядом с домом, через дорогу. Захар собрал сумку, сверху положил в красивой упаковке большую куклу, купленную накануне в детском супермаркете, и вышел из дома. У пешеходного перехода стоял высокий фургон. Захар, как водитель, по привычке подумал: «Что же он почти на переходе остановился?» И пошёл через улицу по зебре. Иномарки, приземистой и грязной, он не видел, и казалось, его просто кто-то сильно подбросил над землёй. Перед тем как темнота закрыла ему глаза, он увидел, как по асфальту кувыркается кукла, выпавшая из разорванной сумки...

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор.

— И как мне отвечать на этот вопрос, доктор? Мне кажется, вы меня всего загипсовали.

— Да нет. Вам крупно повезло. Счастливчик, можно сказать. В такой ситуации можно и не выжить. Видимо, в последний момент вы перед самым ударом интуитивно подпрыгнули и перелетели через машину. Это вас спасло. А то, что нога забинтована и несколько рёбер сломано — совсем ведь мелочи, ну и сотрясение мозга, конечно. Вставить пока нельзя. Да, к вам тут гостя. С утра в коридоре сидит. Но ей сказали, что до обхода к больным нельзя. Общайтесь, только недолго. Свидания у нас, как правило, после обеда.

— Как ты меня нашла? — спросил Захар, едва Оля присела к нему на кровать.

— Я сразу поняла: что-то случилось. В день, когда ты хотел выезжать, обещал по телефону, что позвонишь, сразу, как сядешь в поезд. Но звонка не дождалась, а твой телефон был вне доступа. На следующий день я позвонила на

твой рабочий телефон, и сотрудники редакции сообщили мне, что ты в больнице.

— И ты меня снова будешь спасать?

— Лечить тебя будут всё-таки доктора, но я буду рядом. Теперь уже всегда. Кстати, тебе подарок. Анечка послала.

И Оля протянула альбомный листок, на котором была изображена автомашина, а рядом — три фигуры...

ОНА ПРИХОДИТ ОДИН РАЗ

Артём остановился около своего вагона под номером три. Посадка ещё не была объявлена, но на табло перед платформой уже высветилась надпись с названием его города, да и сам состав был уже подан. Артём сделал несколько шагов в сторону, чтобы не мешать проходившим вдоль поезда пока ещё немногочисленным пассажирам, поставил на платформу сумку и стал осматривать, подняв голову, высокие опоры, на которых были смонтированы навесы выпуклой формы по всей площади платформ для посадки. Такая своеобразная крыша над составами, которые прибывали и отправлялись с многочисленных путей, позволяла пассажирам чувствовать себя комфортно: в любую погоду они были укрыты от дождя и снега. Да и вообще, Казанский вокзал изменился за эти годы. Артём помнил его с середины 90-х годов, когда он ещё школьником вместе с родителями неоднократно бывал здесь. Тогда вокзал даже пугал его своим шумом и столпотворением людей, которые у него вызывали ассоциацию с «броуновским движением», которому была посвящена отдельная тема в школе то ли на уроках химии, то ли физики.

Он хорошо помнил, как впервые увидел здесь на вокзале игру «в напёрсток». Тогда их поезд прибыл в Москву ранним утром, и его родители вместе с ним не спустились сразу в метро, как это обычно происходило, а зачем-то на некоторое время зашли в здание вокзала. В огромном, но ещё незаполненном в такие ранние часы пассажирами зале вокруг нескольких групп напёрсточников собирались люди и наблюдали за игрой. Ловкие мошенники, заманивая в игру простодушных наблюдателей, давали возможность своим подставным «игрокам» угадать, под каким колпачком (напёрстком) находится шарик, но как только в игру, с виду такую незамысловатую, вступал кто-либо из посторонних, он безоговорочно проигрывал, иногда крупные суммы. Артём стал свидетелем, как одна из жертв мошенников плакала и просила вернуть ей деньги. Тогда ещё Артём удивился: почему дежу-

рившие на вокзале полицейские не вмешались в ситуацию, не задержали прохиндеев, а спокойно прошли мимо плачущей навзрыд женщины, нагло обманутой профессиональными напёрсточниками. Этот случай так поразил Артёма, что он одно время даже мечтал стать полицейским, непременно хорошим, чтобы арестовать всех напёрсточников. Но после окончания школы он закончил строительный вуз, а работать стал в крупном автоцентре, в отделе продаж. В связи со спецификой работы ему часто приходилось бывать в столице, и хотя появилась возможность приезжать в Москву на личной или служебной автомашине, он предпочитал поезд, а потому регулярно бывал на Казанском вокзале. Здесь уже не появлялись напёрсточники, почти исчезли попрошайки, кассы поездов дальнего следования перенесли в другое здание, и вообще вокзал уже не пугал его, а стал необходимостью и обыденностью в его жизни. Теперь здесь можно перекусить, не опасаясь за здоровье и выпить чашку неплохого кофе, ожидая своего поезда.

Артём не любил опаздывать и всегда приезжал на вокзал загодя, покупал в большом киоске газеты. Это был даже не киоск, а длинный прилавок с витражами, где продавались всевозможные журналы и газеты, затем поднимался в кафе на второй этаж, где минут 30 за кофе читал прессу. Конечно, все новости и статьи можно через планшет или телефон посмотреть в интернете, но ему нравилась привычка читать книги, журналы и газеты вживую, которую он перенял, наверное, от своих родителей, хотя они были тоже людьми образованными и легко пользовались современными средствами коммуникаций.

Артём увидел, что проводница его вагона открывает двери, и потянулся за сумкой, как вдруг услышал голос:

— Артём, ты не меняешься. Смотришь высоко, всё выше и выше. Ну, здравствуй, Динозавр инновационный.

Перед ним стояла Снежана. Она улыбалась ему со свойственной ей ироничностью и одновременно какой-то нежностью, что так приятно обволакивала его в далёкие счастливые дни. Он, удивлённый и обрадованный, даже не сразу спросил:

— Привет. Ты едешь домой?

— Да, надо родителям показаться. Пеняют, что не видят меня. Наконец, собралась. Слушай, уже посадка началась. Пойду я.

— Какой у тебя вагон? У меня вот, третий.

— Он ещё спрашивает?! Следующий конечно.

Артём вошёл в свой вагон, снял куртку, положил сумку вниз и сел у окна. Через несколько минут в купе вошла молодая приятная женщина с объёмным дорожным чемоданом на колёсиках. Артём помог ей разместить багаж, а когда поезд тронулся, они беседовали за чаем, который предложила им проводница в строгой синей униформе.

Артём поддерживал беседу, но сам понимал, что его уже не оставят мысли о Снежане.

— Молодой человек, вы где? Я вижу, вы весь встревоженный. Поезд — это место, где можно поделиться своими тревогами даже случайному попутчику. Я не экстраверт, но знаю, иногда достаточно выговориться.

Трудно сказать, почему, но Артём повёлся на слова этой незнакомой женщины с располагающими манерами и начал рассказывать.

Со Снежаной Артём встретился в своём городе на конкурсе «Мисс Лингва». Его младшая сестра Аня, студентка пединститута, уговорила его быть одним из спонсоров этого студенческого праздника, который сочетал в себе конкурс красоты с интеллектуальными способностями и знанием английского языка. Артём, к тому времени работавший в должности заместителя директора автоцентра, решил, что дополнительная реклама их фирме не помешает, и согласился. Сумма в качестве спонсорского взноса была приемлемой, и Артём пообещал дополнительно для каждой участницы конкурса большую коробку конфет. Его включили в жюри, а в качестве бонуса ему в конце вечера была предоставлена возможность поздравить участниц от своей фирмы и каждой вручить подарки.

Правда, Артём откровенно сомневался в своём английском, ведь одним из критериев конкурса было хорошее знание конкурсантами английского языка, но его успокоили:

— Все остальные члены жюри владеют английским на профессиональном уровне, почти все они — наши преподаватели.

В день конкурса Артём прибыл в институт в назначенное время. Его встретила Аня и проводила в актовЫй зал, который уже был заполнен студентами. Перед сценой стояло несколько столов, за которыми сидели члены жюри. Председатель жюри — заведующая кафедрой, — увидев Артёма, поднялась навстречу, представила его другим членам жюри и усадила на предназначенное ему место. Справа от него сидела темноволосая девушка в чёрном облегающем платье. Сверкающее кольцо на фоне чёрного платья придавало девушке

аристократический вид, а стройная фигура вкупе с правильными чертами лица делали её настоящей красавицей. Артём это сразу заметил и нашёл повод обратиться к соседке с просьбой рассказать об этапах конкурса. Так они познакомились.

Снежана, сама выпускница этого вуза, преподавала английский язык в институте и знала почти всех конкурсанток. Артём отметил, что ей, Снежане, самой впору участвовать в конкурсе красоты, и он, Артём, назвал бы её победительницей, в общем, королевой красоты. Снежана чуть улыбнулась. Было видно, что она привыкла к мужскому вниманию, но Артём ей сразу понравился своей серьёзностью и основательностью. Всё время, пока на сцене студентки старательно отработывали этап за этапом конкурсных заданий, Артём и Снежана живо общались, обсуждая, какой оценки заслуживает та или иная претендентка. Во многом их взгляды совпадали, и по завершении основной части конкурса они передали листы со своими вердиктами председателю жюри. Артём понимал, что совсем скоро начнётся процедура награждения и всё закончится. Он пытался что-то придумать. Снежана понравилась ему с первого взгляда, а к концу вечера он окончательно запал на неё. Внутри у него то горело, то щемило, и он физически ощущал, что это его девушка, несмотря на то, что они познакомились всего несколько часов назад. Началось вручение подарков всем участницам, а затем процедура награждений мисс лингвы, вице-мисс, мисс очарования, мисс зрительских симпатий и т.д. Снежана на ухо Артёму комментировала каждое награждение. И пока она шептала Артёму об особенностях каждой номинации, она была настолько близко, что её волосы касались лица Артёма, а губы случайно коснулись его мочки уха. От этих прикосновений у Артёма напрочь снесло голову, таких сильных мгновенных ощущений он ещё не испытывал. «Это она, девушка моей мечты. Надо во что бы то ни стало познакомиться поближе», и он решил действовать сразу и смело.

После процедуры награждения, когда утихли аплодисменты, Артём повернулся к Снежане:

— У меня предложение. Давайте отметим мой первый опыт работы в жюри. Мой приятель — администратор в кафе. Он всё организует по высшему разряду. Я вас приглашаю.

— Нет, Артём, это неудобно. Я не могу.

— Тогда давайте я приглашу всех членов жюри. Наверняка кто-то согласится, и мы поедем компанией.

— Это тоже не совсем прилично. Лучше я приглашу сама двух своих коллег из жюри. Думаю, на ужин они согласятся.

Обрадованный, Артём позвонил в кафе, заказал столик, и уже через полчаса они сидели в уютном кафе сербской кухни. Артём, не скрывая, хотел оказать впечатление, и на их стол подали телятину с запечёнными овощами, всевозможные салаты и нарезки, фрукты и итальянское красное вино. Дамы, коллеги Снежаны, расслабились, были веселы и общительны. Артём со Снежаной снова сидели рядом, и он во время разговора, как бы невзначай, пару раз коснулся её руки. Снежана руку не убирала, но и не кокетничала. Её подругам Артём понравился, и когда он развозил их по домам, они рассыпались в комплиментах в адрес такого галантного ухажёра. Последней он отвёз Снежану. Когда машина остановилась у её подъезда, Снежана не сразу вышла, она повернулась к Артёму и сказала, что ужин был чудесным. Артём не посмел её поцеловать, но надо было что-то делать. «Надо взять у неё номер телефона», — подумал он, но вместо этого он произнёс совсем другую фразу:

— Снежана, запишите мой телефон. — И назвал короткий шестизначный номер. Девушка сидела молча.

— Извините, Снежана, я хотел спросить ваш номер.

Она вновь посмотрела на Артёма, снова чуть улыбнулась, но опять ничего не сказала. Растерянный, Артём тихо спросил:

— Почему вы не записали мой номер и свой тоже не назвали?

Снежана улыбнулась чуть шире:

— А не надо ничего записывать. Мой номер такой же, как у Вас. Только у Вас последние две цифры 01, а у меня 02. Думаю, это вы запомните.

Артём облегчённо засмеялся:

— Я позвоню завтра? Вы мне расскажете о закулисных интригах подобных конкурсов.

— Нет, завтра суббота. Мы с родителями на выходные уедем из города.

— Тогда в понедельник?

— Ещё раз спасибо за ужин. Я пошла. До свидания.

В понедельник Артём позвонил сначала в одиннадцать часов, затем звонил через каждые полчаса, но телефон Снежаны не отвечал. Она перезвонила сама около трёх часов дня, когда Артём окончательно сник, и объяснила, что когда у неё пара лекций, она оставляет телефон на кафедре, а в короткие перерывы разговаривать в окружении студентов или коллег как-то неудобно.

— Я освобожусь в 18:00, — сказал Артём. — Мы можем встретиться?

— Хорошо. Надеюсь, помните, где я живу. Когда приедете, позвоните, я выйду.

С таким трепетом Артём ещё никогда не собирался на свидание. У него не было определённых планов, он просто хотел видеть эту девушку и быть с ней. Его не устроили розы в цветочном киоске, и он поехал на центральный рынок, где в цветочных павильонах было изобилие цветов самых разнообразных видов.

Сначала он хотел купить букет из пяти роз — показалось мало, семь роз — тоже не устроило, с каждой дополнительной парой роз он всё более волновался и, наконец, остановился на семнадцати розах. 17 было его счастливым числом, по крайней мере, он так считал. Спустя час, когда они со Снежаной гуляли около пруда, где белые лебеди грациозно плавали у берега и, не суетясь, подбирали хлебные крошки, которые им бросали дети и взрослые, они перешли на ты. Снежана шутливо, но назидательно объясняла ему, что на первое свидание надо приходить не с таким огромным букетом, а с одной, тремя, максимум с пятью розами.

— А то девушки твои будут думать, что ты динозавр инновационный.

— А может, я уже не захочу, чтобы у меня были свидания с другими девушками? Может, я буду приходить на свидание только к тебе. Ты мне очень-очень понравилась. Я не знаю, что происходит, но я даже уснуть не мог.

Здесь Снежана почему-то сникла и загрустила.

— Букет и в самом деле хорош. Просто шикарный. Спасибо! Только всё это напрасно. Не хочу тебе голову морочить. Ты мне тоже понравился, но встречаться мы не можем. Наша встреча с тобой — это как бы моё прощание с девичеством. Замуж я выхожу. Послезавтра еду в Санкт-Петербург. У меня там жених. Два года на стажировке за границей работал. Я его ждала. Теперь тоже преподаёт и переводами занимается.

Артём, изумлённый, только промолвил:

— Это невозможно! Я не смогу жить без тебя. Это судьба. Мы встретились совсем не случайно, даже номера телефонов говорят об этом.

— Где ж ты раньше был? Где тебя носило? В одном городе живём: если судьба, раньше бы встретились. Мой жених хороший человек, я не могу его обмануть.

— Просто отмени поездку, ведь свадьба ещё не назначена. Дай мне шанс. Ты же не любишь его?

— Артём, ещё три дня назад мы с тобой были незнакомы. А сегодня ведём такие разговоры. Мы же взрослые люди. Так не бывает.

И она вдруг заплакала. Артём, пытаясь успокоить, обнимал её за плечи, гладил её волосы, и в эти минуты она была

самым дорогим человеком в его жизни. Успокоившись, она сказала:

— Давай больше не будем об этом. Просто погуляем, потом ты меня угостишь кофе в новой кофейне.

Она понимала, что наваждение, так неожиданно охватившее их обоих, может быть обманчивым.

На следующий вечер он стоял у неё под окнами с огромным букетом роз, позвонил ей и просто сказал:

— Посмотри в окно. Если не выйдешь, мне придётся, как в той песне, рассыпать цветы по двору.

Снежана вышла на балкон, посмотрела на Артёма, едва удерживающего в руках десятки роз, затем со свойственной ей иронией прокомментировала:

— Усыпать двор не получится, цветов не хватит. Не буду тебя в глупое положение ставить. Заходи уж.

Так начинался их роман.

Первая их близость произошла не сразу. У одного из сотрудников фирмы, где работал Артём, временно освободилась квартира, и он привёз Снежану туда, предварительно сменив всё постельное бельё и поставив в зале на стол вазу с цветами. Она не отказалась от бокала шампанского, но выпила совсем немного и вела себя обычно, хотя явно понимала, что сегодня должно произойти. Когда они были уже в постели, и он беспрерывно целовал её, она неожиданно заплакала. Артём был настолько удивлён, что не сразу спросил:

— Что случилось, милая моя? Ты что? Я ведь люблю тебя.

— Нет, ты любишь мою внешность, моё тело, у тебя просто страсть, но ты всю меня не любишь.

— Господи, что ты говоришь? Я очень трепетно к тебе отношусь, и никогда у меня до тебя не было таких чувств к девушкам. Если хочешь, я сегодня не буду настаивать. Давай отложим. Я могу подождать, если тебе нужно ещё время.

Но через несколько минут Снежана успокоилась, и у них была первая ночь с всплесками эмоций души и тела. Утром счастливый Артём шутливо говорил Снежане:

— Сама ты динозавр. Я думал, ты девушка современная, а ты чисто тургеневский персонаж. Я люблю тебя. Слушай, ты что, часто плачешь?

— Да нет. Вообще-то плакать — это не моё. Сама удивляюсь.

Они были очень красивой парой. Молодые, оба имевшие неплохой вкус в одежде. Когда они гуляли по городу, причём Снежана непременно брала Артёма под руку, то некоторые прохожие даже оборачивались, чтобы полюбоваться такой гармоничной парой. Они любили ходить в театр, и делали это

довольно часто, причём Артём иногда специально брал билеты в ложу. Ему нравилось держать Снежану за руку и смотреть перед началом спектакля вниз, на других зрителей, испытывая при этом чувство восхищения за свою девушку и чувство гордости за себя. Он купался в её нежности, заботе и каком-то непонятном ощущении, что этой девушке дано знать то, что не знает он. Иногда она с чисто женской непосредственностью могла остановить его излишнюю эмоциональность или поправить слишком резкое о чём-либо суждение. Когда он с иронией говорил ей об этом, она со свойственной ей светлой улыбкой отвечала:

— Я тебя на два года старше, и это даёт мне право чуточку опекать тебя. Но я готова признать твоё лидерство, как только ты решишь сделать этот шаг.

Артём понимал, на что намекала его милая спутница, но не спешил делать предложение. Он жил с родителями и с сестрой в обычной трёхкомнатной квартире и надеялся вскоре накопить на первый взнос ипотеки, рассчитывая, что его квартира будет в новом доме и не выше пятого этажа. Он мечтал, что долгожданный момент обставит очень красиво: приведёт в новое жильё Снежану и там как состоявшийся мужчина сделает предложение своей избраннице. Ему нравилось делать красивые жесты, но при всём этом, он умел оставаться реалистом и заранее просчитывал свои шаги.

По пятницам он с друзьями иногда устраивал мальчишники: они собирались в ночном клубе, играли в бильярд и просто тусили, а в воскресенье играли в футбол в спортивном зале. Снежана иногда приходила ближе к концу футбольных баталий, садилась на втором этаже спорткомплекса, где были места для зрителей, и смотрела на игру своего Артёма. Она всегда приносила с собой морс из клюквы, чайный настой из шиповника или какой-либо другой напиток из трав или ягод. После тренировки они садились в машину, и она угощала его «напитками богов», как искренне говорил Артём.

Снежана первая познакомила своего Артёма с родителями. Она так и сказала ему:

— Моя мама хочет с тобой познакомиться.

— Ты что, рассказываешь обо мне своей маме?

— Нет, но от неё я не могу скрыть свои влюблённые счастливые глаза. Она давно всё поняла.

После таких слов Артём возражать не мог и познакомил девушку и со своими родителями, хотя они уже всё знали от Ани.

Казалось, их безоблачным отношениям ничто не угрожает, они любили друг друга и не давали повода для ревности.

Они даже почти не ссорились, так как Снежана или уступала своему мужчине, или давала время ему остыть. Первая трещина в их отношениях появилась на ровном месте. Снежана целый день не отвечала на его звонки. Вечером он всё же дозвонился до неё.

— Ты где? Почему не отвечаешь?

— Я весь день сопровождала в качестве переводчика одного итальянца. Одна фирма обратилась к нам на кафедру, и работать с иностранцем поручили мне.

— Ты не знаешь итальянского.

— Нет, но он хорошо говорит по-английски.

— А сейчас ты где?

— В ресторане. Руководитель фирмы отмечает с ним подписание документов. Я перевожу. Извини, мне, правда, некогда. Позвоню завтра.

Но на другой день, а это была суббота, Снежана не позвонила. Рассерженный Артём вечером набрал её номер.

— Что происходит?

— Я отсыпалась. Вчера будущие компаньоны очень долго не расставались. Домой приехала за полночь.

— Ты ночами сидишь в ресторане с мужиками и считаешь это нормальным?

— Я не думала, что переговоры так затянутся, но они хорошо заплатили.

— Ты что, девушка из эскорта?

— Не оскорбляй меня. Для меня это хорошая практика.

— Ты провела ночь неизвестно где и говоришь, что это хорошая практика? Вы чем занимались?

— Артём, остынь. Не заставляй меня думать, что ты мне не веришь. Давай оба успокоимся и созвонимся через пару дней.

Артём бросил трубку. Он был в бешенстве. «Мало того, что она сидела в ресторане в обществе чужих мужчин, так она его ещё и видеть не хочет. Два дня. Да вообще, неделю звонить не буду». Но через два дня они помирились.

Снежана обнимала Артёма и ласково вразумляла своего всё ещё обиженного героя:

— Ты не просто динозавр, ты, оказывается, занудный динозавр.

Вторая их размолвка произошла, когда Снежана вместе с подругой уехала на психологические курсы в другой город. Курсы были однодневные и вечером того же дня они должны были вернуться, но не вернулись. Телефон не отвечал. Наконец, поздно вечером Снежана ответила:

— Мы решили не возвращаться сегодня. Завтра утром приедем на первой маршрутке. Переночуем в гостинице.

— Но ты говорила, что сегодня вечером вернёшься. Почему ты меня обманываешь?

— Послушай, Артём, у меня до тебя была своя жизнь, работа, подруги, увлечения. Я не могу всё это разом бросить. Я и так уже растворяюсь в тебе. И даже не знаю, хорошо это или нет.

Но и в этот раз они помирились спустя несколько дней. Артём опять выговаривал Снежане:

— У меня какая-то химическая зависимость. Я не могу представить свою жизнь без тебя. Ну почему ты так себя ведёшь? Даже одного слова неправды я не хочу от тебя слышать.

И снова Снежана увещала любимого:

— А как же женское лукавство? Ведь оно иногда только во благо отношений. И потом, мне никто не нужен кроме тебя. Ты лучший.

— Тебе есть с кем сравнивать? Я ничего не знаю о твоей прошлой жизни.

— Это всё было до тебя. Если будешь настаивать, я расскажу, но давай не сейчас.

Следующие полгода у них прошли как медовый месяц. Они смогли даже выкроить время и съездить на несколько дней в Санкт-Петербург полюбоваться осенним городом на Неве. Приближался очередной Новый год. Надо было планировать, как его встретить. Артём надеялся встретить Новый год со Снежаной, но родители настояли, чтобы он в новогоднюю ночь был с ними.

Снежана отреагировала на это сдержанно:

— Ладно, тогда я тоже дома с мамой и папой буду. Увидимся второго.

Но до второго января Артём, конечно, ждать не стал. В новогоднюю ночь он начал ей звонить в 23 часа, чтобы пожелать счастливо проводить старый год. Снежана не отвечала. Он звонил сразу после боя курантов. Ответа не было. Снежана ответила только в три утра, поблагодарила за поздравление и сама пожелала счастья в новом году.

— Подожди, я слышу скрип снега. Ты что, на улице?

— Да, в центре, на ёлке.

У Артёма ёкнуло сердце в недобром предчувствии.

— Ты встречала Новый год не дома?

— Получается, да, не дома.

— И где? С кем?

— В одной компании.

— В какой ещё компании? Ты говорила, что будешь встречать Новый год с папой и мамой.

— Потом объясню. Хочу спать. Я иду уже домой. Пока.
Утром второго января Артём приехал к Снежане домой. Она была одна.

— Родители в гости ушли. Салаты есть будешь? У нас и вино хорошее осталось.

— Снежана, объясни: где и с кем ты была? Только без так называемого женского лукавства. Правду скажешь?

— Я скажу правду, но пообещай, что ты не будешь истерить. Ничего не было.

— Что значит «ничего не было»? Ты с кем была?

— Пару недель назад в город вернулся мой одноклассник — Платон. Он за мной всегда бегал. После школы ушёл в армию, потом работал несколько лет в Сибири. Теперь вот вернулся. Пробовал за мной снова ухаживать, но я дала понять, что у меня всё хорошо.

— Но зачем ты встречала с ним Новый год?

— Он уговорил меня. Сказал, что неудобно одному появляться в компании, где он собирался встретить Новый год. Обещал вести себя очень корректно.

Артём с изумлением смотрел на Снежану.

— Ты меня разыгрываешь?

— Как-то в самом деле нелепо получилось, но это так.

— Платон? Это что, кличка такая?

— Да нет, так его родители при рождении назвали. Это его имя.

— Платон? Ты что, с ним встречалась за эти две недели?

— В том смысле, что ты вкладываешь, нет. Но он приходил пару раз ко мне домой.

— Зачем? Зачем он к тебе приходил?

— Замуж звал.

— Замуж? И что, ты не вышла? Или выбираешь? Смотрю, у тебя широкий выбор.

— Нет, я не выбирала. Я вообще-то за тебя замуж хотела. Да, видно, не судьба.

— Какая судьба? Ты сама всё растоптала. Всё разрушила. Ты просто дрянь!

Снежана повернулась к Артёму и тихо, но твёрдо сказала:

— Не надо, Артём. Я виновата, но не заслужила оскорблений. Ты успешный и перспективный. У тебя всё будет хорошо. Прощай. Не приходи больше.

Артём даже не помнил, как добрался до дома. Через несколько дней он всё же уступил расспросам матери и рассказал ей всё.

— Знаешь, сынок, решать тебе. Скажу только, нельзя начинать совместную жизнь со лжи или даже неопределённости.

Прошло несколько недель. Он всё же решил сделать попытку поговорить со Снежаной и позвонил. Телефон был недоступен. Через несколько дней на кафедре, куда он пришёл специально, ему рассказали, что она уехала работать в Москву.

— Но учебный год не закончился.

— Она договорилась с деканатом. Ей было очень надо. Сказала, по семейным обстоятельствам. Мы думали, что она с вами уехала.

Больше попыток увидеть Снежану он не предпринимал. Но и забыть её не мог. Постоянно анализировал последнюю ссору и понимал, что погорячился. «Да и вообще надо было своё сердце слушать, а не родителей». И твёрдо решил жить отдельно.

Прошло ещё несколько месяцев. Однажды в воскресенье в спортзале во время игры он ощутил, что на него кто-то смотрит со зрительской трибуны. Артём поднял голову и увидел Снежану на своём месте, как и год назад. В этот момент он почувствовал толчок и упал. Обычная футбольная ситуация, но когда он поднялся, Снежаны уже не было. Он побежал к выходу, но она исчезла. Продолжать игру он не мог. Сослался на боль в ноге и направился в душевую. «Приехала? Пришла посмотреть? А может, всё ещё любит? И я напрасно обидел её?»

Через несколько дней на работе один из сотрудников фирмы зашёл к нему в кабинет и попросил помочь:

— Там клиент. Покупает машину. Заказал дополнительные опции, но с ценами на их установку не согласен, говорит, в интернете другой прейскурант.

Артём подошёл к клиенту, представился, спросил:

— Как к вам обращаться?

— Платон. Можно просто Платон.

Артём за годы работы научился себя вести, клиенты бывали всякие, но сейчас на мгновение остолбенел, услышав это имя. Затем взял себя в руки и, пообщавшись с клиентом, вопрос был исчерпан. Когда сотрудники разошлись, Артём обратился к клиенту:

— Платон, ты общаешься со Снежаной? Где она?

Тот взглянул на Артёма, но ответил не сразу:

— Снежана в Москве. Недавно сюда приезжала. Кстати, поздравила меня со свадьбой. Женился я. — И, помедлив, добавил: — Ты зла на меня не держи. Снежана мне всё рассказала, только запретила мне с тобой объясняться. А так я хотел тебе всё рассказать. У нас ничего не было. Она тебя любила, а может, и любит ещё.

...В купе заглянула проводница:

— Чаю ещё не хотите?

— Нет, спасибо.

И когда она вышла, Артём продолжил:

— Вот, в общем, и вся история. Времени много прошло, но я так и не смог её забыть. Представляете, знакомлюсь с девушкой, иду с ней, а мне кажется, что это Снежана рядом идёт. Занозой сидит в моём сердце. Сейчас она в соседнем вагоне, и я не знаю, что делать. Хотел поговорить, но боюсь чего-то. Может, она уже замужем.

— Послушай, Артём, — отвлекла его от воспоминаний собеседница. — Давай я тебе расскажу другую историю. Может, она тебе подскажет, что делать.

Эта история началась раньше твоей истории на 20 с лишним лет. Лариса приехала на южный берег Крыма не в первый раз. В Ялте жила её тётка, и Лариса останавливалась у неё в частном доме, жила в пристроенной веранде, так как все остальные помещения дома тётка в летние месяцы сдавала постояльцам. Так делали все местные жители. Обычно Лариса приезжала на море с мамой или подругой, но в этот раз родители посчитали, что она достаточно взрослая (закончила 4 курса института), и отпустили её в Ялту одну, правда, всего на две недели, но это всё равно было для Ларисы целым событием.

Весь день Лариса провела на пляже, а вечером ушла на дискотеку. Городская дискотека представляла собой огромную площадку размером не меньше стадиона, где собирались отдыхающие, преимущественно молодые люди. Музыка не умолкала ни на минуту. Как они разглядели друг друга в этой круговерти, среди сотен танцующих юношей и девушек, сказать сейчас трудно, но с первых минут их знакомства Лариса поняла, что это тот самый принц, о котором мечтает любая девушка.

Севастьянов Герман Силантьевич — так представился остроумный молодой человек, который заметил Ларису среди толпы, что была в постоянном движении, ритмично освещаемой бликами светомузыки. Танцевал он красиво, в его движениях различался определённый рисунок, а Лариса, всегда любившая танцы и занимавшаяся ими с детства, не просто танцевала, а кружила вокруг Германа, словно порхая, не замечая больше никого вокруг себя. С дискотеки они возвращались вместе. Герман в детстве занимался музыкой, но со временем понял, что это не его, и год назад окончил институт по специальности «станки с программным управлением». Ларисе, тяготевшей к гуманитарным предметам, специаль-

ность эта казалась жутко сложной, но это ещё больше подчёркивало в её глазах неординарность Германа, начиная с его имени и привычки всё подвергать сомнению.

Герман приехал в Ялту на пару дней раньше Ларисы, снимал комнату в городской квартире.

— Но это же дорого? — спросила Лариса. — Зачем тебе целая комната? Обычно в летний сезон молодые люди снимают просто койку.

— Через неделю приедет мой друг. Он пробудет здесь всего несколько дней, а уедем мы уже вместе.

Следующим утром на пляж они шли вдвоём. Впрочем, вместе они были уже каждый день и вечер. Для Ларисы впервые по-настоящему понравившийся мужчина казался неким божеством, с которым ей было настолько легко и просто, что от нахлынувшего на неё счастья она забыла про обязательные звонки домой по междугородному телефону. Забыла она и про наказания матери, которая несколько раз объясняла Ларисе, перед тем как отпустить её одну в Ялту, что на юге все мужчины хотят лишь одного: обольстить, весело провести время, а потом уехать и забыть.

Лариса с Германом, кроме купания в тёплой воде Чёрного моря, почти ежедневно отправлялись на прогулку или в поездку: Ботанический сад, Ай-Петри, Бахчисарай, Ливандийский дворец, Севастопольская бухта и т.д. В принципе, Ларисе было всё равно, куда идти или ехать с Германом, она сияла от одного его присутствия и всей своей женской сущностью осознавала, что это тот единственный, с которым она будет всю жизнь. Они обязательно будут счастливы, ведь они так любят друг друга.

Неделя пролетела так быстро, что казалось, все эти дни — это один миг, обворожительный и счастливый. Но однажды вечером, когда они, гуляя по набережной, спустились к морю и уселись на большой камень в нескольких метрах от плескавшей тёмной воды, Герман взял её за руку и сказал, что им надо поговорить.

— Мне важно тебе кое-что рассказать. Я уже принял решение и не хочу расставаться с тобой, но будет честнее, если я тебе всё расскажу сейчас.

— Надеюсь, ты не объявишь мне, что женат? Ты же не хочешь, чтобы я стала русалочкой? Я не смогу уже без тебя.

— Нет. Всё не так страшно, но сказать должен. Завтра ко мне приезжает не друг, а моя девушка, то есть моя бывшая девушка. Она приедет, и я ей всё расскажу, она поймёт.

— Но почему ты ей не позвонил по междугородному телефону и не объяснил всё? Ведь у нас с тобой всё серьёзно?

— Да, конечно, но я не могу сейчас её расстраивать.

— Что значит «не могу расстраивать»? Ведь объясниться с ней всё равно придётся.

— Да, но не сразу. Понимаешь, мы ведь заявление в загс подали, и ещё... Она, в общем, беременна.

Несколько минут Лариса сидела молча, затем долго плакала, не слыша, как Герман пытался ей что-то говорить и успокоить. Затем она решительно встала и ушла, запретив Герману провожать её.

Мир её рухнул. Она знала, что такое боль, невезение, утрата, но что такое несчастье, она до этого не знала. Жизнь её потеряла всякий смысл, и она, наверное, могла сделать этот последний шаг, но интерес ко всему был настолько утерян, что она не могла сосредоточиться на том, как это сделать.

Весь следующий день она пролежала в кровати, пролив на подушку море слёз. Ближе к вечеру в окно веранды раздался стук. За окном стоял Герман. Лариса нашла силы выйти и выслушать его.

— Я ведь не знал, что встречу тебя. Влюбился в тебя сразу, но и сволочью я быть не могу. Девушка сегодня прилетела, а я ей такое выдам. Давай сделаем так: через неделю мы с ней улетаем обратно. В своём городе я ей всё расскажу, и мы с тобой всегда будем вместе. Институт ты можешь закончить заочно, уже в нашем городе. Поверь, я люблю тебя. Я знаю, что такое курортные романы, но к нам это не относится. Вот я прошу у тебя прощения, но в чём я виноват?

— Я тебя не обвиняю ни в чём, но знаю одно: я не вправе решать судьбу другого, совсем незнакомого мне человека — твоей девушки. Вот она действительно ни в чём не виновата. Прощай, не приходи больше.

— Мы будем жалеть об этом всю жизнь. Она приходит только один раз и навсегда. Нельзя от неё отрезаться.

— Кто приходит?

— Любовь. Настоящая любовь приходит один раз и остаётся навсегда, если она настоящая.

— Это любовь, а у тебя был курортный роман. Уходи.

Вечером Лариса с переговорного пункта позвонила домой и, всхлипывая, говорила:

— Мама, я хочу домой, но мой самолёт через неделю.

— Забудь про самолёт и всё остальное. Утром на автобусе едешь в Симферополь, там берёшь билет на любой поезд до Москвы. В Москве сделаешь пересадку и уже через два дня будешь дома.

...Забывать Германа было непросто. Однако жизнь продолжалась. Лариса вышла замуж, родила двоих детей. Нельзя

сказать, что она не любила мужа, но те чувства, которые она испытала к Герману, уже никогда не повторились. Больше в Ялту она уже не ездила. Делала это скорее умышленно. Но однажды ей пришлось поехать в Симферополь на конференцию. Была осень, закончился бархатный сезон, на вокзале, где она ожидала объявления на посадку на свой поезд в обратный путь, было достаточно многолюдно. И снова среди массы людей они увидели друг друга. Он целовал ей руки, повторяя:

— Я знал, что мы встретимся. Каждый день я думал о тебе.

— Герман, милый, скоро посадку на мой поезд объявят. Он через час с небольшим отправляется. Давай посидим в сквере на скамейке. Сегодня не холодно, но сезон, похоже, заканчивается.

Она говорила излишне спокойно, как-то даже обыденно, а в груди у неё всё пылало: вот её родной, любимый человек. Не оставляй его больше. Это же твоя судьба. Но вместо этого она рассказывала о своей работе, детях, муже, спрашивала о его успехах на машиностроительном поприще и станках с программным управлением.

— Станки, похоже, уже никого не интересуют. Да и вообще, оборонка не в почёте. Пришлось как-то выкручиваться. Однако не бывает худа без добра. В общем, создал свою фирму, много чего было, но сейчас на плаву.

— Ты живёшь с ней, с той девушкой?

— Да, но я ей всё рассказал. Правда, не сразу, через несколько лет. Мне казалось, что если я признаюсь, то обязательно ещё раз увижу тебя. Видишь, сбылось.

— И что она? Простила?

— Видимо, да. По крайней мере, не корит, я даже дочку назвал Ларисой.

— А я сына — Германом. Он с таким именем один на всю школу.

Час прошёл незаметно. Лариса встала со скамейки.

— Мне пора. Я была рада тебя видеть. Очень рада. Видишь, у нас всё хорошо. Не провожай.

Она обхватила его за шею и прижалась, словно пытаюсь впитать его на всю оставшуюся жизнь. А он, обнимая её, прошептал только:

— Береги себя.

...Попутчица Артёма замолчала, при этом была какой-то просветлённой. Артём осторожно спросил:

— Скажите, это вы о себе рассказывали? Лариса — это вы?

— Сейчас уже Лариса Николаевна.

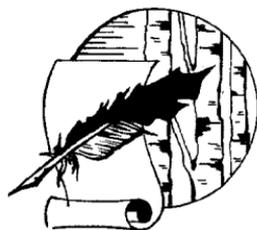
— И что? вы больше не встретились?

— Всю жизнь я чего-то ждала, хотя жила, как мне казалось, обычной и даже размеренной жизнью. Дети выросли, у них своя жизнь. Два года назад умер муж. А несколько недель назад по радио, которое у меня на даче включено постоянно, я услышала свою историю и просьбу откликнуться от Севастьянова Германа Силантьевича. Он сейчас свободен и разыскивает меня по всей стране. Озвучили даже телефон редакции, но я и без телефона могла его по интернету найти. Он в своём городе человек не последний. Важно, что он меня нашёл. Мы, конечно, сразу созвонились, и вот я еду к нему. Думаю, навсегда. А теперь решай, Артём, надо ли ждать всю жизнь? Настоящая любовь приходит один раз. Иди к своей Снежане в соседний вагон и не отпускай больше. Любящие друг друга люди имеют право быть вместе, несмотря ни на какие обстоятельства.

— Вы удивительная женщина. Вы сняли с меня все сомнения. Мы вас на свадьбу пригласим, если...

— Без всяких если. Иди и борись за свою любовь.

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

Владимир АРХИПОВ

К 85-летию поэта

РЯБИНОВЫЙ ОГОНЬ

ДАЛЁКИЙ МОТИВ

В каждой кувшинке — по солнцу,
В каждой травинке — заря.
Ивушка веточкой сонной
Ловит в реке пескаря.
Утро искристое, росное.
Тянет с реки холодком.
Мама в цветах сенокосных
Машет весёлым платком.
Тихая музыка льётся
И уплывает в зенит.
То ли девчонка смеётся,
То ль колокольчик звенит.
Светятся церковь и ельник.
Бьётся сердечко в груди...
Кто ж этим чудом-твореньем
Нас на земле наградил?
Ягодой пахнет лесною.
Птица поёт и поёт...
Это родилось со мною,
Это со мной не уйдёт.
Дали мои синеокие
Светятся ночью и днём...
Это — из детства далёкого!
Это — о счастье моём!

РЯБИНА КРАСНАЯ

*Братьям моим —
Ивану, Александру, Виталию*

Россия стужей скована.
Как отблески зари,
Горит на подоконниках
Рябина изнутри.
В моей деревне исстари
Меж стёкол клали гроздь,
Чтоб оставались чистыми
Они в любой мороз.
Спасительная ягода
Аж прожигала лёд!
Мы запасали загодя
Рябину каждый год.
Поведаю с улыбкою:
Игрушек в доме нет —
Мне вешали над зыбкою
Рябиновый букет.
Рябина, с детства милая,
Ты сласть моя и страсть!
Ты непонятной силою
В судьбе моей зажглась!
Когда в годину грозную
Отец на битву шёл,
Рябиновыми гроздьями
Переливался дол.
Когда упал под Оршею,
Осколками пробит,
Подумал он: а кровушка
Рябинушкой горит...
С Победой и осколками
Пришёл на Рождество.
Он сотворил на ёлке нам
Рябины торжество.
Нужда послевоенная.
Блины из лебеды.
Мы ягоды целебные
Клевали, как дрозды.
Живи, рябина красная!
Свети во все века,
Как в доме стёкла ясные
И, как судьба, горька.

Нам предками завещано
Хранить родной народ.
Спасать своё Отечество
Настал и наш черёд!
Мы — русские! Мы — выстоим!
Попробуй, враг, тронь!
У нас в глазах неистовый
Рябиновый огонь!

АФОНИН СЫН

Среди снегов, среди равнин
Я рос и рос, Афонин сын.
Отец мой — пахарь и солдат.
Он не выпячивал наград.
Простой солдат... Он был удал!
Ему сам Жуков руку жал!
Однажды был горячий бой.
Он дот взорвал. Затем другой.
Чтоб немец ноги не унёс —
Пустил он поезд под откос.
Потом он сам, как паровоз,
Сельхозартель достойно вёз.
Отцу дивлюсь, отцом горжусь —
Каких людей рождает Русь!
Я вырос, дожил до седин,
Но всё равно — Афонин сын!

ПЛАКАЛА МАМА...

Плакала мама, присев на пенёк.
Небо осеннее. Каркают птицы.
Комкает мама промокший платок —
Папа от ран умирает в больнице.
Рубим дрова. Я сжимаю топор.
Я — мужичок из четвёртого класса.
Мама встаёт. Проясняется взор.
Силушку крепит глоточками кваса.
Домик спасём от морозной беды!
Печку растопим! И книжку раскроем!
...Память мою обжигают следы
С чёрной-пречёрной осенней водою!

ЗЕМНОЙ ПУТЬ

Отец ушёл из жизни рано —
Сгубили фронтовые раны.
В колхозе мать судьбину-ношу
Везла, как каторжная лошадь.
Её сбивала с ног усталость.
Она не плакала — стонала.
Придёт к могилке с хлебным квасом
И фразу выдохнет одну:
«Вставай, солдатик Афанасий,
А я прилягу, отдохну...»

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

Гладила мама ржаной колосок.
Рожь наливалась, качалась стеною.
«Похорони меня выше, сынок,
Чтобы я видела поле ржаное...»
Встал косогор над родимой землёй —
Место, открытое ветру и зною.
Глажу и глажу могилку рукой,
Глажу и глажу —
Как поле ржаное.

СТАНИЦА БЕССТРАШНАЯ

Какие горы тёмные!
Станица между гор.
«Вставай, страна огромная!..» —
Поёт казачий хор.
Певцы престонародные.
Поют отец и сын.
«Пусть ярость благородная...»
У всех порыв един!
Запев — как вспышка пламени!
Мурашки по спине.
А рядом с клубом — памятник
Погибшим на войне.
Своей земли достойных
И любящих светло,
На фронте триста воинов
Геройски полегло.

Мужают старшеклассники
Со славой земляков.
Бесстрашие бесстрашненцев —
От дедов и отцов.
Казачьими заставами
В кавказском далеке
Хранила Русь державная
Границу на замке.
Бесстрашная — отважная!
Господь её спаси!
Как островок бесстрашия
Станица на Руси!
Надёжна и не сломлена,
Бесстрашная живёт.
«Вставай, страна огромная!..» —
Казачий хор поёт.

РЕЛЬСЫ НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

Мы все романтиками были —
Тянули рельсы, жгли костры.
И вдруг могилу зацепили —
Из той, гулаговской поры.
Мы поклонились праху вечности
И написали на кресте:
«Кому-то спать на Новодевичьем,
Кому-то — в вечной мерзлоте...»

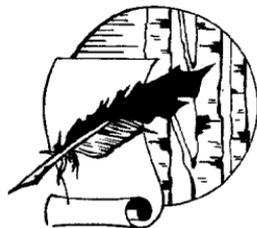
ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ

*Памяти Епистиньи Фёдоровны Степановой,
матери девяти сыновей, погибших в боях за Родину*

Было так: на зорьке алой,
У запахнутых дверей,
Мать на битву провожала
Милых сердцу сыновей.
Соловей с рассветных веток
Их просил врага разбить.
Возвращайтесь, мол, с Победой,
Чтобы гнёзда жизни вить!

На прощанье у колодца —
По глотку живой воды...
Ох, как тяжело сердце бьётся
От предчувствия беды.
Епистинья, Епистинья,
Чует сердце холода:
Ты сынов своих отныне
Не увидишь никогда.
Сердце стонет, сердце стынет.
Как ему набраться сил?
От Кубани до Берлина
Девять холмиков могил...
Как страдания измерить,
Страх потерь в тревожных снах?..
Остаётся жить и верить
Лишь на встречу в небесах!
...Вновь весна звенит над степью,
Вновь соловушка поёт.
Но среди великолепия
Горе матери живёт.

г. Краснодар

Валерий ФАТЕЕВ

ПЕСНЯ ВЕТРА И ВОЛНЬ

БАЛЛАДА О КАПИТАНЕ

Когда нас шторм жестокий гнул
И дух мой трепетал,
Ложился носом на волну
Бывалый капитан.
И мы сходились грудь о грудь,
Стихия и рыбац.
И тут нас с курса отвернуть
Сам Бог не мог никак!
А кто от шторма убежал,
Судьбу свою кляня,
Того ловил девятый вал
И сбрасывал с кия.
Когда нас жал ледовый дрейф
И думалось: каюк!
То капитан кричал: «Не дрейфь!
Прорвемся, мать твою!»
А если запаниковал
И руки опустил...
Того ловил ледовый вал
И, как щенка, топил.
Когда в туман у самых скал
Мы влипли, как в кисель,
И душу смертная тоска
Опутала, как сеть,
То капитан шутил: «Кисель
Хлепать нам не впервой.
Вчера не сели мы на мель
И нынче вырвемся отсель
И побежим домой».

Плевать, что хода нет вперед,
Что барахлит компас.
За нами смерть тогда придет,
Когда не будет нас.
Я на земле давно осел,
Но и на берегу
Морские заповеди все
На сердце берегу.
В любой житейский ураган,
Хоть как бы он ни гнул,
Всегда вставай лицом к врагам
И носом на волну.
Во льдах вражды, в тумане слов
Терпи, терпи и верь:
Пригреет солнышко — и зло,
И ложь рассеет день.
И жизнь, как море, запоет
И позовет, маня.
А если смерть за мной придет,
То это без меня.
Уже я буду за чертой,
Оставив страх и боль.
На стороне далекой той,
Где встретимся мы вновь.
И капитан веселый наш
Мне улыбнется...
— Вот
И в полном сборе экипаж!
Командую отход!

* * *

У тайфуна нерусское имя —
Лорелея — красиво до слёз...
Вот сейчас он нам головы снимет —
Рулевой обещает всерьёз.
— Ты бы лучше по курсу не рыскал, —
Обрывает его капитан.
Не бывает на море без риска,
Он за нами всегда по пятам.
То, как ватой, обложит туманом,
То по мачты загонит в волну..
Не видал я еще капитана,
Чтоб до пенсии здесь дотянул.

Вот и небо всё в аспидных тучах,
Вот и море — кипящий котел.
Не впервой, такова наша участь.
Винт не стал бы, да трюм не потёк.
Ну а мы... Зубы стиснув от качки,
Курс удерживает рулевой...
Через две сигаретные пачки
Пронесёт и тайфун.
Не впервой.

* * *

Загрохотал весёлый клюз
Под цепью звонкой,
И якорь вниз пошел, как ключ,
Без остановки.
Так долгожданен этот миг,
Что сам не веришь...
Но разве так мечтали мы
Увидеть берег?
Спешили, бури укротив,
Землею бредя,
А здесь трехдневный карантин —
Грусти на рейде.
Ты слышишь музыку волны
И пенье троса...
О чём в минуты тишины
Молчат матросы?
Тебя предчувствием полны
Удары сердца.
И песня ветра и волны
Чиста, как детство.

* * *

Значит, кому-то надо...
Совесь моя чиста.
Громко звучит команда:
Стоять по местам!
Мы отдаем швартовы,
Словно сжигаем мосты.
Буксир отвалил портовый.
Прощай и ты...
Знаю, приснишься в рейсе
Чистая, как волна.
Снова не быть нам вместе.
Тут не моя вина.

Просто кому-то надо.
Совесь моя чиста.
Снова звучит команда.
Все на местах.

* * *

Путина! Как на abordаж,
Волна бросается на сейнер.
К ночи всё больше входит в раж,
Крестя нас мокрым снегом, Север.
Замёт! Замёт!
Разведке неуд.
За что они свой хлеб жуют?..
Но хоть бы что попало в невод,
Похожее на чешую!
А капитан застывшей глыбой
Ушел в мечтания свои,
В еще не пойманную рыбу,
В неразделенные пай.

* * *

Кажется, совсем еще недавно
Я приехал в здешние края.
И живу на юге Магадана.
Кольцевая — улица моя...

Дует с моря ветерок солёный,
Сопки величавые встают..
Магадан, ведь я давно влюбленный
В красоту суровую твою.

Ты бывал и грозен, и отчаян,
Терпелив и мудр не по годам.
Белыми июньскими ночами
Что тебе приснилось, Магадан?

И теперь друзьям и милым дамам
Я пишу, бравады не тая:
Я живу на юге Магадана.
Кольцевая — улица моя.

г. Магадан

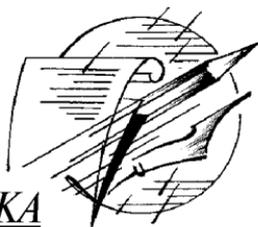
УКРАИНА КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАПАДА

Глядя со стороны, политика Запада в украинском кризисе выглядит предельно противоречиво. Запад в целом и каждая его страна в отдельности постоянно ратует за мир и переговоры, но как только переговоры между Россией и Украиной начинаются, Запад их либо срывает, либо выхолащивает достигнутые договорённости.

Так было с обоими «Минсками», так было со «Стамбулом», такой же подход сохраняется и сейчас.

Но это не противоречие, это выверенная внешнеполитическая стратегия, в нынешних условиях не имеющая альтернативы.

В отличие от большинства пишущих на эту тему, я не считаю «Мински» и «Стамбул» неоправданными нашими уступками. Это были попытки решить проблему Украины без войны, без гибели сотен тысяч, а может, уже и миллиона украинских граждан, без миллионов беженцев, без разрушения инфраструктуры, без уничтожения экономики, без ненависти, разделившей некогда единый народ по линии административной границы УССР. Но главное — без не-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

обходимости решать нерешаемую задачу: что делать с покорёнными регионами, где проводить новую границу, целиком ли включать Украину в состав России, частично ли, одномоментно ли или в несколько этапов, как легализовать новые границы и как работать с населением, отделённым от нас уже не только десятилетиями пропаганды, но реками пролитой крови?

Фактически до последнего момента Россия пыталась применить на Украине в качестве базового грузинский сценарий: блицкриг без посягательств на государственность и даже почти без территориальных изменений. Поначалу, в 2014 году, Россия претендовала исключительно на Крым и Севастополь, и даже в 2022 году речь на переговорах в Стамбуле велась только о признании Киевом независимости Донбасса. Конечно, он (Донбасс) потом бы всё равно вошёл в состав России, так как самостоятельно существовать не в состоянии, но непосредственного изъятия его у Украины в свою пользу Кремль пытался избежать и ещё неизвестно, насколько долгим бы оказался переходный период, если бы Стамбульские соглашения не были сорваны.

Даже когда стало ясно, что Западу удалось добиться затяжной войны, Россия продолжала ориентироваться на базовый сценарий, предполагавший сохранение украинской независимости при минимальных территориальных изменениях (которые теперь включали также Херсонскую и Запорожскую области) и при условии лояльности в отношении России, формально именуемой нейтралитетом. О том, что Россия готова была долго работать над задачей реформирования Украины (с сохранением суверенитета Киева), свидетельствует грузинский пример: от Пятидневной войны 2008 года до яркого проявления реальной грузинской нейтральности (в 2022—2023 годах) прошло 14—15 лет упорной, внешне незаметной работы.

При этом, хорошо зная украинских политиков и расстановку сил в высших эшелонах власти Украины, в которых практически полностью отсутствовали политики, которых в Киеве и Москве принято именовать пророссийскими, но которые в реальности просто выступали за хорошие прагматичные отношения между двумя государствами, я исходил из того, что амбициозный российский мирный план урегулирования украинского кризиса не выполним. Война была нужна Западу, войны хотели радикальные украинские националисты, прорвавшиеся к власти в результате майдана (как и находившиеся у власти до него). Политики-компрадоры не имели поддержки в обществе, поэтому смертельно

боялись выступить против военных планов Запада и поддерживаемых им национал-радикалов.

Поэтому с первого дня подписания Минских соглашений я называл их безальтернативными, но нереализуемыми. Безальтернативными потому, что Россия не могла не пытаться до конца решить дело миром. Военный вариант нёс для неё двойную угрозу: как грозящее перерасти в мировую войну столкновение с Западом и как война внутри одного народа, то есть, несмотря на его разделённость между двумя государствами, имеющая все признаки гражданской.

Бисмарка хвалят за оригинальное решение не вступать в Вену после битвы при Садовой. Он, мол, таким образом, сумел не озлобить австрийцев, ставших впоследствии главным союзником Пруссии/Германии в Европе. Но к французам (всего через пять лет) Бисмарк не был так же толерантен. Париж осаждали, в Париж вступали прусские войска, а условия мира были для Франции предельно унижительно.

Просто Австрия была немецким государством, война с ней рассматривалась как внутринемецкое дело (аналог «спора славян между собою»). Её необходимо было интегрировать в схему прусского доминирования в германском мире. А Франция чужая, с ней было церемониться нечего.

Москва в XXI веке смотрела на Киев примерно так же, как Берлин в XIX смотрел на Вену, — слишком крупный кусок, чтобы его проглотить, но слишком важный, чтобы позволить ему проводить альтернативную политику. Мирный метод был для России главным на постсоветском пространстве также в силу её относительной слабости. Восстанавливаться после катастрофы 90-х Россия начала только в нулевые. Ей были необходимы у границ не новые враги, а если не союзники, то хотя бы нейтралы, все наличные силы необходимо было концентрировать на противостоянии с Западом, причём их (сил) постоянно не хватало.

Всё это на Западе прекрасно понимали, поэтому и пытались максимально осложнить России реализацию её стратегии, а в идеале и вовсе сорвать её. Цель Запада как раз заключалась во втягивании Москвы в максимально длительные и максимально кровопролитные конфликты со всеми её соседями. Таким образом планировалось, не втягиваясь в конфликт непосредственно, подорвать военные и экономические силы России, создать вдоль её границ пояс вражды из постсоветских государств, изолировать Москву на мировой арене и маргинализировать её,

заставив десятилетиями выяснять отношения с ближайшими соседями. При этом Запад ещё и выступал бы в роли арбитра.

Полностью реализовать этот план не удалось, хоть волна цветных путчей дважды прокатилась по постсоветскому пространству. Однозначно враждебными в отношении России к 2022 году остались только прибалты и Украина. Именно поэтому Запад не может допустить никакого компромиссного мира Москвы и Киева. Украина должна воевать до последнего украинца. Несмотря на потери и поражения, несмотря на явную бесперспективность борьбы, должна воевать.

Эта уничтожающая Украину вопреки российской воле война нужна Западу, во-первых, для запугивания постсоветских соседей России и восточноевропейцев «российской агрессивностью» и «намерением восстановить СССР». Во-вторых, продолжительность войны и пролитая кровь укрепляют западную легенду об «украинской войне за независимость», укореняя её (легенду) в общественном сознании и создавая базу непризнания территориальных изменений по результатам СВО. В-третьих, кровь и лишения порождают ненависть, разделяя один народ на два разных.

В-четвёртых, сопротивление для его подавления требует продвижения. Продвижение ВС РФ на Запад для закрепления результатов (при ограниченной численности войск) требует опоры на местное население. Те, на кого Россия может опереться на освобождённых территориях, хотя в Россию. Чтобы не настроить против себя и их, это желание необходимо удовлетворять, проводя референдумы и включая в состав России всё новые бывшие украинские регионы. Запад не против — чем больше территорий присоединено, тем больше разрушений в ходе боёв за контроль над ними, тем больше беженцев, тем больше убитых, тем больше аргументов для русофобской пропаганды Запада, тем больше проблем у России с восстановлением разрушенной инфраструктуры, возрождением экономики и пацификацией населения.

Именно поэтому, несмотря на то, что уже год, как Запад утратил иллюзию возможности военной победы над Россией, он давно знает, что Украина обречена. Он постоянно предлагает России переговоры и постоянно дезавуирует свои предложения, выдвигая абсолютно неприемлемые для России условия даже не мира, а всего лишь начала переговоров. Сорвав же мирный процесс, Запад регулярно переходит к очередному повышению ставок в конфронтации с Россией.

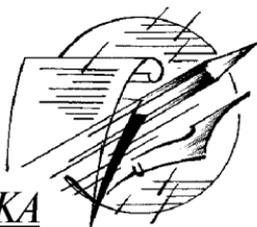
Несмотря на рост антивоенных настроений не только среди населения, но и среди политической элиты, выскочить из этого порочного круга Запад пока не может, так как его согласие на минимально устраивающие Россию условия мира будет признанием Западом своего поражения (именно признанием поражения Запада, а не Украины — инструмент не может выиграть или проиграть).

Так что ситуация в целом должна деградировать и дальше до тех пор, пока Запад не окажется в ситуации, когда дальнейший отказ от признания поражения будет вести к большим издержкам, чем его (поражения) констатация. До полного демонтажа Украины Запад о реальных переговорах о мире даже не задумается.

НЕ ПОРА ЛИ ПРОСНУТЬСЯ?

Экономика превыше всего. Экономика должна быть экономной. Это очень актуальные слоганы. Важные месседжи. В центре внимания и заботы всей государственной политики России стоит человек и общество. Но какой человек, какое общество? Лучше даже спросить: для чего человек, для чего общество, стоящее в центре внимания? Твердо можно ответить — для экономики. Экономика всё-таки в самом центре центра. И человек нас интересует экономический. То есть человек как носитель какого-то производительного и потребительного, продажного и покупательного потенциала. Сегодня нет экономики национальной. В целом экономика мировая, глобальная.

Вот мы говорим «российская экономика», а это условное или безусловное понятие? Известно, что немалая часть нашей экономики находится в руках или управляется нашими зарубежными «партнёрами». В общем-то, это школьнику известно. Банк России — это национальный русский банк или субъект мировых финансово-кредитных отношений? Да глупо даже ставить вопрос таким образом. Банк Рос-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сии — часть мировой финансовой системы. А вот внедряемая сегодня цифровая валюта — она национальная или международная? Так вопрос тоже ставить нельзя, потому что эта валюта, прежде всего, «цифровая». Она вообще из мира невидимого, потустороннего. Какая тут национальная принадлежность? И о какой вообще национальной принадлежности можно говорить, если сама Российская Федерация — государство не национальное, а многонациональное. Это значит, что РФ — наднациональное государство, государство мира. Но это ведь не только РФ касается, а всех других государств. Нам кажется, что мы живем в РФ, а на самом деле мы живем во всем мире и подчинены мировым экономическим и финансовым интересам.

Многие вопросы мировых экономических интересов решаются на международных экономических форумах. Есть большой форум в Давосе. Есть форумы поменьше в других странах. В России из наиболее крупных — экономический форум в Санкт-Петербурге и экономический форум во Владивостоке. Там обязательно присутствует президент. Там, как и в Давосе, решаются глобальные проблемы, но в их проекции на конкретный макрорегион. Восточный форум во Владивостоке — это глобальные проблемы всего восточно-азиатского макрорегиона. Он проходил с 3-го по 6-е сентября этого года.

Что там обсуждалось? Преимущественно вопросы, стоящие в мировой экономической повестке, но в проекции на указанный макрорегион. Вопросы безопасности, энергетики, международной торговли... «Российская газета» сообщила: «Первая Международная территория опережающего развития (МТОР) с участием России, Китая, Республики Беларусь и других дружественных стран может появиться в Приморье — центре Азиатско-Тихоокеанской России на пересечении международных транспортных коридоров». То есть на территории России появляется «международная территория». А что такого? Бизнес, ничего личного. И действительно, личные интересы как-то неловко выпячивать на фоне интересов мировых. Другое дело, если вы сами являетесь мировым человеком, то тогда интересы у вас уже тоже мировые.

Интересная формулировка в «Российской газете»: «Приморье — центр Азиатско-Тихоокеанской России». Недавно приморские журналисты писали даже о некой «приморской цивилизации»...

При этом на фоне мировых интересов недавно вдруг стали признавать, что отток населения из «Приморской цивилизации», «Азиатско-Тихоокеанской России», точнее, из При-

морского края РФ усилился. Вот статистика: «В Приморье усилился отток жителей в другие регионы России. В январе—мае этого года край покинуло 8,4 тысячи человек. Из них почти 5,8 тысячи граждан переехали в другие субъекты РФ — это на 1% больше, чем годом ранее. Отток в другие страны из Приморья уменьшился: за первые пять месяцев 2024 года за рубеж уехало 2,6 тысячи человек, год назад этот показатель был на 25,1% больше. Общая численность населения региона сократилась до 1,8 млн. человек. Свежие данные по демографии Приморскстат представил в докладе о социально-экономическом положении Приморского края за январь—июнь 2024 года».

Лет десять подряд, после того, как прошёл саммит АТЭС во Владивостоке, об оттоке населения из Приморья и со всего Дальнего Востока старательно молчали. А тут вдруг признали. Хотя отток не прекращался с 1993 года. Из наиболее благополучного региона — Приморья — уезжали в среднем по 15—30 тыс. человек в год.

При этом уезжают те, кто давно живёт на Дальнем Востоке, родился и вырос здесь. А приезжают преимущественно жители СНГ и стран Евразийского экономического союза.

Удивительно. Объём инвестиций растёт. Деньги огромные в Дальний Восток вкладываются. Для кого, если народ продолжает уезжать? Может быть, не в деньгах дело, не в экономике, а в смыслах? В той самой национальной идее, которая не всегда согласуется с мировыми интересами? Без многовековой национальной идеи наши люди и смысла никакого не видят...

Уезжают все эти постсоветские годы преимущественно те, кто имеет хорошее образование, востребованную в европейской части России или за рубежом профессию. По информации кадровых агентств и аналитических служб, в Приморье ведущей «профессией» на рынке труда является «менеджер по продажам».

Здесь пока еще есть что продать. Торгуют. И веселятся. Даже сам Восточный экономический форум — это не только деловое мероприятие, но, судя по насыщенной творческой программе, увеселительное и развлекательное. Так принято во всем мире. И в Давосе тоже.

По поводу обилия развлекательных мероприятий не только на Восточном форуме, но и по всей стране все-таки трудно не согласиться с московским писателем и общественным деятелем, главным редактором журнала «Молодая гвардия» Валерием Хатюшиным. На Русской народной линии в своей статье «Две страны» он так обратился к главе государства:

«Господин президент, какие могут быть профессиональные праздники в воюющей стране, в которой каждый Божий день погибают защитники государства?! Мы еще никого не победили, а всё что-то празднуем, празднуем с трансляцией этих «празднований» на всю страну...»

Тем не менее, среди приятных развлекательных подарков для гостей форума было даже выступление Сводного хора Владивостокской епархии. Церковный хор, в котором в первых рядах стояли даже уважаемые настоятели храмов и монастырей епархии, развлекал прекрасными светскими и не-светскими произведениями многочисленных гостей и просто зевак прямо на лестнице в главном корпусе Дальневосточного университета на острове Русский. Видео показали в центральных СМИ. На ступенях лестницы университета изображен большой уссурийский тигр. По этому тигру топтались все собравшиеся на форум, в том числе гости из стран БРИКС, ШОС, ЕАЭС... Наверное, это очень символично.

Но хор Владивостокской епархии запомнился особо. Под бодрые обсуждения триллионных международных контрактов, под разговоры о создании международных территорий на Русской земле пели хористы трогательную песню о Владивостоке со словами «Город спит, город спит...»

Увы, не только город Владивосток спит. Все мы спим. Вся страна спит. Спим и во сне песни поём. Проспали уже Украину и Церковь Русскую там. И еще много чего проспим...

Не экономика превыше всего, а Христос. С этим и пришёл наш народ к берегам Тихого океана. России всего-то надо обратиться ко Христу, а не к мировым экономическим интересам. И тогда вопросы о глобализации Руси и земли Русской отпадут сами собой. Господь всё сам управит. Была бы в нас вера хотя бы с горчичное зерно, да любовь не к деньгам, а к Богу.

Нашим уважаемым политикам и отечественным гостям форума во Владивостоке можно было бы напомнить замечательные слова выдающегося русского миссионера, священномученика Иоанна Восторгова. Как раз в день памяти Иоанна Восторгова, 5 сентября, Сводный хор Владивостокской епархии «миссионерствовал» на лестнице в Дальневосточном университете.

Так вот, священномученик произнес такие слова: «...Новейшим Средиземным морем ныне становится Великий Океан. <...> Чем быть России и русскому народу? Если народом мировым, то ему нужен Великий Океан, и тогда понятно, что значит для нас Восток и Владивосток. <...> Мы идём к Океану, чтобы чрез посредство государственной и экономичес-

кой мощи нести свет Христов и царство Христово, мы идём с христианской культурой в страны области Дракона-дьявола, коснеющие в язычестве и неведении Христа. Но тогда идите с тем религиозно-нравственным началом русской государственности, <...> тогда идите с Крестом и Евангелием, с храмами и монастырями, с христианскою верою и жизнью, как было встарь, а не с одними железными дорогами, крепостями, войсками, торговыми предприятиями и воеводским правлением. Тогда приветствуйте переселение сюда русского народа, его стихийное движение на Восток к Океану, но давайте прежде всего переселенцу устройство церковного быта, удовлетворение нужд и потребностей религиозных; тогда идите, как встарь, в союзе веры и жизни, веры и знания, Церкви и государства»...

ОСЕННИЕ ДНИ

РАССКАЗ

Василий Фомич и сегодня спал плохо. Закроет глаза и старается выбросить из головы мысли. Заставит себя представить, как издали идет навстречу его сон. Черный, как осенняя ночь, комок сначала надвигается на него, а потом тает.

И снова ползут мысли.

Ничего особенного в них нет. Так, старое вспоминается.

Встает перед глазами жена. «Как она сейчас?» — вздохнет Фомич. Неделю назад он отправил жену — сухонькую старушку — в больницу, в район. Она, конечно, не хотела ехать. Смогу, говорила, еще по дому управляться. Но болезнь не спросила, в последние три дня жена не вставала с постели.

Василий Фомич стал бояться, что она умрет. Один он тогда останется. Никого у него нет. Ни сына, ни дочери. С кем он будет коротать длинные вечера? Жена хоть и не разговаривает с ним, но всегда молчаливо со всем соглашается.

Так и не смог заснуть от души. Едва забрезжило, оставил теплую постель. Зажег свет. В большой комнате всё как у людей: телевизор, трюмо, вместительный шифоньер.

ПРОЗА

Фомич подошел к зеркалу, посмотрелся.

На него смотрел большеголовый человек с гладким, не смотря на возраст, лицом. Блестела под лампой лысая макушка. Крепкий он еще, Василий Фомич, как зачерствелая краюха хлеба. До самого рассвета ходил по дому, погруженный в невеселые мысли. Прополоскал горло вчерашним чаем, поставил варить суп, подмел пол. Забрел на веранду. Она широкая, с большими окнами. Сам хозяин не был мастеровым, дом строил сосед Игнатий. Деньги что хочешь сотворят.

Из окна веранды был виден двор, забор и часть соседнего двора. Там копошился старик одного возраста с ним, Федор Захарович. Одной рукой он приподнимал с травы пустые мешки и осматривал их. Другая была прижата к груди. Эта левая рука у него с детства покалечена.

Сосед собрал мешки и занес в сарай. Под дождем, наверно, их прополаскивал, теперь хочет сушить. На улице не просушишь — льет и льет. Всё небо обложено тучами, уже целую неделю не прояснялось. Фомича на сухой веранде озноб пронял при взгляде на осеннюю улицу. А Федор Захарович в фуфайке, в резиновых сапогах, накинул на голову какую-то рванину от дождя и отправился со двора.

«Не живется спокойно Федору, — думал Василий Фомич, возвращаясь с веранды в дом, — давно на пенсии, а в совхозе целыми днями пропадает. И кому под старость угодить хочет? Скоро вместе в земле валяться будем. Может, на год-два его переживу».

Суп уже был готов. Он ел с аппетитом. На аппетит он никогда не жаловался.

А Федор Захарович уже не отпускал от себя.

И что же он все-таки за человек? Ну, был председателем при маленьком колхозе, а затем в совхозе бригадиром. Всю жизнь горбился. А теперь-то что суетится? Ведь за семьдесят! Живи спокойно, в огороде, если хочешь, копайся, нет — прётся в бригаду. И подобных себе находит. Летом звено пенсионеров собрал. С молодежью, говорил, соревноваться. Ха!.. Василий Фомич презрительно хмыкнул. Много он насоревновался, однорукый. Конечно, не угнались за молодыми. Только воду мутит. Сейчас вот на уборку картошки пенсионеров сагитировал. Нужны они кому-то, старье. На полях, вон, техники полно, да и городские, как водится, помогут.

От мыслей этих, от ночи бессонной муторно было Василию Фомичу. Раньше, когда был помоложе, в такие моменты стакан водки пропускал, и злость таяла.

А сейчас нельзя, годы. Надо себя сберечь.

Взглянув в окно, выходящее на сельскую улицу, Фомич увидел людей с плетеными корзинками. Не иначе в лес собирались. Незнакомые. Наверно, в гости к кому-то приехали. Раз, два, три... пятеро! Весь лес оберут.

Фомич тут же вспомнил, что сухих грибов у него с прошлой зимы осталась лишь горстка. А грибной суп он любил. Без него и зима длинной покажется. Раза два в неделю они с женой варили грибной суп. Парили в печке. Вкусно.

Из-за ненастной погоды на улицу выходить ох как не хотелось. Но он все же оделся потеплее и окунулся в непогодь. За спиной пестерь, в руках набирушка. По дороге он ворчал про себя на тех пятерых, что раньше него пошли в лес. Ходят тут... Так и грибов не напасешься.

Дождь на время перестал. Шагал Василий Фомич широко, молодо. Чтобы не намочить, узкой тропой обошел березовую рощу. Вышел в бор, на грибное место. Лес он знал, как свои пять пальцев, знал все грибные места. Если не считать военных лет, никуда из родных краев не уезжал.

Осень выдалась грибной — земля еще была теплая, и дожди шли почти каждый день. Василий Фомич уже второй раз наполнил набирушку. Потом, как мальчишка, стал играть. Каждый гриб сравнивал с кем-то из сельчан. Вон там два подберезовика растут. Потянулись друг к другу, вроде как целоваться полезли. От этого ножки грибов получились кривоватыми. Фомич срезал их с удовольствием. Как у соседки Катерины ноги. А с ней он, как ни странно, всю жизнь ладил. В селе было мало людей, с кем ладил он. С Катериной же ни разу даже не поспорили.

А вот из-под мха гордо высунулась старая сыроежка. Шляпка синяя в лохмотьях. Как старуха Марья. Одевалась Марья хуже всех в селе. Детей у нее родилась орава, их надо было кормить-одевать, но задиристей и остроловней не водилось в селе бабы. Не раз попадал Василий Фомич к ней на язык. Ненавидел Марью он, поэтому и пнул сыроежку. Гриб разломался с молодым хрустом. Отлетела и покатилась шляпка. Белым, как снег, было сломанное место. Вот тебе и старый гриб. Точно, как Марья: на вид старуха старухой, а на вечеринках отплясывает, как девчонка какая.

А вот и Федор. Изуродованный, больной красноголовик. Бока насекомые съели. И прячется он за прутик березовый — видно, из случайного семечка этот березовый прутик вылез, а гриб вроде людей стесняется. Красноголовик Фомич обошел стороной, не стал связываться.

Этот гриб — уже он сам. Гордый подосиновик красовался среди вереска. Шляпка яркая набекрень. Смотрите, мол, ка-

ков я. Как такого молодца в набирушку не взять? Василий Фомич срезал ножку у самого основания после того, как вдольhalb налюбовался. Поднес к глазам. Надо же, казалось, красивый гриб, а из шляпки червяк выглядывает. «Ничего, я поживу еще, — успокоил себя Фомич. — Мной черви еще не скоро пообедают». А потом даже рассердился. Да что это с ним? Как ребенок заигрался.

Пересыпав третью набирушку в пестерь, Василий Фомич подумал, что теперь можно и зимовать. Осень прокормит, коли не поленишься. Глядишь, и еще пару раз в лес выберется.

На старую тропку, по которой он зашел в лес, он не попал. Пришлось шагать по другой. И как назло она вывела его к картофельному полю, где односельчане убирали урожай. Урчал картофелеуборочный комбайн. За ним виднелись маленькие фигурки людей. Фомич слышал, что совхозники уговорились работать каждый сам по себе, каждый побольше заработать хотел. А пенсионеры с Федором во главе решили собирать картошку сообща, деньги потом поровну поделить. Вон они, пенсионеры — кучка скрюченных стариков и старух копошились чуть поодаль от картофелекопалки.

Государству пособляют. Ну-ну, пусть работают. Он еще с ума не сошел. Он свое отработал.

Василий Фомич остановился. Хорошо бы обойти поле стороной. Но как? С краю ивняк, пойти по нему — до нитки промокнешь. К тому же люди на поле увидели вышедшего из леса человека, выпрямились, пристально всматриваются.

А, была не была, чего мне их бояться, — подумал Василий Фомич и снова направился к селу. Так бы и проплыл мимо бригады, если бы не Катерина.

— Василий Фомич, здравствуй! — дружелюбно прокричала она. — За грибами ходил?

Тут же вмешалась Марья. Ну и баба, везде сунется.

— Василий Фомич, Василий Фомич, — громко передразнила она. — Как гусь, Василий Фомич идет. Чего ты, Катерина, его останавливаешь, у него важных дел по горло.

— Надо же с человеком поздороваться, — ответила Катерина. — Василий Фомич, за грибами, спрашиваю, ходил?

— Да вот, обошел лес, — Фомич остановился около женщин, показал пустую набирушку, — ничего не попадается.

С тех пор, как жену увезли в больницу, он ни с кем не разговаривал. Поэтому ему захотелось потолковать с людьми, а то ведь так, поди, и совсем говорить разучишься.

— Урожай-то в этом году как? — спросил он. — Картофель как уродился?

— Крупная картошка, хорошая, — ответила Катерина, — только в кусте маловато.

— И сколько соберете?

— Не знаешь, разве? — съязвила Марья. — Сам же на собрании выступал с обязательствами.

Собрания Василий Фомич любил. Ни одного не пропускал. Хоть какое собрание — по подготовке к севу, по уборке урожая, по случаю Международного женского дня, — Фомич в первых рядах сидит в клубе. Ни в поле, ни на лугу после выхода на пенсию Василия Фомича не видели, а в зале — вот он, гладколицый, серьезный. Да не просто так сидит. Однотонным громким голосом обязательно речь толкнет.

Фомич со злостью взглянул на Марью. Опять задеть умудрилась. Так бы и пнул ее, как ту сыроежку. А она продолжала:

— Ты, Василий Фомич, только на собраниях первый. На поле тебя веревкой не затащишь. А ходишь по нему, как хозяин. Почему так?

— Я свое отработал, — хмуро сказал Фомич, озираясь по сторонам. Только сейчас он увидел, что среди пенсионеров почему-то нет Федора. — Я пенсию заслужил.

— Да много ли ты работал, Василий Фомич? — Марья подбоченилась и вопросительно уставилась на него. — От праздников, что ли, у тебя поясницу ломило?

Люди стали посмеиваться, вспомнив эту нетрудную работу Фомича.

После войны он был пожарным инспектором в селе. Теплое местечко нашел. Чем он в будние дни занимался, этого никто не знал, не видел. Зато в праздники... С портфелем под мышкой приходил к людям. В доме сидели за праздничным столом. Василий Фомич головой покрутит и без слов — к печке. Важно откроет заслонку, понюхает. Трубу откроет и там тоже что-то вынюхивает. Потом строгим голосом скажет:

— Неисправная у вас печка, товарищи. Топить нельзя, может случиться пожар. Сами сгорите и на другие дома огонь перекинется.

Поставит портфель на стол, потеснив закуски, вытащит какие-то бумаги. — Буду на печку пломбу ставить.

Но сельчане уже знали его штучки, не боялись. Подмигнет хозяйка гостям и говорит:

— Василий Фомич, не запломбируешь же сейчас, в праздник. Да и Покров скоро. Давай-ка ты, мил человек, нашу бражку испробуй.

Фомич по праздникам всегда ходил под хмельком и шутивого тона не замечал. Пропускал стакашек-другой и к сле-

дующей избе трогался. А потом ему всё трын-трава становилось. Пусть хоть всё село сгорит.

Очень тогда он выпить любил.

Поскорей бы старуху Марью Бог к себе прибрал.

Фомич в сердцах плюнул и пошел прочь от стариков. Глаза его то и дело натыкались на крупные клубни, поднятые на поверхность картофелекопалкой.

«Это, наверно, и есть сорт «Идеал», — подумал он. — Давно его люди хвалят. Надо бы и на своем огороде посадить».

Фомич оглянулся — уже далеко от бригады отошел, никто не видит. Присел на корточки и стал собирать тяжелые, как чугушки, розовые картофелины в набирушку. Делал это торопливо, поэтому не заметил, как к нему приблизился Федор Захарович — он ходил за валежником для костра. Нес подмышкой огромную вязанку.

Федор Захарович сочувственно посмотрел на жадно работающего соседа. Хотел как можно скорее пройти мимо, чтобы Василий Фомич его не заметил, да вдруг закашлялся. Фомич как-то смешно вздрогнул и съежился, словно его холодной водой облили. Потом встал, повернулся к Федору Захаровичу.

— Так и знал, что Федор выследит, — зло бросил он. — Опять учить начнешь или как?

— Что уж тебя учить, — с грустной усмешкой ответил Федор Захарович. — Мы с тобой от старости уже мхом обросли, теперь учи не учи... Ты всю жизнь прожил, как собака, что исподтишка укусить норовит. Ну вот чего ты прячешься? Не мог картошку при людях взять? Мы ведь тоже понемногу домой берем, хороший сорт, а где еще взять? — Федор Захарович покряхтел, поудобнее зажал валежник. — Нет, тайком всё. Знаешь, почему?

— Ну, почему?

— Чтобы на собрании себя в грудь кулаком стучать и нас упрекать: вот, мол, взяли на семена, а я не взял, я хороший, честный.

— Какое твое дело, что я на собрании говорить буду? — набычил голову Фомич. — Ты лучше скажи, почему всю жизнь меня выслеживаешь? Даже свой дом рядом с моим поставил, чтобы настроение мне с утра портить. На, подавись своей картошкой! — Он со злостью высыпал клубни из корзины. — Ох, задушил бы тебя, да не хочется из-за однокрылой вороны под старость тюремные углы подпирать.

От злости у Василия Фомича даже слезы выступили. Жалко ему себя стало. Он круто повернулся и, зло выбрасывая ноги из глинистой почвы, отправился вон от Федора.

Федор Захарович смотрел ему вслед и грустно кривился. Сколько лет живут они рядом, и всегда между ними черная кошка. А ведь одну-то жизнь хочется со всеми в согласии прожить.

В первый военный год Василий Фомич был председателем колхоза, поэтому на фронт его и не взяли. Но однажды поехал он за морошкой на лошади и утопил ее в болоте. Тогда-то и сняли с него бронь. А председателем выбрали Федора Захаровича. Он, правда, долго отбрыкивался:

— Не смогу я председателем, даже на счетах считать не умею.

— Твоя забота хлеб растить, побольше молока давать, картошки, мяса. А считать... считать парнишку шустрого назначишь, — сказал уполномоченный из района, раненный в ногу мужчина с печальными глазами.

На том и порешили. Федору в то время еще и тридцати не было. Его не взяли на войну из-за руки. В детстве он упал из окна и сломал ее. Рука срослась как-то неправильно, всю жизнь с ней мучился. Вроде бы и есть рука, а вроде и нету. С малых лет гонял коров, сначала односельчан, потом колхозное стадо доверили. Кабы не война, может, всю жизнь бы возился с буренками.

За два дня до того, как Фомичу отправляться на фронт, они повстречались у леса.

— О-о! — деланно весело протянул Василий Фомич. — Кого я вижу! Председатель идет!

Федор не обратил внимания на тон. Стал спрашивать о том, что волновало. Как ему работать с женщинами? Что посоветует бывший председатель?

Фомич слушал, презрительно сощурившись. Вот-вот засмеется злорадно.

— Вожжами их надо, баб-то! — наконец с недоброй усмешкой сказал он. — Добром ничего не выйдет.

— На злобе-то далеко ли уедешь?

— Запомни, Федор: баба только тогда подчинится, когда ее косу на кулак наматываешь. Слышал я, слышал, как ты ласково с ними разговариваешь, как по шерстке гладишь. — Василий Фомич почмокал губами, видно, нравилось, что с ним советуются. — Моя жена тоже говорит, что тебе их лодкой управлять надо, добрый, мол, ты. Не выйдет у тебя ничего, так-то.

— Может, отказаться всё же, пока не поздно, — как бы про себя бормотал Федор.

— Да брось ты! — Василий Фомич разозлился, рукой рубанул. — Раньше ты кто был? Пастух! А теперь? — Он многозначительно поднял указательный палец. — Председатель!

— Знал бы ты, Василий Фомич, лучшей работы, чем пастух, я бы и не искал. Если бы можно было обойти это время военное. И пусть бы меня детишки как раньше дразнили. — Федор улыбнулся. — Бегут за мной: однорукий, однорукий. Пусть бы. Завидую тебе — на фронт едешь.

Никогда раньше не упрекал Федор мать за то, что не удержала она его в детстве. А как началась война, в мыслях не раз ее за это ругал. Не упал бы из окна — тоже бы на фронте был. Никогда раньше не ранили его так сильно насмешки детей. И всё же надеялся он, что его, в конце концов, возьмут на войну. Он всегда вызывался сопровождать призывников в райцентр. Сначала брали мужиков, потом дошли до молодых парней. Любого из них Федор мог побороть одной здоровой рукой. А вот не пускали на фронт. Около военкомата он отирался, возле людей с погонами, левую руку прятал. Ждал, что ему вот-вот скажут: что же ты, молодец-удалец, не на фронте, в тылу околачиваешься? Ну-ка, марш в военкомат.

Но парней забирали, а он, опустив голову, возвращался домой.

Особенно тяжело было, когда кому-нибудь в селе приходила похоронка. Он старался не показываться на глаза новой вдовы. Считал себя виноватым за то, что ее муж уже в земле лежит, а он с бабами да коровами воюет.

И Федор Захарович уходил в лес. Деревья рассасывали его боль, как подорожник — раны.

А кричать на женщин он не мог. Жалел их. Только один раз нехорошо вышло.

Было это в третью осень от начала войны.

Целый день женщины молотили на току рожь — рожь они тогда сеяли. Снопы избивали так, словно срывали на них свою злость за военные горести, за похоронки, за голод и холод, за работу неженскую, непосильную.

После школы пришли помогать дети. Пришли и сыновья Марья. Посмотрела Марья на мальчишек, на их тонкие-тонкие, выглядывающие из штанин босые ноги, и жалость сдавила сердце. Недоедают мальчишки, вечно голодные. Подождав, пока другие женщины отойдут к новым снопам, Марья быстро сунула в нагрудные карманы курточек сыновей по горсти зерна. И не заметила, как из-за кустов показался Федор Захарович. Он, подумав, что это уже не первая горсть, и не первый раз Марья поступает так, закричал:

— Как тебе не стыдно, Марья! Под суд захотела? Ишь, гляди-ка: на колхозный хлеб рот разеваешь. А ну, повыворачивайте карманы! — кинулся он к мальчикам. — И ты, Марья, свои тоже показывай!

— Карманы? На, смотри! — женщина с ожесточением стала выворачивать свои пустые карманы. — Много наворова-ла, много? Эх ты, такой же кровопийца, как Василий Фомич!

Федор растерянно смотрел на эту картину. Потом правая рука его стала подниматься вверх, будто хотел заслонить ею солнце. Другая, покалеченная, спешила вслед за правой, но поднялась только до плеча.

— С-спасибо за сравнение, Марья! — от волнения Федор даже заикаться начал.

Дети испуганно переводили взгляды с разгневанной женщины на председателя. Сыновья Марьи едва не плакали. Неуютно чувствовали себя и колхозницы.

Федор Захарович резко повернулся на пятках и, прижав покалеченную руку к груди, двинулся к роще. Остановился на секунду, хлопнул руками по бокам. Левая почти не шевельнулась. Получилось похоже на однокрылую ворону, которая пыталась взлететь да не смогла.

Женщины забросали Марью вопросами: чего председа-тель на нее налетел? Марья рассказывала, а из глаз текли слезы. Не все, видно, по убитому мужу выплакала. Достало-сь и детям. Жилистым кулаком ткнула старшего в бок:

— Из-за вас всё! Глаза бы вас не видали!

Мальчик скривился от боли, но заплакать побоялся. Боязливо переминался с ноги на ногу и второй.

А Федор долго бродил в лесу. Ранило его то, что с Фомичом сравнили. Нет, видно, никто его добром не вспомнит, как был он однокрылой вороной, так ею и останется. Не заметил, как оказался на гороховом поле. Услышал впереди себя шелест. Свернул туда, думал, что ребятня горохом лакомится, хотел прогнать. И вдруг увидел: под гибким гороховым переплете-нием, стараясь казаться как можно меньше, корчился в не-удобной позе дед Филипп.

До войны лишь дед Филипп относился к Федору серьезно. Лишь ему он мог раскрыть душу. Другим односельчанам суж-дения его казались смешными. Пастух о жизни человечес-кой говорил, о ее смысле. Никому это не было нужно. А с дедом Филиппом мог беседовать подолгу.

Как-то на Пасху двое мужиков в селе затеяли драку. Дра-лись ожесточенно, тот, что помоложе, уже кровью изошел. Сельчане не вмешивались. Стояли, глазели. Только Федор со своей одной рукой полез разнимать. Ну, и ему досталось. Дед

Филипп силком увел его на свое крыльцо и там, после выпитого вина, которым их угостила его сноха, Федор делился думами.

— Долог ли людской век? Лет восемьдесят-девять — самое большое. Встретил бы я человека из другой страны — целоваться бы с ним стал только за то, что в одно время живем. Почти в одно время нас и не станет. А мы друг другу жизнь портим...

Увидев Федора на гороховом поле, дед Филипп побледнел, тонкие руки над головой поднял, как будто председатель его ударить собрался.

— Не говори никому, Федор, — стал умолять он. — Ради моих сыновей не стыди.

Сыновья Филиппа воевали, жена умерла. Жил он у снохи, у которой росли маленькие, как пуговицы, дети. Ей приходилось кормить не только двух дочек, но и его, старика. Он у снохи есть стыдился, считал, что не его эта еда. От голода старика уже плохо носили ноги.

— Пришел гороха поесть, — оправдывался он. — Не могу у детей еду отнимать.

Но и здесь он не ел. Лишь несколько пустых стручков валялось рядом. Остальные собирал в темный мешочек, висящий на шее. «Для внучек» — догадался Федор.

Не ругал его председатель. Сел на землю рядом. Долго толковали со старым человеком. Потом со стороны леса услышали детские голоса. Дети вышли по узенькому путику с набирушками, наполненными брусникой. Увидели Федора Захаровича и остолбенели. Набирушки за спину спрятали.

— За брусникой ходили? — как можно мягче спросил Федор Захарович.

Он понял, почему испугались дети. Василий Фомич в бытность свою председателем поджидал людей, которые уходили в лес. Он коршуном налетал на них, отбирал корзины, переворачивал их вверх дном и топтал ягоды.

— Шляетесь! — кричал он. — Животы набиваете! А работать не хотите?! Работать надо! Всем работать!

Федор подошел к белоголовому мальчику, взял одну ягоду из набирушки, попробовал. Погладил мальчика по голове.

— Идите домой, скоро стемнеет, — только и сказал он. Потом повернулся и зашагал к селу.

После той встречи с дедом Филиппом Федор каждый вечер приносил старику что-нибудь поесть. Но всё же дед скоро помер. Выяснилось, что он и его, Федора, еду отдавал детям.

Рассерженный Василий Фомич шагал к селу. Жизнь свою в голове как за ниточку разматывал. Ничего, поживет еще. Назло Федору поживет. Пусть только жена из больницы своими ногами домой придет. Могут ведь и лежачую выписать, нянчи потом, как ребенка.

Он уже вошел в село, как услышал сзади громкий окрик:
— Василий Фомич!

От неожиданности Фомич даже споткнулся. Оглянулся с досадой. Его догоняла Нина, молодая еще женщина. Почему-то она была не в поле.

— Чего орешь во всё горло? — недовольно спросил Василий Фомич. — Напугала ведь.

— Извини, Василий Фомич. Я вот чего... Может, тебе по дому помочь надо?

— Не надо, сам управлюсь, — буркнул он, последовав дальше.

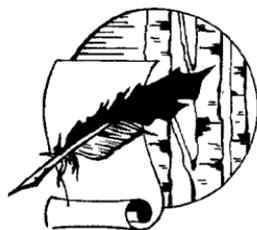
«Вот люди как почитают, — думал он. — Всю жизнь Василием Фомичем величают. А Федор как был Федором, так им и остался. Ворона однокрылая. Умрешь, даже посмотреть не приду», — мысленно пообещал он ему.

Стараясь не глядеть на дом ненавистного соседа, Фомич поднялся на крыльцо, прошел на веранду. Где-то здесь у жены должны быть кнопки. Нашел помятую коробку, где лежало несколько штук. Притащил старые газеты.

Пришлось израсходовать несколько газет, чтобы закрыть широкое окно веранды. Не хотел, чтобы кусок двора Федора мозолил глаза, бередил душу.

Василий Фомич считал, что у него тоже была душа.

г. Сыктывкар

Олег МОШНИКОВ

О, ВРЕМЯ, НЕ СПЕШИ!

* * *

Под зарево свечного иван-чая
И всполохи малиновых камней:
Поклон земле — не мыслим без печали,
Любови вепсской памяти моей.

Желтеет лист в болотном мелколесье...
Закрой глаза мечтательно, на миг:
Лебяжий клик, звенящий в поднебесье,
Позвал с собой и — за лесами стих.

* * *

Перелётов небесных радость
Отзовётся — сердечным стуком...
Без дождей не бывает радуг,
Без колодца и дров — досуга.

Не услышать окраин, где бы
Интернет выдавал подсказки:
Голосит синевою небо,
Журавлиные рвутся связки!

* * *

Русское славное имя
В сердце до капли втекло:
В небо — глазами родными
Буду глядеть сквозь него.

Застит былинное солнце
Дым порубежных застав, —
Знаю, «на вы» ратоборцев
Князь поведёт Ростислав...

С княжеским именем сыну
Отдал как будто бы я
Тень вереницы гусиной,
Зябкий восторг бытия.

* * *

Ну, здравствуй, дуб, железная кора!
Литые швы, зазубрины и вехи —
Хранят Петрозаводского двора
Источенные временем доспехи.

Порывами — вздыхает великан,
Кольчужный лист вздымается знакомо:
Привычный к среднерусским берегам —
Ты встал на страже северного дома.

Раскидистый... Склонился надо мной.
Горит щека. Покоен шорох сердца.
Шершавый ствол, залатанный, родной,
Из тайных пор — выпрастывает детство.

* * *

Воспоминанья, связанные с нами,
За горы и моря перенесут —
И с детских лет приметливая память
Укажет тропку верную в лесу.

Мечтательно, неспешно, осторожно...
Придерживая ветки на пути,
Избушку не вспугни — на курьих ножках,
В замшелой чаще Лихо не буди.

И без того душе озябшей дрожко,
Не мил поклон околицам другим...
Клубок заветный катится — дорожкой
К родному дому, к людям дорогим.

* * *

Небоводье Волги.
Травостой Алтая.
Путь проделав долгий,
В сказку попадая, —

В Херсонесе крымском,
В деревянных Кижях, —
Щебет внучки близко,
Звон воскресный слышен!

Плат озёрный брошен,
Поднял лес гребёнку..
В мир ступая Божий,
Руку дай ребёнку.

ПОДЛЕСОК

Проглянут сонные листы
Из почки, солнышком согретой.
Упал в траву клубок весны...
В богатых сарафанах лета.
Ступает на поляны лес
Со статью ивовую, женской.
Просвет тропы грибной исчез...
Осенних красок совершенство
Хранит от северной тоски,
Сомлевший лист оставив маю.
Из этих глин растут стихи
И тихо в сердце опадают.

ПОКЛОННЫЙ КРЕСТ

За полями — лес.
На пригорке крест.
Пыль покрыла куст
Придорожный.

И сказал Иисус
Шедшему Петру
Позади других, осторожно:
— Не гляди на всех,

Ты за мной гряди!
Всяк окольный путь
Будет ложным...

Тыщи лет прошло.
Помнит Русь Петра.
Вера. Слабость. Стыд.
Час тревожный.
Над Россией крест
Вознесён не зря:
Миновать его
Невозможно.

* * *

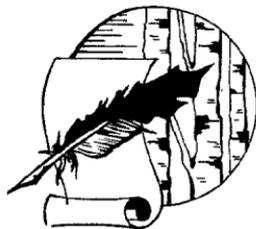
Мелодия «Часы» —
Малиновые звуки!
Зайдя на огонек,
Друзья выходят вон:

В распахнутых дверях,
Растягивая муки,
О теменную кость
Дробится ксилофон.

Мелодия «Часы» —
Пароль шестидесятых.
Не знает коренной
Протяжнее вожжи!

Бубенчики — в ушах,
И флейта — на запятках...
О, задержись в дверях,
О, Время, не спеши!

г. Петрозаводск

Вита ПШЕНИЧНАЯ

ПОКА МЫ ЖИВЫ

НА ТИХОМ ОЗЕРЕ

Прими, как Божью благодать,
И этот лист, к ногам упавший,
И озера стальную гладь,
И день, мгновеньем чьим-то ставший.

Чтоб жизнь ничуть не торопя,
На мелкую распавшись крошку,
Звезда упала бы в ладошку,
Благословляя и любя.

* * *

Неба — частичка, солнца — гроздь,
Пястка детского смеха.
То, что вчера не задалось,
Канет во тьму эхом.

Не унывай, не ропщи, не плачь,
Не суетись — пустое.
День, в тёмный одетый плащ,
У Вечности на постое.

Ночь подступает — обнять, распять,
Заговорить снами.
Но исцелит зоревая прядь,
К оконной прильнув раме.

Всё разрешится, всему свой срок
Схлынуть с дождём-градом.
Вон, как птицы полёт высок...
Не суетись — не надо.

* * *

Алексею Полуботе

Бессмертный полк «шагал» в сердцах людей —
Не до салютов. Нынче всё иначе:
Двухсотые, трехсотые, прилёты...
Успеть бы до укрытий добежать.

А май уже почти всю расцвёл —
Черемуховый рай парил над снытью,
И солнца одуванчиков в полях
Манящие разглядывали выси...

Не до салютов. Нынче всё не так.
И кубики не сбрасывай — пустое.
Судьба сегодня ленточке подобна,
Протянутою вдоль земного ада.

Успеть бы до укрытий добежать,
Успеть бы уберечься от бомбёжки...
А где-то сына провожала мать,
На скорую с ним уповая встречу.

И по бездонной синеве небес,
Бессмертный полк шагал и пел «Катюшу»,
И множились, и ширились ряды
И Вечность расступалась перед ними...

* * *

Отшумело, отшаманило грозой в окна,
Ошарашенно озираются в парке клёны да тополя.
Кажется, вся Вселенная насквозь промокла,
И бредёт, шлёпая по лужам, девчонка-Земля.
Улыбаясь, наклоняет голову то в одну сторону,
То в другую... Каплями-веснушками дразня,
И невдомёк двадцать первому веку-ворону,
Что она чем-то похожа на маленькую меня.

Это я улыбаюсь, это я неуклюже падаю,
Засмотревшись то на растрепанную траву, то на ясную высь,
Это я день уходящий закату сватаю,
С именем жизни, потому что я и есть жизнь.

А теперь мне молчать, про себя повторять заученно:
«Слава богу за всё — и того, и сего поровну,
Вон, как небо опять заволокло тучами...»
И глаза опускать.
И отходить.
В сторону.

* * *

Я стерегу твой сон, мой маленький внучок,
Смотрю, как одуван плывёт по небу пухом,
Как сеть свою плетёт трудяга-паучок...
И становлюсь сама и зрением, и слухом.

На жизни есть своя особая печать,
Её ты отличишь из множества отметин,
Но часто не понять — то ль плакать, то ль молчать
О том, что одинок, что грешен, слаб и смертен.

У Августа глаза — колодезная глубь,
В нём горе горевать, наверное, некстати.
И ветер невзначай смахнёт слезинку с губ,
Покуда сладко спит мой маленький Создатель.

* * *

Сибирской деревеньке Укар

Дорогие деревеньки,
Заповедные места,
Там легко, как со ступеньки,
Капля падает с листа
Тихо-тихо, звонко-звонко
На прожилки в сто дорог.
Там у каждого ребёнка
В сердце свой, всемудрый Бог.
Там берёз струятся косы
У подножий бурных рек,
Там глядятся зори в росы,

Провожая день, как век.
Там протоптана тропинка
В баньку, в сад, за огород.
А журавль, как тростинка,
Подпирает неба свод.
Под навесом сохнет сено,
Сложен дров неровный ряд,
Молока парного пена
Так притягивает взгляд —
Пьёшь, и снова — здравствуй, Детство,
Мой почти забытый рай!
И весёлое соседство,
И ворон горластых грай.
Вон — смеются тётя с мамой,
Вон — приехал брат с отцом...
А в сенях над всяким хламом
Сохнет мята с чабрецом...
Дозревает каша в печке,
На столе лежит кедрач,
И подкова над крылечком
Бережёт от неудач.

Деревеньки... Божья пристань...
Неземная благодать.
За туманом серебристым
Вас почти что не видеть.

За годами грозowymi
За годами непогод
Хорошо, коль вспомнишь имя,
Угадаешь поворот.
Наберёшь черники жменьку
Да, смочив водой уста,
Вспомнишь милой деревеньки
Заповедные места...

* * *

Владимиру Савинову

Пока мы живы на этом свете,
Мы только дети, Его лишь дети.
Большие, маленькие — не важно:
Его частичка живёт в каждом.

Пока мы живы, пока мы живы —
Мы ввысь рвёмся, мы рвём жилы,
Кто на подсесе, кто на обгоне,
Кто под защитой, кто в обороне.

Пока мы живы... Кукуй, кукушка,
Звезда — падай, звени — речушка,
Сияй — солнце, нас осеняя
Теплом отчим в зените мая.

Пока мы живы на свете этом,
Бывать — зимам, бывать — летам,
Расти — травам, парить — птицам...
А нам, грешным, дай бог, сбыться.

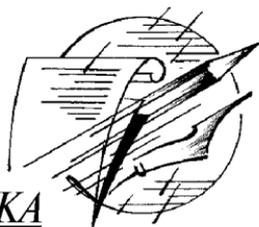
г. Псков

ПОКОНЧИТЬ С НОВОЙ ХАЗАРИЕЙ

Прошло более двух с половиной лет с начала проведения Специальной военной операции (СВО). Если сопоставить это время с событиями Великой Отечественной войны (июнь 1941 — декабрь 1943), то можно видеть, что аналогичный временной период знаменовал собой громадные по масштабам события: победа в Сталинградской битве (17 июля 1942 года — 2 февраля 1943 года), Битва за Кавказ (25 июля 1942 года — 9 октября 1943 года), Курская битва (5 июля 1943 года — 23 августа 1943 года). И вообще, как известно, 1943-й стал годом коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн.

В настоящее время мы пока не знаем, по каким периодам в военном ведомстве рассматриваются или будут рассматриваться в будущем боевые действия, проводимые в ходе СВО. Скорее всего, серьёзную аналитику мы сможем получить не скоро, для этого должны пройти годы после нашей окончательной победы, сроков которой пока не может спрогнозировать никто.

Да и вообще, реально ли сейчас подвести какие-то итоги СВО? Сказать трудно, и пока не хочется этого делать, потому что они не столь очевидны и грандиозны,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

как это было во время Отечественной войны. Достижения и результаты СВО несопоставимы. И, наверное, будущим поколениям историков придётся серьезно поработать над феноменом ведения сегодняшней СВО, которая в череде военных побед Русского оружия, одержанных нашим народом на протяжении столетий, займет какое-то очень особенное место.

Прискорбно видеть настоящее развитие ситуации в Курской области, где было осуществлено нападение войск ВСУ на наши территории. Оно отягощает в целом общее восприятие российскими гражданами положения дел не только на фронте, но и в самом Министерстве Обороны, вызывает неуверенность в его способности и возможности не только реагировать на возникающие форсмажорные обстоятельства, которых на любой войне всегда достаточно, но и осуществлять планирование будущих действий своих войск и прогноз возможных действий противника. В этом отношении наш генералитет пока справляться должным образом не может по различным причинам, рассмотрение которых заняло бы много времени. Да мы и не ставим такой задачи.

Непонятны и вводимые в информационный обиход новые военные термины, которые гуляют по различным новостным телеканалам. Например — «выдавливание противника». В военной науке такого вида боевых действий нет. Что означает понятие «выдавливание», по мнению озвучивающих его корреспондентов, политологов и блогеров, военному человеку и простому гражданину это трудно представить. По-видимому, такое слово означает, что наши войска вместо уничтожения противника будут выдавливать его в соседнюю область, на территорию воюющей Украины, где он снова соберется с силами и через некоторое время, восстановившись, пополнив личный состав и вооружение, с новой силой обрушится на нашу Родину.

Анализ действий руководства Украины на полях сражений в Курской области наглядно показывает, что все происшедшие там события, как и те, которые еще не случились, но, к сожалению, могут произойти, скорее всего имеют одну цель — подрыв доверия к российской власти, ведущий к системной внутренней дестабилизации России. И это нашим противникам уже удается.

Убедившись к 2023 году, что военным путем одолеть Россию не получается, наш главный враг — Запад — решил прибегнуть к стратегии нанесения удара изнутри. Именно этой цели подчинены все его действия, которые тщательно просчитаны. В любом случае Запад останется в выигрыше: если удастся разрушить Россию изнутри, то он получит всё; если же этого не удастся сделать, то он просто потеряет своего «ну-

кера-исполнителя» — Украину. С учетом принятых ставок, риск более чем оправдан.

Поэтому англоязычные спецслужбы с ведома политических кругов коллективного Запада и с его одобрения будут и дальше при помощи различных инструментов (включая ВСУ, террористов, представителей российской пятой колонны и откровенных предателей) раскачивать внутривнутриполитическую ситуацию, нанося множественные «уколы» по нашей стране и пытаясь получить результат в виде постепенного подрыва у населения доверия к российской власти. Тем более, что сама власть не стремится вести с народом честный диалог, показывать ему правду о том, что творится в районах, где ведутся боевые действия.

Казалось бы, враг вторгся на нашу землю, бесчинствует на ней. Разрушает дома, местную инфраструктуру, убивает мирных граждан, среди которых много стариков, женщин и детей, насилует, мародерствует, калечит, издевается. А мы как-то бездумно реагируем на это вторжение, уповая на то, что власть с уверенностью обещала за три дня разобраться с украинскими боевиками.

Но противник успел захватить три района Курской области! Как такое могло произойти? Ведь еще до свершившихся событий по оценке различных блогеров общая группировка противника в данном приграничном районе достигала двадцати тысяч человек — около десяти полнокровных бригад, укомплектованных мотивированными бойцами, прошедшими подготовку в Европейских странах. Такая большая концентрация войск в сопредельной с Курской Сумской области должна была привлечь внимание нашей разведки! Но противника не заметили и не приняли соответствующих мер! Почему?

Зная, что в нашей стране представители власти на местах крайне безынициативны и ничего самостоятельно не делают без согласования с Центром, можно смело предположить, что никто из чиновников не знает истинного положения дел в области — где противник и что он делает. Организованной эвакуацией населения чаще всего занимаются волонтеры, которых местные власти даже не обеспечивают топливом, медикаментами и другими необходимыми материалами для их деятельности.

По информации от тех же волонтеров, в городах и поселках не осуществляются работы по защите критически важных объектов, на дорогах нет вооруженных блокпостов, нет нарядов милиции или хоть каких-нибудь отрядов добровольной народной дружины. Для людей нет наглядной разъяснительной информации о том, что им делать в условиях нападения противника, кому звонить, где искать ближайшие убежища, куда эвакуироваться.

Куда ни глянь, так же, как везде у нас в России, на пострадавших территориях идет имитация мирной жизни. Отношение к СВО у многих граждан складывается иллюзорное, как о какой-то войне, ведущейся на другом конце планеты, в соседнем полушарии. Создается впечатление, что не только в этой области, но и во всей России мы не способны открыто показать всем свою уверенность в победе. Видимо, украинское руководство это видит и понимает, поэтому в военном плане демонстративно переходит все красные и другие немислимые линии относительно действий против нас.

В свою очередь, нашим военным ведомством до сих пор не проведен анализ причин такого мощного вторжения врага на Российскую территорию, совершённого впервые за все время СВО. Не были сделаны организационные выводы, дающие ответы на вопросы: кто виноват, почему так произошло, где были части территориальной обороны? Почему имевшиеся в приграничных районах войска отвели от границы? Почему в области не подготовили районы обороны с границей Украины, хотя деньги на это и на подготовку всех инженерных сооружений были выделены? Вопросов каждый день возникает все больше и больше, но ответов на них от официальных лиц нет!

Кто вовремя не принял решение, кто проигнорировал развединформацию, если она была? До сих пор нам не показали даже карты Курской области с указанием занятых врагом территорий. Но страна должна видеть, что там происходит, какие земли мы потеряли на данный момент. И хотя из наших СМИ известно об очень больших потерях противника, он, тем не менее, продолжает упорно защищать занятые территории Курской области! Значит, продолжают существовать пути подвоза к захватчикам боеприпасов, вооружения и личного состава! Почему?

Нашему народу надо знать достоверную, честную информацию о положении дел на фронтах, как на территориях Украины, так и в России. Потому что нашим солдатам — сыновьям, мужьям, отцам — придется их освобождать, проливая свою кровь, отдавая здоровье и саму жизнь ради восстановления нормального существования обычных граждан, а не ради совершенных кем-то просчетов и ошибок. Поэтому тем, кто так ошибается, не стоит забывать известное высказывание товарища Сталина о том, что «у каждой проблемы есть фамилия, имя и отчество». Рано или поздно, народ обязательно узнает не только своих героев, но и антигероев!

Тем более что руководство страны прекрасно понимает, что россияне не живут в информационном вакууме. Активно и

бесперебойно работает бесконтрольный и никем не проверяемый Интернет. Существуют какие-то карты, написанные блогерами, которые не являются уполномоченными представителями официальных государственных структур. Социальные сети забиты видеороликами, комментариями и другой, в том числе вражеской информацией, которую потребляют наши сограждане, не получающие правдивых новостей от своего государства. Но именно эта информация, не проверенная никем, вносит порой смятение, сумятицу и неразбериху в сознание россиян. При этом всем известно, что подача честной, выверенной и объективной информации населению — это прерогатива государства, Министерства Обороны. Но они молчат.

Такое положение пагубно влияет на всех, особенно на молодежь, которая постепенно разочаровывается в правильности выбранного нашей властью курса на осуществление изменений в обществе и проведение СВО. В итоге от информационной недоработки никто, кроме недругов России, не получает какой-либо выгоды или преимущества.

Телевизионные информационные сообщения переполнены только сведениями об эвакуации населения из районов ведения боевых действий, в которых бодро рассказывается о поддержке пострадавших всем необходимым, направляемым из других регионов страны, о примерах оказания помощи населению добровольцами и волонтерами. Всё это дополняют видеосюжеты о нанесении нашими военными ракетных, артиллерийских ударов и атак дронами по каким-то целям в Курской области, где располагаются украинские боевики.

Такой подачи информации от официальных государственных источников явно недостаточно для оповещения наших граждан о том, что происходит в зоне СВО и приграничных с Украиной российских областях.

Мы продолжаем серьезно проигрывать информационную войну. У нас до сих пор нет системы информационного обеспечения СВО! По факту получается, что ни одна из военных и гражданских организаций в стране всерьез не занимается противодействием развязанной против нас психологической войне, вопросами контр- и спецпропаганды, которые должны вестись одновременно с войной на линии фронта.

И если контрпропагандой в качестве противодействия пропаганде противника и его враждебному влиянию мы все-таки проводим со своим населением хотя бы поверхностную работу через отечественные СМИ, то спецпропагандой, то есть воздействием на психологическую устойчивость и моральный дух личного состава противника и населения Украины, мы совсем не занимаемся, ничего в данном направлении не предпринимая.

Но разве информирование населения противника об истинных целях и задачах СВО не является нашей первоочередной задачей? Вместе с тем никто не отменял и тысячелетнее искусство сеять раздор в рядах противника с помощью дезинформации и манипуляции его сознанием, чем активно пользуются наши враги и чего мы почему-то не делаем.

Мы видим, что враг не сломлен. Он упорно и смело воюет на фронтах СВО. Это происходит потому, что все информационные агентства Украины, ее телеведущие и военкоры в круглосуточном режиме вещают населению, что украинцы борются со своим заклятым врагом — Россией. Военные, политики, чиновники, официальные медийные лица и эксперты регулярно выступают на всех каналах, во всевозможных радио и телепрограммах, в ходе которых населению делается «прививка» ненависти к России и нашему народу, даются конкретные указания, как вести себя в условиях военных действий, в том числе после прихода российских войск, разъясняется, как держать оборону, где и какое оружие получать. Бесперебойно дается информация о политической и военной обстановке за очередной день боев.

До начала СВО, благодаря усилиям нашей пропаганды, мы были абсолютно уверены, что СВО — это дело нескольких дней, максимум пары недель. Через СМИ нам давали понять, что достаточно ввести на территорию Украины крупную Российскую армейскую группировку, показать визуальнo местным жителям нашу военную мощь и силу, и Вооруженные силы Украины массово перейдут на нашу сторону. Но этого не произошло. Соответствующие ведомства, включая МИД и крупные разведывательные структуры, не смогли правильно проанализировать реакцию украинского народа на наше вторжение! Судя по поступавшим и поступающим многочисленным комментариям, в том числе и моих знакомых и близких, живущих на Украине, почти весь украинский народ, как украиноязычный, так и русскоязычный, воспринял это нападение как плевок в сторону всех украинцев!

И вот уже скоро три года как на фронтах СВО украинцы ведут упорную борьбу против наших Вооруженных сил, не сдавая без боя ни один населенный пункт. А мы всё это время продолжаем восторженно сообщать о том, сколько украинских боевиков убито за очередной день войны, забывая, что речь идет не о классическом враге, напавшем на нашу Родину, а о наших братьях и ближайших соседях, о больных зомбированных людях, среди которых всё еще много тех, кто не забыл о своих российских корнях.

Становится горестно оттого, что мы, вернее, те, кто обязан это делать, почему-то не можем влиять на теле- и радиоэфир информационного пространства Украины, не проводим необходимых мероприятий и действий по спецпропаганде. В результате такой однобокой политики — только силового подавления противника — гибнут не только украинцы, но и наши доблестные воины.

Жизни скольких людей с обеих сторон сохранило бы знание населением Украины той истины, что мы воюем не против украинского народа, а против Киевского фашистского режима. Но на Украине никто народу об этом не говорит, и поэтому кровопролитная война, конца и края которой пока не видно, продолжается. И ни у кого, в том числе у тех, кто по роду своей деятельности напрямую отвечает за информационную войну, не возникает закономерных вопросов: «Почему украинцы готовы умирать за Зеленского и олигархов? Почему украинцы так отчаянно сопротивляются, даже осознавая безнадежность своей ситуации? Почему на фронтах Донбасса упорно не желали сдаваться и сидели в подвалах фактически без еды и воды нацисты из «Азова» и остатки других разбитых подразделений?»

Существуют различные объяснения такого поведения украинцев. Возможно, одно из них заключается в том, что территориальное образование, которое сегодня называется Украиной, многие столетия не имело собственной государственности. После вторжения на Русь Золотой орды эти древнерусские территории в разное время становились частями иных государств (Золотая Орда, Крымское ханство, Великое княжество Литовское, Королевство Польское), среди которых достаточно упомянуть Княжество Литовское (языческие племена литовцев совершали набеги на земли Руси с конца XII века), которое в 1569 году по Люблинской унии объединилось с Королевством Польским в Речь Посполитую.

В состав Российской империи большая часть будущей Украины вошла после разделов Польши (1772—1795) и завоевания Россией Крымского ханства, и только в XIX веке здесь стал развиваться навязанный извне украинский национализм. А до всех этих событий Киевская Русь постоянно боролась за сферы влияния с соседним Хазарским каганатом, что также повлияло на формирование менталитета жителей территорий, из которых впоследствии была образована Украина.

На протяжении столетий это образование не имело собственной государственности, кроме полутора лет неудачного существования своей национальной республики, провозглашенной в 1917 году на осколках Российской империи, и совре-

менного периода, начавшегося после развала СССР с провозглашения 1 декабря 1991 года своей независимости.

Столь длительное морально-нравственное состояние в роли холопов-провинциалов, жизнь под влиянием и руководством иноземцев и соседей, считавших жителей Малороссии и Новороссии людьми второго сорта, выработало у части из них стойкое раздражение к завоевателям, будь то москали или ляхи. Это было ярко продемонстрировано во время Второй мировой войны, когда украинские националисты с одинаковой жестокостью и садизмом убивали мирных жителей Советского Союза и Польши.

Украинцы-малороссы, в отличие от Западной Украины, так и не создали свою собственную национальную элиту — дворянство, и не забыли времена, когда народом руководили люди из соседних государств. Используя эту болевую точку как «историческую несправедливость», коллективный Запад в течение последних столетий исподволь, медленно, но настойчиво разжигал националистические настроения украинцев против русских и поддерживал накал их борьбы за самостоятельность и независимость от бывшего Отечества, провоцируя обе стороны на взаимную конфронтацию.

Во время существования СССР эти националистические настроения, особенно в Западных областях Украины, были внешне преодолены, однако украинский нацизм не исчез, он только перешел в латентное состояние. Поэтому после развала СССР, благодаря прежде всего руководителям УССР и активным украинским националистам, нацизм на Украине получил второе дыхание и стал основным орудием украинизации всех регионов Украины, даже тех, которые прежде никогда не ощущали его присутствие на своих землях. Достаточно напомнить, что территориально Украина вышла за пределы исторической Галичины, которую можно было бы отнести к ареалу обитания людей украинского типа, и стала значительно больше благодаря усилиям Ленина и Хрущева.

Как известно, история часто повторяется. В нашем случае это случилось с Украиной. В своем развитии и становлении как самостоятельного государства она пошла по пути древнего Хазарского каганата, в котором элиту составляли иудейские вожди, а воинами были храбрые славянские и тюркские язычники.

Впервые за долгие века у тех, кто стал позиционировать себя в качестве представителей отдельной нации, — украинцев, проявилась национальная гордость. На политической карте мира появилась независимая страна со своим государственным языком и национальной культурой. Нацисты-

бандеровцы, при поддержке верховной власти, возглавили и повернули развитие и формирование Украины в сторону фашизации.

Вследствие мощной националистической пропаганды, проводимой на средства США и Запада, миллионы наших бывших соотечественников постепенно, год за годом, зомбировались. Из вменяемых людей они превратились в упертых идиотов, которых при разговоре о России начинает переполнять радость от вскипающей в них ненависти к нашей и когда-то их родной стране.

В течение последних десяти лет национальное чувство народа Украины разжигается враждой к России, инакомыслие считается государственным преступлением. Украина переродилась в фашиствующее государство, которое сформировалось по принципу: «Одна вера (сатанизм), один язык, один народ».

Таким образом возле наших границ образовалось не просто новое государство, а анти-Россия, солдаты которой показывают на полях сражений твердость и стойкость в борьбе за свою страну. Изменить что-то в сложившейся ситуации пока еще можно. Но для этого нужна безотлагательная, активная работа по информационному обеспечению СВО. Необходимо срочно создать систему спецпропаганды. Организовать высокопрофессиональную психологическо-информационную структуру для работы с населением Украины и ее Вооруженными силами.

В современных гибридных войнах спецпропаганда не менее важная составляющая любой холодной и горячей войны, чем применение вооруженных сил и воздействие на противника силой оружия. А порой она даже более эффективна, чем оружие.

Вне сомнения, сделать это не просто. Но главное здесь — желание, искреннее желание принимающих решение лиц спасти свой народ и Родину! В такой отчаянной ситуации нужна сильная государственная поддержка на самом высоком уровне, нужны подготовленные кадры, нужны средства и не только технические. Если говорить о минимуме, то в ближайшие сроки необходимо сделать хотя бы так, как это создано на Украине, — организовать подразделения информационно-психологических и спецпропагандистских операций. Все расходы и издержки будут оправданы, и что важнее всего — мы сохраним драгоценные жизни наших воинов! Разве может быть что-то более значимым для нашей страны, ведущей войну за свое выживание.

В психологической войне, интенсивность которой сегодня только нарастает, против нас воюют очень подготовлен-

ные специалисты из государственных учреждений США, Британии, Франции, Германии, Польши. Они работают по тщательно разработанным методикам и шаблонам, созданным для информационного и психологического воздействия на население нашей страны. А у нас ничего в этом отношении не делается, кроме попыток убедить самих себя и свое население в правильности собственных действий.

Получается, что забывшие свои русские корни украинцы на каком-то генном уровне отстаивают с оружием в руках наконец-то обретенный суверенитет, свою независимость, утоляют потребность наносить вред и причинять ущерб соседям, совершая набеги на их территории, как делали это тысячу лет назад хазары.

И сейчас на землях исторической Святой Руси в смертельной схватке сошлись два непримиримых войска. Одно — под руководством иудейских элит, решающей силой которого являются язычники и сатанисты, имеет цель сохранить свое алчное государство под названием Украина, обрести для него долгожданную самостоятельность и, окончательно оторвавшись от родных корней, уничтожить Россию. Ему противостоит второе войско — православные воины и их союзники, которые, как когда-то шли против хазар войска князя Святослава Игоревича, идут на защиту своей Родины с целью разрушить это неонацистское образование, созданное у наших границ врагами России и Православия.

Тогда в результате похода князя Святослава хищная Хазария была полностью разгромлена и вскоре перестала существовать. И мы тоже храним эту победу в своей генной памяти. Мы также помним, чем было чревато в начале XVII века создание агрессивного и недружественного государства на наших рубежах, войска которого приходили в Москву и устраивали у стен Кремля грабежи, разбои и убийства мирных граждан.

Сейчас к нам постепенно приходит понимание того, что после развала СССР, когда обретшая независимость Украина начала строить свою государственность на основе фашистской идеологии и ненависти к России, война являлась неизбежной неотвратимостью для нашей страны. И нам теперь не остается ничего другого, как поступить так же, как сделали наши далекие предки тысячу лет назад, а именно: покончить, наконец, с новой Хазарией — Украиной, убрав с карты мира сатанинское царство иудеев и язычников.

КАИН И АВЕЛЬ

В самом начале СВО в своем обращении к народу Украины митрополит Киевский Онуфрий назвал начавшуюся войну «каинским делом», недвусмысленно давая понять, что в разразившемся военном конфликте Каином выступает именно российская сторона. Но если вставшая на защиту Донбасса Россия — это Каин, то как же выглядит тогда праведный Абель? Выходит, так, что Абель скакал на Майдане с речёвками «москалей на ножи», «москаляку на гиляку», это он забрасывал безоружный «Беркут» бутылками с зажигательной смесью, это Абель сжигал людей в Доме профсоюзов в Одессе и восемь лет бомбил мирные города Донбасса? «Каин» же, подставляя свою грудь под пули, выводил женщин и стариков из-под обстрелов и без упреков давал работу и приют миллионам беженцев со всей Украины.

Так кто в развязавшейся братоубийственной войне Каин, и кто же Абель? Мне вспоминаются встречи в Донбассе. В городе Сватово весной 2023 года я познакомился с семьей беженцев из Красного Лимана. Автобусы и машины с

СИМВОЛ ВЕРЫ

мирными жителями, пытавшимися выехать из города вслед за отступавшей осенью 2022 года армией РФ, прицельно расстреливались из артиллерии и минометов. Александр и Елене только чудом удалось спастись под обстрелом ВСУ, а их восьмилетний сын Петя, возможно, навсегда сохранит раны этой войны — с тех пор он с трудом говорит и сильно заикается. Житель Северодонецка Олег П. пережил с семейством ожесточенные уличные бои, когда каждый жилой дом становился укрепом ВСУ. Многие жители Северодонецка видели инкассаторскую машину, в которой был спрятан «блуждающий миномет». Машина останавливалась среди домов, из нее делалось несколько выстрелов в определенный сектор города, а затем она переезжала в то самое, подвергнутое обстрелу место, и оттуда вновь производила выстрелы по жилым кварталам. Так задолго до прихода Российской армии и ополченцев началось разрушение города.

Мне приходилось слышать и о зачистках подвалов жилых домов при отступлении ВСУ из Северодонецка и Рубежного: при отклике на вопрос «есть ли люди?», в подвал тут же бросались гранаты.

Библейские Каин и Авель, кровные братья, — как они действительно похожи на нас! Мне хочется рассказать одну историю русского «Каина», неизвестного героя этой войны, Павла из хутора Замостье под Богучарами. Весной 2022 года он добровольцем ушел на фронт. Я познакомился с Павлом Луцыком в его родной Петропавловке, где он восстанавливался после тяжелых ранений. Я искренне полюбил этого простого парня, а его история затронула меня до самой глубины души.

По профессии Паша водитель-дальнобойщик. Воевал в Чечне, получил немалый боевой опыт, вернулся героем, а за «геройства» в мирной жизни отмотал немалый срок. В самом начале СВО Павел записался добровольцем в Отдельную штурмовую бригаду ГРУ ГШ и был зачислен сапером с позывным «Крот» в диверсионно-разведывательную группу.

«Шли мы туда по велению сердца и совсем не ради денег, — говорил Павел, — мы и не думали, что нам там станут что-то платить. Выплаченного же мне за год жалования в аккурат хватило только на то, чтобы матери подвести в дом газ, и я этим очень доволен. Мать же благословила меня идти на войну, а вот соседки сильно ругались на нее: что, мол, это ты сына на войну отправляешь. «Я не отправляю, а благословляю, — отвечала мать, — это его мужицкое дело, кто-то же должен постоять там за нас». Мать молилась за меня, и только ее верою и ее молитвою я остался жив».

— А ты сам был в то время верующим человеком? — спросил я у Павла.

— Поначалу я в Бога не верил и никогда даже не задавался такими вопросами, но на войне близко сошелся с мусульманами, а они оказались людьми веры истовой. Один из них мне как-то сказал, что у нас не иной Бог, Бог един, и Он — Всевеликая Сущность, которая любит нас, и мы призваны в этот мир, чтобы любить Его. «Бог есть любовь, и пока ты настоящему Его не полюбишь, — сказал мне мой друг-мусульманин, — ты, Павел, не уверуешь». Так мне, невежде, через иноверцев было дано откровение о Боге Всевышнем. И только на войне, теряя любимых друзей и товарищей, научился я любить Бога. Но к Господу Богу у меня теперь много вопросов, и я желал бы поговорить с Ним так же, как с тобой, батюшка, по-мужски. Слишком уж многое не складывается в моей голове: почему в жизни столько боли и страдания выпадает на человека без вины?

— Ты, Павел, желаешь судиться с Богом, словно праведный Иов. Он был страдальцем невинным и звал Бога на суд. Отвечая Иову, Господь образно передает силу и мощь древнего дракона Левиафана (сатаны) и говорит: «Не ужасаешься ли ты, что он уготован Мне?» Это означает, что ответ на вопрос о невинном страдании заключен в том, что случится после — в Кресте Господнем, в «победе, победившей смерть». Эта смерть в высказывании ап. Павла (1 Кор. 15: 55) представляется в образе ядовитого змия, который своим жалом убивал всех.

— У тебя, Павел, за плечами чеченская война. Можно ли сравнивать ее с тем, что развернулось на СВО?

— Чеченская кампания это и не война вовсе по сравнению с этим, а так, школьная романтика. Это как если бы пойти после уроков с пацанами на кулаках подраться. Для меня нынешняя война начиналась на Харьковском направлении. Наша ДРГ состояла из 22 бойцов, выходили мы на задание двумя отделениями по 11 человек, имели под собой четыре новеньких «Хайлюкса», вооруженных станковыми пулеметами и ОГСами. Наша задача была заходить в глубокий тыл противника, устраивать там кипеш, наводить авиацию и быстро исчезать.

— Было ли страшно действовать на чужой территории без всякой надежды на поддержку и помощь своих?

— На войне, батюшка, только безумный не боится. Страх — это естественное состояние души в смертельной опасности. И мужество не в том, чтобы не иметь страха, а в том, чтобы действовать вопреки ему. Но был у нас случай, когда мы все испытали не просто страх, а настоящий ужас, да так, что волосы на наших головах зашевелились под шлемами.

Было это в мае 2022 года, мы выдвинулись на задание под прикрытием ночи со стороны Изюма по направлению к Харь-

кову. Наша задача была навести авиацию по объектам в пригороде Харькова. Ехали с выключенными фарами, за Змиевом съехали с дороги, двигались по лесополкам, как вдруг обнаружили, что мы в полной тишине несёмся по темным улицам большого и незнакомого города. Ни одного уличного фонаря, ни единого светящегося окна — одни только железобетонные громады 9-ти и 16-тиэтажных домов чужого, занятого врагом города в осязаемом, непроглядном мраке ночи. В первое же мгновение в мыслях сложилась картина происходящего — мы в Харькове, и ближайший блокпост преграждает нам путь пулеметной очередью, и каждое окно здесь может оказаться пулеметным гнездом, а подвал — укреплением. Мы все немного ошалели от охватившего нас ужаса и продолжали еще какое-то время мчаться с выключенными фарами по улицам, не зная, что предпринять, пока наш командир Рика не пришел в себя и не дал приказ развернуться и нестись туда где есть мочи прочь. Нас не иначе как ангелы выносили из города, и когда враг нас обнаружил, догонять уже было поздно. Нам вслед успели сделать только несколько выстрелов из САУ, но это была стрельба в молоко.

— Приходилось ли вам штурмовать укрепления противника?

— Наша задача была не штурмовать, а кошмарить тылы противника, для этого у нас было всё необходимое: и хорошие машины, и вооружение, и информаторы на местах. Однако иногда разведка боем оборачивалась штурмом укрепления или населенного пункта, занятого противником. Так мы дважды штурмовали село Богородичное под Изюмом. Первый раз 15 мая 2022 года неудачно — нас вышибли оттуда с грохотом и большими потерями. Тогда вслед за нами в Богородичное зашел 254-й полк, и его весь там до единого человека покروшили, и технику всю пожгли так, что косточки наших ребят так и остались лежать там на корм собакам. Только в сентябре мы вернулись и смогли прикопать тела хотя бы некоторых наших бойцов прямо у сгоревших БМПешек. Было жалко ребят до слез, но что было делать, нас было мало, и останавливаться мы не могли.

Второй раз занимали Богородичное 20 августа 2022 года, мы тогда своей малой группой вышибли оттуда целый батальон ВСУ. Надо учитывать расположение села в глубокой ложбине, вокруг высокие песчаные склоны, лесные массивы, меловые горы Белогорского монастыря с господствующими высотами, занятыми противником. Оттуда всё как на ладони. В лоб Богородичное было не взять, и мы зашли ночью, когда нас не ждали. Это была всего лишь разведка боем, но действовали мы дерзко и решительно, так что противник,

бросив все, бежал из селения. Двигаясь двумя группами по 11 человек мы заняли Богородичное и вышибли оттуда силы ВСУ, не менее 600 человек, потеряв при штурме только двоих убитыми. Враг не мог знать, сколько нас, а мы, скрываясь в подвалах, не выдавали себя. Делая ночные вылазки, кошмарили противника, а днем отсиживались. Нам вскоре придали в усиление бойцов Российской армии в количестве 6 человек из «Барса-13» и 15 человек Самарской «Пятнашки». Так мы силами менее одной роты около месяца удерживали Богородичное против десятикратно превосходящих сил ВСУ, могли бы держаться и далее, но произошло предательство. 11 сентября 2022 года ВС России оставили Изюм, 26 сентября сдали Купянск и ушли из Харьковской области...

Да, у всех на памяти, как после победных реляций Минобороны весны и лета 2022 г., как гром среди ясного неба, зазвучали вдруг тревожные сводки о контрнаступлении ВСУ в Харьковской области. В первые сутки этого контрнаступления, в 13 часов 07.09.2022 г., телеграмм-канал Kotsnews сообщил: «Силы киевского режима ударили по Балаклее, город находится в огневом окружении. Уже сутки бойцы Росгвардии бьются в окружении. Связи с подразделениями нет. Подразделения ВСУ стремятся выйти к Купянску и Изюму». В сводке на 20 часов того же дня уже звучало, что ВСУ отбили населенные пункты Байрак и Новая Гусаровка к югу от Балаклеи и вышли на трассу Чугуев—Изюм, в тыл нашей группировки, взяв в окружение весь Балаклейский гарнизон. Вся страна, казалось, затаив дыхание молилась тогда за наших парней. Очень многие писали слова поддержки нашим ребятам: «Молюсь за них и очень переживаю. Да услышит мои и молитвы других неравнодушных Господь Бог!», «Передайте им, что мы всех их бесконечно любим. Они — наша гордость, наш пример доблести, отваги и чести. Лучшие сыны нашей страны», «Мы молимся за вас всех, родные! Вся Россия в молитве сейчас! Благослови, Господь, сынов Своих! Мы с вами, мы рядом»...

Ситуация развивалась стремительно, кольцо окружения быстро замкнулось. Уже поздним вечером того же дня, как будто из гущи развернувшихся событий, появились пронзительные стихи Дмитрия Мельникова:

*Полковник был высок и сухопар.
Он говорил про фланговый удар,
прикидывал, насколько хватит сил,
оценивал возможность деблокады,
вставал, садился, вновь вставал, ходил
по комнате. «В кольцо замкнули, гады», —*

*он говорил с гримасой на лице,
скривившись, как от боли, а в кольце
живые люди из огня стреляли,
а мертвые, как ласточки, летали
над скалами из белого песка,
текла под ними тихая река
и сосны из тумана выростали,
и отражались в зеркале воды,
высокие, как русские мечты.
Давай, полковник, издавай приказ,
что смерть не обезличивает нас,
что город, не доставшийся врагу,
горит, телами нашими устелен,
но мы, кто до конца остался верен
присяге — мы стоим на берегу,
где лань со львом и Бог с учениками,
и бродят в поле тучные стада,
и дети, что играют рядом с нами,
не умирают больше никогда.*

И только 10 сентября 2022 г. своим эзоповым языком Минобороны России сообщило, что «для достижения заявленных целей специальной военной операции... принято решение перегруппировать российские войска, находящиеся в районах Балаклеи и Изюма для наращивания усилий на донецком направлении». Но, как мы помним, никакого «наращивания усилий на донецком направлении» так и не последовало, разве только что еще более усилились обстрелы Донецка и начались ракетные атаки на Белгород.

— Вы, Павел, оказались в гуще тех событий, расскажите, как в действительности всё это было?

— Такие необъяснимые шаги нашего Генштаба, очевидно, были продиктованы не недостатком сил или военной необходимостью, а какими-то странными политическими играми. К Изюму уже были подтянуты резервы и мы, как я считаю, могли бы удержать линию обороны. На деле же перегруппировка вылилась в беспорядочное бегство, и я тому был очевидец и свидетель. Мы выходили последние, нас бросили, забыли и, наверное, похоронили. Изюм уже был сдан, Боровое эвакуировано, все мосты были взорваны, а мы оставались глубоко в тылу противника. Связи между подразделениями не было, стреляли друг в друга. Нас же отрезали и пытались взять в окружение поляки, их было 150 человек пехоты и два танка, крыли минометами, а у нас не было ни сил, ни вооружения, чтобы держаться или контратаковать. В итоге, скинув с себя всё лишнее, мы ушли незамечен-

ными по реке. Когда мы выбрались на линзу, там уже никого не было, но стояли новенькие танки Т-72, новые «Грады», САУшки, «Мста» — технику попросту бросали и убегали. Пришли в Боровую, а там машины, уже в колоннах, взорванные... Выезжали на Кременную, ехали кто как мог, в перегруженных грузовиках, словно скот, а за нами шли и долбили танки противника, у нас же не было тяжелого вооружения, чтобы с ними как-то бороться....

— Там, на Харьковском направлении, наши гвардейцы «подарили» американцам новейший Т-90 М «Прорыв», а в Киеве в те горестные для нас дни проходила выставка трофейной российской техники из-под Изюма и Балаклеи. Украинские СМИ, не скрывая злорадного торжества победителей, публиковали отчеты о российском «ленд-лизе», отмечая, что большая часть техники была брошена Российской армией в исправном состоянии, а склады боеприпасов давали возможность «два месяца стрелять без передышки». Украинская сторона заявляла о «подобранных» только под Изюмом 45 танках, 14 САУ, 32 БМП-2 и 15 БТР-82 А. Но всё же не так были страшны военные потери, сколько утрата веры в несокрушимую мощь Российской армии и доверия политическому руководству страны, начавшей Специальную военную операцию против нацизма. После ухода Российской армии на «освобожденных территориях» начался нацистский террор и геноцид русского населения. В Купянске и Изюме мы бросили на произвол судьбы пророссийски настроенных мирных жителей. Что стало с ними, когда вернулись бандеровцы? Кровь стынет в жилах от рассказов тех, кто смог вырваться из рук карателей.

— Первое ПВД (пункт временной дислокации) был у нас в Александровке перед Изюмом, мы заезжали туда из Валук всегда через Купянск. Там на перекрестках всегда стояла детвора, и мы всё, что было у нас сладкое, сразу же раздавали им целыми сумками. Когда Купянск сдали, туда зашли поляки и «азовцы». Это конченые мрази, они малым ребятишкам, кто брал у русских солдат сладости и сухпайки, отрубали кисти рук. А сдавали их другие такие же школьники-одноклассники, у которых родители служили в ВСУ. Каратели в форме ВСУ заходили на уроки, прямо при детях совершали казни над учительницами, проявившими, по их мнению, лояльность к русским, а пацанятам отрубали кисти рук прямо на партах. В Купянске были страшные расправы, мирным людям, детворе, девчонкам в Яру за городом резали глотки и пинком сбрасывали в ямы. Это было массовое избиение мирного населения, такого не происходило здесь даже и при гитлеровской оккупации, и те из наших повидавших уже вся-

кое парней, видя всё это в расходившихся по рукам записях на смартфонах, просто ревели навзрыд.

— За последний год я много слышал рассказов об издевательствах над нашими военнопленными, тебе самому приходилось сталкиваться с этим?

— Расскажу только один случай. Я тому сам не был свидетель, но слышал это от моего близкого друга Андрея Граника, Царство ему Небесное. Он перешел к нам в отряд пулеметчиком из «вагнеров» после ранения. Было это при штурме Попасной, они шли накатами, их боец пробежал лишних три метра, и вэсэушники успели его дернуть в следующий окоп, а там они отрубили ему пальцы, отрезали гениталии, и засунув их в рот, вытолкнули нашим парням на встречу — с гениталиями во рту! И это были не поляки, и не осатанелые азовцы, а «родные» наши «небратья».

— И что же после всего этого, вы делали с пленными вояками ВСУ?

— Мы действовали в глубоком тылу противника и в плен старались вообще не брать никого. Обнуляли на месте. В ближнем стрелковом бою мне приходилось не раз убивать противника, но в безоружных я не стрелял никогда, и если человек просил пощады и складывал оружие, их мы не убивали и, если это было возможно, отправляли в наш тыл. Для себя же я видел в этом условии на войне не потерять в себе человека. Что же касается иностранных наемников и нацбатовских выродков, то попадись они нам, им бы точно не было пощады. Однако о случаях глумления или издевательств над пленными укропскими солдатами я не слышал никогда.

— Украинская сторона воюет несправедно, ВСУшники прикрываются мирным населением, устраивают пулеметные гнезда в жилых домах, забрасывают гранатами подвалы домов в городах и селах, которые считают своими, разве так поступают со «своим» народом? Не складывается у меня в голове, как это возможно, ведь они славяне, как и мы.

— Нет, они не такие. Они не русские и не украинцы, они бесы. И началось это еще с Никиты Хрущева. Он дал амнистию бандеровцам и поставил их на руководящие должности в народном просвещении. Вся верхушка в Советской Украине была бандеровская, тогда уже надо было бить в набат. Когда мы зашли в Александровке в школьную библиотеку, то были поражены тем, что не нашли там ни единой книги на русском языке, а школьные учебники по истории и литературе сплошь были наполнены клеветой и ненавистью к русским. Мы зашли с командиром в кабинет директора школы, то нашли там доносы. Брат на брата пишет: «Я к москалям нэ

имію ні якої справи, а брат мій там працює уже третій рік, значить він ворог», школьники писали на родителей, сын на отца: «мій батька издить працювати у Россію, может статься так, що він ворог»...

— Но тогда какое отношение должно быть у вас к мирным, ведь для них вы были нелюдями и орками, и далеко не многие из них могли испытывать добрые чувства к своим «освободителям»?

— Нам лояльность населения выяснять было некогда, мы знали одно: гражданские лица — это точно не наши враги, что бы они там про нас ни думали. Расскажу один случай. Когда мы зашли в Богородичное, мы нашли там умирающую от сердечной болезни бабушку, мы ее кормили с рук, давали лекарства и возились с ней четыре дня. На пятый день она умерла. Мы не могли ее оставить умирать одну. Она была как родная для каждого из нас. Это все равно, что моя покойная баба Сима, она детдомовская, ребенком всю войну проработала в блокадном Ленинграде на торфяниках, выжила, не померла. Как бы я смог свою бабушку оставить одну умирать в пустом доме? Мы закрыли нашей бабушке глаза и тихонько опустили ее в могилу под яблоней у порога ее дома...

Рассказанная Павлом история тронула меня до глубины души. Я живо представил себе обстановку темного и сырого подвала, прикованную к постели умирающую женщину и наших ребят рядом с ней. Они не могли задерживаться в Богородичном, но и уйти, бросив человека, они тоже не могли. В беспомощной страдающей женщине каждый из наших воинов смог разглядеть черты собственной матери. Перед лицом смерти эти русские парни старались возратить неоплаченный долг материнской любви. Разве это история про Каина? Апостол любви писал: «Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего». «Любовь же познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев» (1 Ин. 3: 10, 16).

В библейской истории про Каина и Авеля есть еще и третья сторона — диавол. Он внушил мысль и направил руку убийцы. В славянском переводе Библии сказано, что Каин не просто убил, он «заклал» брата своего, «потому что был от лукавого». Так в библейском повествовании показано служение Каина дьяволу и первое в истории человеческое жертвоприношение сатане. Каин, приняв мысль об убийстве брата, отдал свою душу во власть тьмы, и тем усыновился лукавому. «Никто другой, как святой Иоанн Богослов, не чув-

ствовал и не усмотрел так полно и отчетливо, что наш мир руководится двумя началами и источниками: Богом и дьяволом. Всё хорошее в человеческом мире имеет началом и источником Бога, и всё плохое имеет началом и источником дьявола, — пишет прп. Иустин (Попович). — Посредством своих злых дел Каин изменил на зло свою природу, свою совесть, свой разум. Зло сделало его сродным дьяволу, порождением зла, так что он добровольно родился душой от дьявола и стал чадом дьявола». За братоубийственным конфликтом на Украине маячит зловещая тень «человекоубийцы искони». Дьявольским соблазном русские разделились сами в себе, по слову Киевского митрополита Онуфрия, на Каина и Авеля, и дьяволом же ввергнуты в братоубийственную войну.

Апостол Павел предупреждал, что и сам сатана может принять «вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды» (2 Кор. 11: 14-15). Как же тогда не ошибиться, как определить, на чьей стороне правда Божья и кто в действительности мы — «дети Божии» или враги Его? «Правдой и любовью узнаются чада Божии. И «чада дьявола» познаются от неправды, ненависти, от греха и беззакония» — учит святой сербской церкви прп. Иустин (Попович). Правда и любовь — вот та евангельская мерка, по которой познаются пути человеческие, разделяются порок и праведность и узнаются чада Божии и «сыны погибели».

На войне тот предел, на котором раскрывается истина, обнажен. За что идет в бой и готов отдать свою жизнь воин? Что связано для него с понятием родная земля? Вера отцов, память предков, старики и дети или политическая химера под названием «Украина». Вот свидетельство уроженца Киева, замечательного поэта Яна Токсюра об окаянстве своего народа:

*В Купель Днепра подмешан вкус полыни,
Живём в бреду, то злобясь, то скорбя.
Прости, Господь, что ложь об Украине
Мы возлюбили больше, чем Тебя.*

*Прости за то, что Твой закон нарушив,
Внесли в алтарь трезубец золотой,
И поклонились, оскверняя души,
И брат нам враг, а людоед — святой.*

Андрей ПЛАТОНОВ
(1899 — 1951)

к 125-летию писателя

В многолюдном, поразительно-своеобразном мире великой русской литературы в двадцатом веке заняли своё особое место персонажи платоновских рассказов, повестей, романов. И если наиболее характерные из них «сокровенные человеки» хорошо знакомы нам, то другие, по-платоновски мудрые, вдумчивые, вчерашние «душевные бедняки», ставшие в годы военного бедствия офицерами и солдатами, защитниками Родины, оказались в отдалении, нечасто упоминаются в исследованиях литературоведов, критиков. А между тем, каждый из воинов, даже уходя из жизни, стремится к постижению истины, как старший лейтенант Агеев из «Обороны Семидворья»: «У него явилось предчувствие, что мир обширнее и важнее, чем ему он казался дотеле, и что интерес и смысл человека заключается не в том лишь, чтобы обязательно быть живым».

Спустя без малого восемьдесят лет после Победы, внуки, правнуки тех платоновских воинов (писатель в качестве специального корреспондента «Красной Звезды» вместе со своими героями одолел до конца весь фронтовой путь), снова с оружием в руках идут на запад, как сапёр Иван Семёнович Толокно из рассказа «В сторону заката солнца», чтобы утвердить для себя и потомков право на жизнь.

В СТОРОНУ ЗАКАТА СОЛНЦА

РАССКАЗ

I

Пока спал, он примёрз к земле. «Это у меня тело отдохнуло и распарилось, и шинель отогрелась, а потом ее прихватило к стьлому грунту», — проснувшись, определил свое положение сапёр Иван Семенович Толокно.

ЛАРЕЦ

— Вставай, брат! — сказал себе Толокно. — Ишь земля как держит: то кровью к ней присыхаешь, то потом — не отпускает от себя.

Он с усилием оторвался от промёрзшей земли, обдутой здесь ветрами до прошлогодней умершей травы.

В той части, где служил Толокно, саперов с уважением называли верблюдами. Каждый сапер кроме автомата с нормальным боевым запасом и пары ручных гранат имел при себе лопату, ломик, топор, сумку с рабочим инструментом, бикфордов шнур, личные вещи и еще кое-что, смотря по назначению саперного подразделения. Все эти предметы человек имел неразлучно при себе: он шел с ними вперед, бегал, полз, работал под огнем, отбивался от врага, мешавшего его труду, спал в снегу или в яме, ел и писал письма домой в надежде на встречу после победы, в надежде на жизнь, которая будет вечно счастливой.

Проснулся Толокно вечером, на закате солнца. Командир подразделения, капитан Смирнов, собрал в овраге своих людей, осмотрел их, проверил снаряжение и спросил каждого о самочувствии.

— Я всегда чувствую себя хорошо, товарищ капитан, — ответил Толокно командиру.

— А почему всегда? — заинтересовался капитан.

— А по необходимости! — объяснил Толокно.

Капитан указал рукой на заходящее большое солнце. Бойцы посмотрели в великое пространство, ожидающее их, — потоки разноцветного света на небе походили сейчас на торжественную музыку, трогающую человека за сердце.

Затем капитан объяснил бойцам их задачу на нынешнюю ночь. Следовало теперь же, вместе с приданной саперному подразделению группой разведчиков, выйти к речному руслу, изыскать место для переправы танков и сделать отлогий выход в отвесном берегу реки на сторону противника, а потом, после совершения этой работы, нужно двигаться вперед на танках вместе с десантной группой пехоты и по указанию, которое будет дано впоследствии, вонзиться в землю и отработать систему траншей, укрытий и блиндажей.

— Бойцы и товарищи! — сказал командир. — Мы ведем дороги на закат солнца. Мы, красноармейцы, мы для врага то же самое, что обратный клапан в машине, который только в одну, как раз в ту сторону открывается, а назад — нипочем, назад он стоит намертво... Я так считаю, что хватит огненному железу войны ползать по нашей земле — ей хлеб пора рожать!

— Пора! — сказали бойцы, и душа их тронулась болью и воспоминанием.

И после заката солнца они пошли в тьму, нагруженные инструментом для работы и оружием против смерти.

II

Затемно разведчики привели саперов к речному потоку. Иван Толочно и другой сапер, Петр Расторгуев, осторожно пошли вниз по течению, чтобы разведать местность.

Толочно вышел на лед, лед был тонок, и под ним близко чувствовалась живая вода.

В небе засияли две осветительные ракеты врага, и вся река и пойма ее озарились тем неподвижным пустым светом, каким освещаются сновидения человека. Иван Толочно лег на живот и пополз своим направлением. Впереди себя он слышал равномерное пение воды подо льдом.

Разведчики уже вышли на тот берег и тайно продвинулись вперед, чтобы наблюдать неприятеля и чтобы помочь своим саперам в нужде и опасности.

Толочно дополз до подтаявшего льда и увидел, что вода впереди выходит из-под покрова наружу и струится на воле, шумя на перекате по каменистому беспокойному ложу. Толочно сполз в воду по опустившемуся под ним льду. Он попробовал воду рукой и решил, что в ней можно обтерпеться.

Толочно и Расторгуев пошли по шумной, обнаженной воде. Глубина здесь была малая, иногда вода не доходила и до щиколотки; однако древние камни, размером в целого человека, создавали неодолимую преграду машинам.

Толочно и Расторгуев озадачились: всё здесь было бы удобно, но камни лежали чередую по всему перекату от берега до берега, а выше и ниже переката река уже имела глубину, и вброд ее перейти невозможно.

Вступив в воду, капитан Смирнов подошел к своим бойцам и сказал им, что здесь надо немедля устроить брод.

— Толом, что ль, грузные камни будем рвать? — спросил Расторгуев.

— Еще чего! — сказал Толочно. — Огнем тут будем шуметь, когда немец невдалеке надзирает. А потом он тут нам половодье устроит...

— Сдвинем камни вниз вручную! — сказал командир.

— А силы хватит у нас? — усомнился Расторгуев. — Камень здесь в грунт врос, это неподъемное дело! Его и не расшатаешь, ишь он леденеет и мокнет, как лаковый стал...

— Ничего, возле смерти человек сильнее, — высказался Толочно.

Две мины рванулись неподалеку и въелись осколками в лед.

III

Капитан через связного передал приказ командиру разведывательной группы: начать ниже переката затяжной маскировочный бой, а всех саперов капитан собрал работать на перекат. Однако немцы, не зная ничего точно, чувствовали намерение русских и вели ощупывающий минометный огонь по району переката. Саперы же не могли ответить врагу огнем, чтобы не обнаружить себя; они ютились в тенях за могучими камнями, в тяжелой воде, до боли в сердце остужающей их тела.

Иван Толокно, работавший до войны десятником на строительстве уральских заводов, понимал всякое дело. Любую работу он начинал со сноровки, с обдумывания способа, которым нужно произвести работу.

Шестеро саперов хотели было по-старинному раскатать камень, вровень дыша друг с другом и говоря что-нибудь в один лад, но камень не послушался силы людей и в ход не пошел.

Толокно присел в воду и, погрузив в нее руки, ощупал камень у основания, затем он отыскал руками и вынул наружу из ложа реки небольшие камни, чтобы разглядеть их при свете вражеских ракет. Найдя, что нужно, — продолговатый камень, похожий на клин, Толокно снял с себя все, что не должно намочнуть, положил это имущество подалее на лёд и сел на дно реки. Вода теперь доставала ему по горло.

Обухом топора он начал вгонять клин под сиденье большого камня, желая оторвать его от речного грунта. Работал Толокно топором под водой на ощупь, и руки в мерзлой воде ходили вязко, немея от усталости. Но Толокно был привычен к работе и одолевал в терпении стужу, жгущую его тело, прочность и вес могучего камня. Жилы рубцами выступили на его больших руках, обветренных, обмороженных, давно покрывшихся толстой, точно заржавленной, кожей, оберегающей рабочее жизненное тепло в жилах и мышцах его рук. Изредка Иван Толокно поднимал руки с топором из воды на воздух, чтобы они немного отошли, а затем снова спешил расклинить камень и стронуть его с места.

Вдалеке, вниз по течению реки, наши разведчики начали стрельбу по неприятельской стороне, чтобы неприятель перестал обращать внимание на перекат. Однако немцы тоже открыли встречную стрельбу по разведчикам, но и перекат не переставали покрывать редким минометным огнем — на всякий случай. Сапер Нечаев был убит осколком мины в голову, унести его было некогда, и его положили на лед.

Расторгуев подклинивал тот же камень, что и Толокно, усевшись рядом с ним. Живая вода вошла в зазор, образо-

ванный клиньями, и с сосущим звуком ослабила основание камня, сросшееся с ложем реки. Тогда Толокно велел четверем саперам раскачивать камень во всю свою силу, пока он не двинется, не давая ему ложиться в покой; сам же Толокно быстро вгонял под камень все, что находил подходящего в речном потоке возле себя.

Капитан Смирнов взял пример с Ивана Толокно и поставил по четыре и по шесть человек саперов на каждый грузный камень, чтобы после подклинивания трогать их с места живой силой реки и людей.

Камень Ивана Толокно пошел первый, и его оттащили метров на шесть вниз по течению.

— Достаточно! — сказал капитан.

Немецкие осветительные ракеты погасли в небе. Капитан Смирнов пошел по перекату.

— Скорее, скорее давайте, ребята! — говорил он саперам.

Толокно сменил закончившего сапера, Трофима Пожидаева, и опустился за него в воду по горло, чтобы без задержки расклинить и оторвать камень.

— Скорее! — торопил командир. — Скоро танки хода запросят.

От тьмы стало как будто еще холоднее. Из-за кручи неприятельского берега начал бить пулемет неприцельным огнем, и пули ложились по перекату кое-где.

— Не утерпел враг погодить немного! — осерчал Толокно, сидя в воде, стругающей его тело ознобом.

— Тут война, товарищ Толокно! — сказал капитан.

— Известно, товарищ капитан! — ответил Толокно. — А тут саперы Красной Армии, а у саперов обе руки — правые: тут камень долбит, а другая стреляет...

Подработанные сидни-камни трогались с вековых своих мест.

Разгромоздив перекат от этих камней, капитан прошел поперек потока и освидетельствовал его, желая убедиться, что проход свободен.

Саперы вышли из воды под обрыв неприятельского берега. Враг занимал позиции несколько далее берега, и под обрывом было спокойно. На воздухе саперы враз обмёрзли и обледенели, но вскоре они отогрелись, и им стало жарко в работе. Саперы взяли в лопаты глинистый береговой отвес и начали въедаться в него пологой траншеей, чтобы танки без усилия могли выйти здесь из реки и помчаться в сторону врага.

Полушубки оттаяли на саперах, от них пошел пар. Капитан Смирнов время от времени измерял пологость траншеи,

чтобы не рыть лишнего, но и не затруднить танковых моторов, и смотрел на своих бойцов.

Мины и пулеметные струи стремились через головы саперов на пережат и там поражали воду и лед.

«Сколько один Иван Толокно настроил в своей жизни жилищ и всякого добра?» — думал капитан Смирнов.

И он спросил об этом у Толокно, рушившего сейчас грунт впереди себя.

— Не упомяну, товарищ капитан, — ответил Толокно. — Сорок пар рубах от пота еще в мирное время сопрели на мне. Четыре шинели и два полушубка на войне истер, седьмую одежду на себе донашиваю, а кости все целыми живут, и тело ничего! Дышит.

«И этот Иван Толокно, может быть, сегодня же падет на землю сраженным насмерть!» — подумал Смирнов.

Когда траншейный выход был близок к окончанию, капитан велел связному отойти вверх по реке и дать оттуда сигнал ракетой, что танкам, дескать, путь открыт и пехоте также нет трудных препятствий.

Немцы тоже стали беседовать между собой разноцветными ракетами. Иван Толокно глядел на небо, светящееся тихими цветными молниями тех ракет, осыпающихся медленно угасающими искрами.

IV

После полуночи всюду стало тише. Отвлекающий ложный бой разведчиков с противником прекратился. Саперы прилегли на отдых в отрытой дорожной траншее и задремали до прихода танков.

В нужное время капитан разбудил бойцов и велел им приготовиться к посадке на танки.

Иван Толокно не спеша поправил на себе снаряжение и прислушался к утихшей ночи: ничего не было слышно, кроме равномерного пения речного потока по каменистому перекату.

Потом Толокно услышал скрежет мелких камней под гусеницами танков, ворчание моторов и шипение взволнованной воды; а подхода машин к реке он не различил, столь безмолвно они подкрались и столь хорошо были отрегулированы их механизмы.

Траншеею танки проходили самым тихим ходом, чтобы саперы успели разместиться на них — вдобавок к тем бойцам, которые уже находились на телах машин.

И танки резко, точно с прыжка, взяв ход, устремились на врага во мрак.

Иван Толокно попал на машину вместе с капитаном Смирновым. Он нашел теплое место на броне и отогревал там руки.

Враг обнаружил машины и стал бить издали артиллерийским огнем. Укрываясь от поражения, танки то сокращали ход, то мчались вперед, как ветер, то шли уклончивым маневром, но всё время соблюдали главную, заданную линию движения.

На полной скорости, с воем напряженных моторов танки влетели в деревню с заглохшими, выморочными избушками. Бойцы на танках приготовились вести автоматный огонь; но здесь никого не было видно, и только из крайней маленькой избы, что была на выходе, полосовал пулеметный огонь. Один наш танк с ходу налетел на ту избушку и похоронил в ней врага.

Если и остались в этой деревушке немцы, то пусть остаются дышать до нашей пехоты; машинам же было некогда и невыгодно тратить свою мощь на всякого мелкого попутного врага.

Немцы били из пушек всё более тесным огнем, и Толокно почувствовал, что в воздухе словно немного потеплело. Впереди, по ходу машины, Толокно разглядел неясное, темное место, озаряемое мгновенным, но повторяющимся заревом рвущейся в небе шрапнели, и понял, что это горит деревня. Но из этой деревни, из-за ее обрушенной церкви, из ее могил и колодцев синими кинжалами сверкал огонь сопротивления.

Танк, на котором находился Толокно, шел теперь на всей ярости своего мотора и гремел вперед пушечным огнем, и бойцы, бывшие на машине, кричали, не помня и не слыша себя, воодушевленные мощью боя.

По команде бойцы оставили танк и пошли в охват деревни.

V

Капитан Смирнов вывел своих саперов на западное поле, обойдя деревню и оставив бой позади себя; здесь саперы должны были отстроить новый узел обороны и сопротивления, пока танки, десантники и следующая за ними мотопехота будут блокировать и уничтожать врага в деревне.

Смирнов взял с собой Ивана Толокно для разметки работ. В рассветном сумраке лежало перед ними зимнее русское поле, покрытое темными впадинами оврагов.

Капитан Смирнов хотел разбить линию траншеи с выходом ее в дзот по склону балки, начав траншею у бровки этой балки. Но Толокно посоветовал начать вскрытие траншеи

раньше, еще на поле, где рос малый кустарник, чтобы и кустарник был у нас за спиной, на нашей земле, — он может пригодиться бойцам. Капитан согласился с этим хозяйственным расчетом.

Второй дзот Толокно задумал строить в самом устье оврага, чтобы пастбища на водоразделе меж двумя оврагами целиком остались за нами.

— Да ты что, Иван Толокно! — разгневался командир. — Мы что, мы сюда скотину пасти пришли? Мы кто — крестьяне, что ль?

— Я на всякий случай сказал, — смирился Толокно. — Мы не крестьяне, мы бойцы, но мы и то и другое...

— Ступай — зови людей! — сказал капитан.

Саперы привычно взялись за земляную работу: она им напоминала пахоту, и бойцы отходили за ней душой, и чем глубже, тем в земле было теплей и покойней.

Наутро бой всё еще гремел в деревне; капитан Смирнов немного беспокоился, что сюда не подходит наша авангардная часть, как должно быть по плану сражения. Он решил усилить свое охранение и послал вперед на посты еще пятерых бойцов, в добавление к назначенным прежде, и в их числе Ивана Толокно. «Пусть он заодно отдохнет», — решил командир.

Толокно очистил о снег лопату, взял под мышку автомат, поправил гранаты на поясе и пошел в сторону заката солнца. Командир указал ему направление и расстояние, и Толокно вскоре скрылся за ближним водоразделом.

Он шел ближе к врагу, чтобы увидеть его первым, если враг пойдет на помощь своим солдатам, умирающим сейчас в русской деревне. Толокно дошел до одинокого ствола обгорелой, погибшей сосны и здесь остановился и осмотрелся: вокруг было чисто и свободно, как всюду в равнинной России, где мало лесов. От подножия мертвой сосны начинался спуск в большой, разработанный потоками овраг, а по ту сторону земля снова подымалась.

Сапер хотел было закурить в тишине, но прежде поглядел вперед. Ветра не было, но в воздухе что-то напевало вдали.

Из-за оврага тихо вышел рокочущий танк с белым крестом и пошел на мертвую сосну и человека.

Иван Толокно посмотрел на машину и почувствовал свое горе, и жалость к себе в первый раз тронула его сердце. Он работал всю жизнь, он смертельно уставал. А теперь фашисты стреляют в него из пушек; теперь злодеи хотят убить труженика, чтобы сама память об Иване исчезла в вечном забвении, словно человек не жил на свете.

— Ну нет! — сказал Иван Толокно. — Я помирать не буду, я не могу тут оставить беспорядок, без нас на свете управиться нельзя.

Из танка вырвался свет пулеметного огня. Толокно залез за стволом дерева и ответил врагу из автомата по щелям его глаз в машине.

Танк в упор надвинулся на дерево и подмял его под себя. Сосна треснула у корня и удивила сапера синим цветом на разрыве своего тела. Толокно отодвинулся в сторону от падающего дерева и очутился между ним и гусеницей танка, сжевывающей снег до черной земли.

Он увидел, что над ним стало светло: значит, танк прошел далее, пропустив под собою, меж гусеницами, лежащего человека и поверженную сосну.

Иван Толокно, не теряя времени, бросился за танком с гранатой, ухватился за надкрылок и в краткий срок был в безопасности — на куполе пушечной башни врага.

Танк без стрельбы, молча, шел в сторону, откуда пришел Иван Толокно. Это было для Ивана попутно и хорошо. Он решил взять машину в плен или подорвать ее гранатами, если она откроет огонь по труженикам-саперам либо повернет обратно. «Должно быть, это ихний разведчик блуждает, — размышлял Толокно, — а может, на подмогу к своим в одиночку идет. Этот танк сделали стрелять и давить, а он чужого сапера везет, своего хозяина».

Вскоре на броню танка безмолвно и внезапно вскочили наши люди, — может, они были из боевого охранения, а может — разведчики. Немцы остановили машину, потом повернули было обратно в свою сторону, и Толокно уже хотел оставить машину, чтобы подорвать ее гранатой, но немцы опять тронулись в нашу сторону, и Толокно успокоился. «Дурак, а понимает — жить хочет», — подумал он.

В своем подразделении, куда Толокно, сдав сначала танк с экипажем трофейной команды, благополучно возвратился, командир поблагодарил и поцеловал сапера, а повар сказал:

— А мы думали, что тебя уж больше не будет!

— Нет, — ответил Иван Толокно, — я буду постоянно, ты всегда пищу держи для меня!

1943 г.

СУПЕРЭТНОС ИЛИ «МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД»?

1

В последнее время можно услышать мнение, что русские — это не этнос, а нечто более широкое, даже аморфное, куда можно включить всех тех, кого раньше называли инородцами и иноземцами. Стали привычными такие словосочетания, как русские евреи, русские немцы, русские чеченцы и даже русские армяне.

Попробуем разобраться, кто же такие русские.

Вначале — об этничности. С точки зрения нелиберальной этнологии (теории этногенеза) этническая структура представляет собой следующую, четкую иерархию: субэтнос, этнос, суперэтнос.

Субэтнос — это подразделение этноса. Например, в России до XVII века формируются следующие крупные субэтноты: на юге — казаки, на севере — поморы, в Сибири — сибиряки (челдоны). (Лев Гумилёв относит к субэтноту и старообрядцев, но это вопрос неоднозначный.) Все эти субэтноты отличаются друг от друга и по стереотипу поведения, и по языку, и по быту. Но все они русские.

РУССКИЙ ВОПРОС

В Европе та же картина. Например, этнос французов включает в себя бретонцев, бургундцев, гасконцев, нормандцев, провансальцев и другие субэтнические группы. Похожий расклад мы наблюдаем у немцев и др. европейских народов.

Сложность структуры (единство в многообразии!) придаёт этносу прочность и повышает сопротивляемость внешним ударам. При упрощении этнической системы, в финальных фазах этногенеза, различия между субэтносоми стираются. Разумеется, все это с поправкой на глобализацию, урбанизацию и прочие безобразия современного мира.

Следующий после субэтнуса уровень — этнический.

Гумилёв говорил, что каждый человек, если его спросить, кто он, не задумываясь, скажет: русский, казах, грузин, поляк, итальянец. А потом уже добавит, что он рабочий, бизнесмен или студент. Социальную принадлежность можно сменить, этническую — нельзя. (Исключение составляют люди химерного типа, с размытой идентичностью, например — глобалисты и их пособники.)

В первой своей фундаментальной книге «Этногенез и биосфера земли» Гумилёв даёт следующее определение этноса: «Этнос — коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология, иногда являются определяющими моментами, а иногда — нет. Вынести за скобки мы можем только одно — признание каждой особью: «мы — такие-то, а все прочие — другие».

Таким образом, на первое место Гумилёв ставит признак иррациональный, основанный на ощущении — свой-чужой. Ученый говорил по этому поводу: «Когда мы видим человека, принадлежащего к другому этносу, мы даже не можем определить, почему он не свой. Но мы чувствуем, что он — не свой». Заметим, что пока в Россию не хлынул поток мигрантов, этот феномен не все осознавали.

В последней книге Гумилёва «Древняя Русь и Великая степь», определение этноса выглядит уже более основательным. Этнос — это естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения (ментальности) коллектив людей, существующий как энергетическая система (растрачивающая пассионарность во времени), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплиментарности (подсознательной симпатии к своим).

Для объяснения феномена комплиментарности Гумилев предлагает гипотезу этнического поля. То есть как отдельный

человек обладает своим индивидуальным биополем, так и этнос обладает своим коллективным энергетическим полем. Как и любое другое поле (гравитационное, электромагнитное) этническое поле имеет свою частоту колебаний, свой ритм.

Гумилёв писал: «Когда носители одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чуждое, в той или иной степени дисгармонирующее с тем ритмом, который присущ им органически. Новый ритм может иногда нравиться, но несходство фиксируется как факт, не имеющий объяснения, но и не вызывающий сомнения». (Если кого-то эта гипотеза не устраивает, то он может предложить свое объяснение данного факта, который отрицать невозможно.)

Этносы могут быть близкими, даже родственными (великороссы, малороссы, белорусы); «соседскими» (русские и башкиры, удмурты, чуваша, буряты); далекими (русские и англичане, французы, таджики, узбеки) и очень далекими (русские и китайцы, японцы, бенгальцы, масаи).

Причем даже родственные этносы при сходстве этнических полей имеют поведенческие и психологические отличия. (Вспомним советские анекдоты про украинцев.) Тем более отличаются по своему поведению далекие друг от друга народы, живущие в разных регионах планеты. Иногда эта непохожесть бывает настолько радикальной, что вызывает шок у представителей иного этноса. Например, одни народы могут поедать насекомых (а иногда и людей!) и справлять нужду прямо на улице, а у других это вызывает отвращение...

Таким образом, главными отличительными признаками этноса являются стереотипы поведения как следствие детского воспитания, т.е. сигнальной наследственности (делай как я!), и ментальность, связанная с генетическими культурными кодами.

Хотя, надо заметить, Гумилёв в своих книгах прямо не говорит о генетической, врожденной основе этничности. Вероятно, потому, что в советское время за эти вещи могли «пришить идеализм». Ученый говорит о настройке биополя младенца на этническое поле родителей, на их ритм и о решающем влиянии на воспитание ребенка сигнальной наследственности. С чем нельзя не согласиться. Однако практика показывает, что вместе с тем значительная часть поведенческой информации и основные черты национального характера закрепляются в этнических архетипах — наследственной памяти — и передаются на генном уровне.

На одной из последних лекций (в 1989 г.), рассказывая о бежавших из Франции протестантах (гугенотах), Гумилёв все-

таким затрагивает вопрос о наследственной памяти: «Например, известная фамилия Скалон... — это гугенотская фамилия. Я недавно говорил с одним Скалоном, который у нас защищался... И у него чисто кальвинистский подход. Хотя он сам, будучи географом, представления не имеет о кальвинизме. Традиция как-то через гены передается. И в мелочах, в деталях он сохранил свой психологический настрой, свой психологический рисунок. Это было очень смешно, он удивился, когда я ему это объяснил».

Это, кстати, к вопросу о «русских французах» и не только французах... Например — русский философ И. Ильин, о котором ныне спорят «белые» и «красные». С точки зрения этнологии «белое» мировоззрение Ильина объясняется просто. Его мать — немка, лютеранка, он полукровка в первом поколении. Были ли все немцы по матери такими «протестантами»? Нет. Кто-то уродился в русского папу, на ком-то природа отдохнула. В этногенезе сто процентов попаданий не бывает. Но в любом случае «группа риска» среди таких русско-европейских типов была больше.

Из сказанного вытекает, что вопрос о природе этничности — непростой, и требует дальнейшего изучения. Возьмем на себя смелость выстроить следующую иерархию этнической идентичности. На первом месте — гены (этнические архетипы или коды); на втором — сигнальная наследственность (семья); на третьем — настройка биополя ребенка на этнический ритм родителей (не всегда успешная!); на четвертом — вся остальная воспитательная цепочка — школа, общество, СМИ и т.д.

Это к вопросу, почему современные русские воины, попадая на фронт, ведут себя в окопах так же, как вели себя их предки в далеком прошлом. И это после десятилетий либеральной пропаганды, деградации школьного образования, атомизации общества и полураспада семьи!

При этом абсолютизировать незыблемость архетипов не следует, поскольку в длинном историческом времени (за века!) они тоже размываются и видоизменяются, особенно быстро под воздействием чужой культуры и главное — вследствие частых браков с иностранцами — носителями чуждых архетипов.

Проявляется это не сразу, а по накоплению и не у всех, а у какой-то части этноса. Например, многие наши дореволюционные дворяне и интеллигенты после 250-ти лет «европеизации мозгов» и физического онемечивания — с Алексея Михайловича и Петра — уже не ощущали себя полноценными русскими (и это, кстати, было проблемой перед 1917 г., о которой сегодня забыли; см. «этнические химеры»). Так же,

как и сегодня многие «русские немцы», возвратившиеся в Германию после двухсот лет пребывания их предков в России, уже не ощущают себя стопроцентными немцами.

Это к вопросу об этнологических экспериментах «Екатерины Великой» и прочих европеизаторов России...

В первых своих работах Гумилёв определяет этнос, как явление природы. То есть этнос — это организм, он может быть молодым или старым, здоровым или больным. В последних работах уточняет: «Этнос — явление, лежащее на грани биосферы и социосферы». Этнос «связывает социальную форму движения материи со всеми природными формами».

При этом Гумилёв подчеркивает значение географического фактора: «Этнос — это явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы». Другими словами: «Поведение каждого человека и каждого этноса — просто способ адаптации к своей географической и этнической среде». Отсюда и вытекает неповторимый облик того или иного народа.

Это — важнейшее «антиглобалистское» положение теории Гумилёва объясняющее, почему массовые миграции из чужих цивилизаций и искусственные перемешивания непохожих и далеких народов неизбежно приводят не только к ослаблению вмещающего этноса, но и к жестоким национальным конфликтам. И это при том, что большинство людей, в них участвующих, отнюдь не являются злодеями и мракобесами! Просто несовместимые природные субъекты всегда отталкиваются. Злодеи же обычно выступают как провокаторы.

Делаем вывод. Всё вышесказанное свидетельствует о том, что можно сколько угодно записывать в русских выходцев из Европы, Средней Азии, Кавказа и др. этнических общностей, но русскими они от этого не станут. Даже если кто-то из них от души полюбит русских и обрусееет. Как, например, полюбил русских и обрусел товарищ Сталин, но русским так и не стал. И, заметим, очень хорошо, что не стал! Поскольку пока русские уничтожали друг друга в горячей и холодной Гражданской войне (до 1940-х), да еще в условиях геноцида со стороны антисистем, нужен был арбитр со стороны с жестким и «коварным» нерусским менталитетом!

Перейдем на следующий уровень — суперэтнический. Суперэтнос, напомним, — это группа близких этносов. Крупнейшая после всего человечества единица, которая возникает в одном регионе и проявляет себя как «мозаичная целостность». На сегодняшний день мы можем выделить несколь-

ко крупных суперэтнотосов: Европейский, Китайский, Индийский, Латино-американский, Арабо-мусульманский и Российский. (Есть и более дробное суперэтническое деление, но для нашей темы это не важно.)

Как же формировался Российский суперэтнос? Он начал складываться с XVI века. Его ядром стали русские (великороссы). Первыми входят в состав Российского суперэтноса финно-угорские народы — карелы, вепсы, мордва, и др., а также чувашаи. (Часть финских племен (мурома, мешера) участвует еще в предыдущем, славянском этногенезе (I—XIII (XV) вв.)

В середине XVI в. в состав Московского государства входят татары и башкиры. Первоначально они относятся к Степному суперэтносу, но затем постепенно (к XX веку) вливаются в Российский. Что значит вливаются? Это значит, что если казанский татарин приедет в Москву, он назовет себя татарин, а если приедет в США, то объявит себя русским, хотя и может добавить, что он, собственно, татарин. А что значит — давно влились? Это означает, что карел приехав в Москву, уже назовется русским, хотя и может добавить, что он, собственно, карел.

С XVII века в Российский суперэтнос так же не сразу, но постепенно входят сибирские народы: ханты, манси, буряты, эвенки, якуты и др., в том числе множество малочисленных этнических групп. И со всеми ними русские относительно мирно уживаются. За исключением енисейских кыргызов, чукчей и западно-сибирских татар, с которыми пришлось повоевать, особенно долго (75 лет!) — например, с кыргызами, которые в результате были вытеснены со Среднего Енисея и ушли на юг, оставив после себя небольшой реликт — хакасов. Сегодня все эти этносы, прожившие бок о бок с русскими с XVI—XVII вв. считаются коренными народами России.

С вхождением в состав Российской империи в XVII—XVIII вв. малороссов и белорусов Российский суперэтнос складывается окончательно.

2

В XIX веке к России присоединяются Молдавия (Бессарабия), Кавказ и Средняя Азия. Вливаются ли народы этих окраин в Российский суперэтнос? Нет. Кавказ представляет собой суперэтнический перекресток, Молдавия уходит корнями в Восточную Европу, а народы Средней Азии тяготеют к Арабо-мусульманскому суперэтносу, сохраняя свою особость.

Казахи, тувинцы, киргизы и калмыки также никогда не входили и не входят в Российский суперэтнос — они исторически относились к Степному суперэтносу (с оговорками).

Кроме того, в составе СССР были этносы, которые, в Российский суперэтнос не только не входили, но были отрицательно комплиментарны, т.е. несовместимы с русскими. Это, прежде всего, — прибалты, западные украинцы (униаты) и крымские татары. Поэтому неудивительно, что подавляющее большинство из них во время войны перешли на сторону Гитлера (плюс калмыки, составившие кавалерийский корпус и часть северо-кавказцев).

Кто-то, конечно, может сказать, что не надо ограничивать «емкость» Российского суперэтноса только теми народами, которые прожили с русскими с XVI—XVII века (т.е. на практике разделили с ними их историческую судьбу!) и что следует добавить к ним те народы, которые вошли в состав Российской Империи в результате завоеваний в XIX веке, например, народы Северного Кавказа.

Разумеется, этногенез не стоит на месте, это всегда процесс, и, возможно, когда-нибудь эти народы войдут в Российский суперэтнос. Однако какие народы и, главное, — сколько на это потребуется времени, ни один этнолог не скажет.

Суперэтническая, а тем более этническая ассимиляция, даже простое «притирание» народов — процесс очень длительный и избирательный. Какие-то этносы ей поддаются (при положительной комплиментарности), получая при метисации дополнительный заряд пассионарности в первом-втором поколении. А какие-то этносы «притирке», тем более ассимиляции не поддаются (при отрицательной комплиментарности). И если смешение все-таки происходит, то получается этническая химера, которая рано или поздно, порождает антисистемы.

Самый яркий пример этнической химеризации — Украина! И не только Западная, униатская (с XVI в.), но и остальная. Эта территория с XV века явилась зоной контакта четырех (!) суперэтносов: Российского, Европейского (основной контактер), Османского и Еврейского (евреи — разные, поэтому суперэтнос). Плюс кавказские и степные этнические «дрейфы» с юго-востока.

Сколько на этой благодатной земле соединилось несовместимых этнических элементов — через браки и незаконные связи — одному Богу известно! Но на выходе получилось самое большое в СССР количество антисистемщиков (разрушителей) на душу населения! (Заметим, что если раньше «не-

марксисту» и «биологисту» Гумилёву нужно было доказывать свою теорию разным умникам, то сейчас уже не нужно мять бисер — стало ясно, кто был прав, а кто «фантазер»!)

Что же касается северо-кавказцев, то пока они в Российский суперэтнос особенно не стремятся и довольствуются почетным званием гражданина России (увы, несколько девальвированного мигрантами, его купившими). Они считают себя аварцами, ингушами, кабардинцами, карачаевцами, чеченцами. И никем больше!

Рамзан Кадыров говорит: «Я чеченец. И этим уже многое сказано!». И он прав. Суперэтническая принадлежность — она или ощущается или не ощущается! И не надо из суперэтнуса, а тем более этноса, делать «резиновую квартиру»! Это слишком тонкая и чувствительная материя, которая «расширению» не поддается! Более того, рано или поздно эта «материя» начинает сопротивляться всяким попыткам лишить ее самого ценного — этнической идентичности, то есть своего «я»! Конечно, это при условии, что в этнос осталась хоть какая-то пассионарность (сопротивляемость!), и он из системной целостности не превратился в жвачное поголовье...

Кто-то может сказать: эти ваши «ощущается—не ощущается» — вещь ненаучная, а потому неубедительная. Пожалуйста! Если использовать рациональные аргументы, то вопрос о вхождении-невхождении в Российский суперэтнос разрешается просто: надо посмотреть, подвергались ли русские гонениям и притеснениям в данных национальных республиках в период распада СССР или нет? Именно гонениям и притеснениям!

В Средней Азии (с Киргизией), в большинстве республик Кавказа, в Молдавии и Туве — гонения и притеснения были! Где-то больше, где-то меньше, но это факт! Причем, в некоторых республиках русских начали притеснять и принуждать к бегству еще до августа 1991 г. Примеров — тысячи! Но, заметим, об этом нынешние власти РФ как-то не любят вспоминать.

В то же время притеснений русских в национальных республиках и автономиях внутри РФ, за исключением Северного Кавказа и Тувы, — не было. В худшем случае все ограничивалось бытовыми конфликтами и трениями на национальной почве, что естественно для любого суперэтнуса, поскольку идеальных нац. отношений не бывает. Почему? Потому что этнос — есть явление иррациональное, находящееся на границе биосферы (т.е. законов природы) и социосферы. Именно поэтому этнос категорически не помещается в рамки «социальных отношений», которые можно до како-

го-то предела регулировать. (Впрочем, и за социальным неравенством может скрываться неравенство национальное. Например, много ли вы видели русских среди «наших» олигархов?)

Что значит «на границе биосферы»? Это значит, что у любого этноса кроме заряда пассионарности (большого или малого), генной памяти (кодов) и оригинального этнического поля, отвечающего за совместимость-несовместимость с другими этносами, есть еще «инстинкт своей территории». Который, надо это подчеркнуть, всегда срабатывает при попытке других, часто агрессивных этносов, вытеснить этот народ со своей земли.

Яркий пример — израильский геноцид арабов в Газе и яростное сопротивление евреям отрядов «ХАМАС»! Другой пример — это та «этническая бомба», которая сегодня закладывается врагами народа (пятой колонной) под Москву, Петербург и другие русские города. Почему — бомба? Потому что при достижении критической массы взрыв неизбежен, надо только поднести спичку. И совершенно бесполезно взывать в этих условиях к «примирению», к «интеграции приезжих» и пр., поскольку ничего вы с «инстинктом своей территории», с одной стороны, и агрессивным поведением мигрантов, с другой, не поделаете.

На этом и строится расчет наших противников! С Русским майданом (от «белоленточников» до «навальнистов») и войной на Украине (с пятой колонной в МО и властных структурах) — не получилось, теперь будут разыгрывать «мигрантскую» карту! Это последнее, что у них осталось.

И надо заметить, пятая колонна к этому «розыгрышу» хорошо подготовилась, в том числе теоретически. Пока наши умники фыркали по поводу теории Гумилёва, «либералы» ее очень хорошо изучили! Начиная с «института этнологии» и кончая «специалистами» из властных структур.

Но вернемся к теме Российского суперэтноса. По Гумилёву, самую большую опасность для этнической системы несут в себе «неорганичные контакты» между представителями разных суперэтносов. И чем дальше отстоят суперэтносы друг от друга, тем сложнее отношения! Например, русским с китайцами (корейцами, японцами, вьетнамцами) лучше не смешиваться, слишком разные цивилизационные коды (архетипы) и этнические поля (по аналогии с биополем). Единичные связи допустимы, но при массовом смешении получается этническая химера.

Гумилёв описывает такой «неорганичный», т.е. отрицательный контакт южной ветви кочевого этноса хуннов с китай-

цами, который закончился для их «химерных» потомков драматично — китайцы всех перерезали. Другой пример: во время «боксерского восстания», проходившего в начале XX в. под лозунгом «бей чертей!», китайцы-националисты устроили облаву и перерезали более двух сотен православных китайцев (около половины всей общины, среди которых были и потомки казаков-албазинцев!) во главе со священником-китайцем.

Здесь у читателя может возникнуть вопрос: если смешиваться с другими этносами нежелательно, то, значит, следует заключать браки только со своими? Отвечаем — нет, не всегда. Во-первых, если смешение происходит с представителями своего суперэтноса, то это в большинстве случаев приводит к положительному результату. Такая метисация дает дополнительную пассионарность и усложняет, т.е. — укрепляет этническую структуру этноса (суперэтноса), а также придает ей пластичность, т.е. повышенную выживаемость в экстремальных условиях (в войнах и др. катаклизмах). Примеров такой положительной метисации у нас в России множество. Это, повторим, и есть наш секретный «этно-реактор»!

Во-вторых, сто процентов отрицательных «попаданий» в этногенезе не бывает. Иногда случается, что некомплиментарный контакт на суперэтническом уровне дает приемлемый результат, без химеры. Однако группа риска здесь существенно больше! Например — российские немцы (с XVII—XIX вв.). Какая-то их часть была ассимилирована русскими, кто-то обрусел, но большинство-то немцев русскими так и не стали! Не на поверхностном, социальном уровне «не стали» (здесь всё было нормально — работали на страну), а на глубинном уровне личного и коллективного бессознательного!

Именно поэтому множество советских немцев, оказавшихся в 1941 году на оккупированной территории, сразу же перешло на сторону Гитлера (фольксдойче, подписавшие фолькслист). И поэтому значительная часть поволжских немцев, по агентурным сведениям лета 1941 г., ждала «своих». И поэтому же многие потомки российских немцев после распада СССР в России оставаться не пожелали и дружно поехали в Германию... где их за своих, опять же, не приняли!..

Это и есть этническая химера — ни два, ни полтора! В данном случае — ее мягкий вариант, поскольку, во-первых, советские немцы еще не успели сильно перемешаться, а, во-вторых, с немцами (протестантами-лютеранами) у русских были более терпимые отношения, чем с европейскими католиками, англиканами и кальвинистами (ярко выраженная отрицательная комплиментарность).

Примечание. Что касается жестких вариантов химеры, то она представляет собой сборище практически безнациональных особей с размытой, «шизофреничной» идентичностью. Ее явные признаки — высокий процент диссидентов (анти-системщиков), вышедших из данной группы...

Таким образом, в национальном вопросе любые крайности недопустимы — как в сторону узкого национализма, так и в сторону чрезмерного «интернационализма»! Должен быть этнический баланс.

Суть проблемы «неорганичных контактов» в том, что если в состав этноса (суперэтноса) вливаются уже не одиночки или малые группы иноземцев, которых можно переварить, а большие группы из других суперэтносов, то это ослабляет этническую структуру и, если не разрушает ее сразу, то вместо пластичности, придает ей излишнюю жесткость, т.е. хрупкость! Что при социальных перегрузках — смутах, войнах, кризисах — неизбежно приводит к внутренним разрушительным процессам, в т.ч. в элитах. По аналогии с железом, которое при внешней твердости рассыпается при сильном морозе как стекло!

Например, к началу XX века около половины (!) российских дворянских родов были нерусскими. Кроме преобладавших во властной элите немцев и прочих западноевропейцев, были поляки, кавказцы и др. представители народов, не входящих в Российский суперэтнос! Многие из них были отличными служаками, но своими они в массе своей так и не стали. (Разумеется, исключения были.) А для того, чтобы этническая система работала в кризисных условиях без сбоев, нужны свои!

Гумилёв эту тему особо не затрагивает, но приводит такой пример. Когда русская армия в 1812 году отступала, на смену отличному военному специалисту Барклаю де Толли, делавшему всё правильно, потребовался Кутузов, который был своим для русских солдат. Солдаты встретили нового главнокомандующего криками «Ура!». Многие перекрестились: «Слава Богу!», «Батюшка! Отец родной! Веди нас!» Настроение в армии сразу же изменилось.

Потому известная фраза Николая I, сказанная им на балу маркизу де Кюстину по поводу присутствующих — поляка, немца, татарина, грузина, финна, крещеного еврея: «А вот все вместе они и есть русские!» — конечно, красива, но с точки зрения этнологии — это перебор! Без русского большинства вся эта компания «русских», в лучшем случае, — «группа специалистов», а в худшем — «лебедь, рак и щука»! Что, собственно, и показали дальнейшие катастрофические события начала XX века.

Таким образом, накануне войны 1914 г. русские оказались в аппарате управления Российского государства в меньшинстве! Да-да, именно — в национальном меньшинстве!.. Ну как тут не вспомнить известную фразу Николая Первого: «Русские дворяне служат государству, а немецкие — нам!»! Если применить к правящей элите России начала XX в. термин Н. Лескова, то в итоге получился «Кисель-вроде» (от Нессельроде). В 1917 г. Российская Империя распалась... Русские вернутся в правящую элиту только при Сталине, в 1930-е гг. (Ничего не напоминает?..)

То же самое, даже хуже, произошло в Османской империи, которая распалась насовсем в 1922 г. По Гумилёву, этот распад был напрямую связан с «переусложнением этнической системы» (его термин) из-за большого прилива иностранцев. И это факт! За несколько веков своего имперского строительства турки приняли на службу в армию, на флот, в управленческие структуры множество иноземцев. Плюс — рабыни-наложницы со всего света. В гаремах всё это перемешалось... И в фазе надлома — выстрелило!

Примечание. Про российский надлом XIX—XX вв. Гумилёв не писал, но здесь аналогии прямые, поскольку русские с турками — ровесники (толчок XIII в.). Однако турки вышли из надлома раньше нас, поэтому и ударились в национал-патриотизм (неоосманизм) и возвратились к традиционному исламу (феномен Эрдогана). Конечно, «новую Османскую империю» они не вытянут, слишком большие потери, но свое «региональное слово» еще скажут.

И, наконец, следующий после суперэтнического уровня — геополитический. Это уровень больших регионов, основу которых составляют суперэтнос в союзе с адекватными соседями. Данному уровню соответствует Российская евразийская цивилизация, которая сложилась к XIX веку на основе Российской Империи (без инородных Польши, Финляндии и Прибалтики!) и которую сегодня называют Русским миром.

Таким образом, в узком, геополитическом смысле (без религии и культуры) Русский мир — это Российский суперэтнос, плюс стратегические союзники — Казахстан, Средняя Азия и весь Кавказ. Разумеется, союзники не сейчас, а в перспективе — по ходу и после Большой войны, которая изменит весь мировой расклад и «вправит мозги» националистическим элитам на постсоветском пространстве...

При этом каждому народу в будущем евразийском сообществе — не обязательно едином государстве! — должно быть отведено свое место, при недопущении массовых миграций

и перемешивания этносов. Идеал такого Евразийского объединения — это «единство в многообразии»!

И не надо нам никаких «пан-регионов» с восточными европами, турциями и галициями в придачу! Не говоря уже о Японии и Израиле (были и такие предложения от некоторых «политологов»). Хватит уже русским наступать на грабли «неорганичных контактов» с чуждыми суперэтносами! Пробовали много раз, результат — стабильно отрицательный.

Ну а теперь пришло время ответить на вопрос: кто же такие русские? Если коротко, то расклад здесь простой.

1) В узком смысле русские — это этнос великороссов, сложившийся в XIV—XV вв. и выделивший из себя субэтносы: поморов, казаков, сибиряков и др.

2) В более широком смысле русскими принято называть триединый народ: великороссов, малороссов и белорусов, составивших основу Российского суперэтноса. (Автор этих строк имеет именно такое: белорусско-русско-сибирско-украинско-слободское происхождение, чем очень доволен.)

3) В еще более широком, цивилизационном смысле (перед другими цивилизациями-суперэтносами) русскими могут называть себя представители тех коренных народов, которые прожили рядом с русскими с XVI—XVII вв. и разделили с ними их историческую судьбу!

Что значит — разделили судьбу? Это значит, что данные народы, войдя в Российский суперэтнос, участвовали вместе с русскими в строительстве Российской Империи и защите ее границ. Не пытайтесь при этом заниматься политическим (т.е. силовым, а не кухонным) сепаратизмом, в т.ч. через организацию «партизанских отрядов» и других «групп сопротивления».

И еще это значит, что на территориях проживания этих народов русские не подвергались массовым гонениям и притеснениям на протяжении, как минимум, последних 150—200 лет. Кроме того, данные народы (большая их часть) не стремились эмигрировать из России после открытия границ в конце XX века.

Это основное. Отдельные нюансы и исключения можно обсуждать. Они всегда будут, поскольку национальный вопрос, в отличие от классового, вещь очень тонкая, сложная и чрезвычайно болезненная.

МИГРАНТАМ НУЖНА ВЛАСТЬ

Рано или поздно мигрантская вакханалия должна будет закончиться именно этим — массовым вхождением во все ветви и уровни российской власти нацменов, ничего не имеющих общего ни с Россией, ни с русской культурой. И именно они, тожероссияне во власти, должны будут докончить дело разрушения государства изнутри. И будет это делаться от имени государства, «во имя государства», под лозунги развития «многонационального российского народа». К этому и ведёт, проводимая три десятилетия и осуществляемая до сих пор вредительская госнацполитика, основной составляющей которой является миграционная политика. Всё направлено на наполнение российских территорий массами мигрантов, на формирование и усиление влияния нацменских диаспор на федеральном и региональном уровнях. Так будет, если не предпринимать экстренных и радикальных мер по предотвращению этой вакханалии.

А о том, что так будет, я писал ещё в материале 2013 года «Да здравствует азиопский народ!»: «Где вера русских, спросят, во имя истины которой и стояла великая Русь? Ведь

РУССКИЙ ВОПРОС

теперь у нас мечети да синагоги кругом, церквушек всё меньше. А где великая русская культура? Ею кто-то интересуется? Нет, мы же воспитали молодежь в духе «новой культуры». Да и где они сами, спросят, эти русские? В сёлах да в малых городах еще остались? Так самих малых городов всё меньше. А в мегаполисах у нас теперь не русские, а бывшие русские, которые «россиянами» себя кличут. А вот гордые малые народы, в отличие от «бывших русских», как назывались своим именем, так и называются. Непорядок, не толерантно получается, скажут, оскорбляются национальные чувства малых народов. И станут принимать тогда программы по формированию, скажем, «евразийского» или какого-нибудь «панисламистского» народа. А там глядишь, совершенно логично и название государства будет звучать архаично. Россия какая-то! Почему Россия? Азиопа — лучше!»

Разве не так всё происходит, разве не к этому настырно ведёт наша госнацполитика?

В качестве образчика коснёмся только вопроса прошедших выборов в единый день голосования 8 сентября 2024 года (на самом деле выборы проходили в три дня — 6, 7 и 8 сентября).

По итогам прошедших выборов 8 сентября 2024 года победу на выборах в муниципальный Совет подмосковного Пушкино одержал глава таджикской диаспоры Бахромжон Хасанов. Он прошёл в представительный орган городского округа Пушкинский Московской области от партии «Единая Россия». Об этом сообщило информационное агентство российских мусульман IslamNews. Впрочем, в данном случае недолго музыка играла... Депутат Пушкинского муниципального совета, глава таджикской диаспоры Бахромжон Хасанов (прозвище — «Баха») вынужден был сложить полномочия спустя четыре дня после избрания, сообщили в пресс-службе подмосковного отделения «Единой России».

Глава комитета Госдумы по информационной политике Александр Хинштейн заявил, что отставка Хасанова оказалась «добровольно-принудительной». А что случилось? Возмущение российской общественности вызвал «не столько тот факт, что это бывший мигрант», а обвинения в его адрес в обмане участников военной операции на Украине. К своему посту глава комитета Госдумы по информационной политике прикрепил публикацию «Царьграда», в которой говорилось о том, что гуманитарная помощь, которую координировал Хасанов, попадала в магазины секонд-хенда, а подаренный военнослужащим автомобиль быстро сломался. По данным издания, солдаты передали

на тот момент кандидату в депутаты 70 тыс. руб. на ремонт, который в итоге не был проведён.

Само агентство «Царьград» по такому поводу отмечает роль «Русской общины» в развенчании личности Бахи. Все обвинения в свой адрес Хасанов, конечно, отвергал, угрожал какими-то «предусмотренными действующим законодательством мерами для защиты своей чести и достоинства», но всё же написал заявление о сложении полномочий. К тому же каких-либо поясняющих слов Бахи после сложения полномочий депутата не последовало. «Бахромжона Хасанова и след простыл», — сообщил «Царьград».

Как мы понимаем, Баха — лишь одна из первых, пробных «ласточек». Дальше, на следующих выборах, будет, если ничего не предпринимать, вал таких кандидатов-депутатов.

Обращает на себя внимание то, что прошёл в депутаты Хасанов от партии «Единая Россия». Это отдельная тема, но искусственная политизация общества, разделение общества на партии, построение власти по партийному принципу, финансовые и коррупционные схемы при организации выборов — по своей природе порочная организация государственного управления, не отвечающая русским политическим и общественным традициям, как будто специально созданная для усиления внутренних рисков для России.

И случай с Бахой не единственный. На странную тенденцию до прошедших выборов обратил внимание сенатор от Хабаровского края Сергей Безденежных, который во время краевого совещания раскритиковал различные политические силы, проталкивающие по своим спискам вчерашних мигрантов. «Мы дожили до того момента, когда на выборах в краевую Думу выдвигают своих представителей мигранты... У нас есть город на Дальнем Востоке, население 195 тысяч человек. На пятничный намаз в нём собираются 10 тысяч человек. Это молодые люди, без учёта их жён и детей. При этом весь состав ОВД региона насчитывает 8 тысяч человек вместе с женщинами. При таком раскладе я не знаю, как будет выстраиваться защита в плане безопасности», — сказал сенатор.

А в Санкт-Петербурге представителю узбекского землячества «единороссу» Равшанбеку Курбанову и вовсе удалось выбить из предвыборной борьбы молодого русского политика и общественника, волонтёра СВО Савву Федосеева, которому благодарны многие фронтовые подразделения за обеспечение всем жизненно необходимым. Механизм снятия с выборной дистанции Федосеева нацменской диаспорой написан «Царьградом». Среди обвинений в адрес русского кан-

дидата — оскорбление узбеков. А как можно было не называть национальность Курбанова, если последний дерзко нарушал выборное законодательство, правила агитации? Но решение властей было принято о снятии именно Федосеева.

На интересную «тусовку» в Ярославле в дни голосования обратил внимание «Первый Русский». Там смуглые персонажи с характерными бородками провели мероприятие под названием «Содружество народов Ярославии». Они, видите ли, обеспокоены тем, что «сегодня в России мы наблюдаем обострение мигрантофобии». А не уместнее ли было бы мигрантам вести себя нормально, перестать совершать преступления и глумиться над русскими? «Вы — гости на нашей земле, ведите себя соответственно. И простейший способ: если вам не нравится мигрантофобия коренного населения, спровоцированная вашим беспардонным поведением, можете уезжать домой, в свои республики, в чём проблема?» — справедливо отвечал им «Царьград».

И очень рассчитывают «бородачи» в Ярославле «на понимание населения и поддержку органов власти». Для того, наверное, им и нужно идти во власть. Еще один интересный и показательный момент: среди флагов, которые демонстрируют члены этого форума, присутствовал жёлто-голубой флаг того «государства», которое каждый день бомбит и убивает граждан России.

И названию мероприятия в Ярославле вполне специфическое: уже даже не «народы России», а «народы отдельных регионов России». И ведь власть позволяет, более того — сама стимулирует проведение мероприятий с таким названием! Российские верхи упорно этого не видит и не слышит.

«Дом народов Вологодской области» собираются открыть в русском регионе страны. В Вологодской области подавляющее число русских, но, видимо, именно это и настраивает власти области усиливать тенденции мультикультурализма и формирования антирусского интернационала.

Выводы «Царьграда» завершились констатацией председателя Национального антикоррупционного комитета Кирилла Кабанова: «Фактически речь идёт о внедрении в представительные органы власти людей, которые будут представлять интересы анклавов, образованных группами по национально-религиозному признаку и, соответственно, отстаивать только их интересы. Что в корне противоречит принципам и задачам муниципальных и региональных законодательных органов и органов местного самоуправления. Продвижение такого рода представителей уже официально укрепляет/закрепляет влияние диаспор на власть, тем самым её разрушая».

Да, происходит явная отработка сценария по инкорпорированию нацдемских диаспор во власть. А в среднесрочной перспективе идёт речь о подмене русской (российской) власти на власть «антирусского интернационала».

Не то что «их», представителей нацменских диаспор, ещё нет во власти, но в большей части они предпочитали пока официально не «светиться», не идентифицировать себя с диаспорами... А в ещё большей степени «антирусский интернационал» и диаспоры ориентированы на коррупционные схемы, вербовку уже действующих чиновников и депутатов, покупку угодных для себя решений во власти. Косвенно это видно даже по некоторым депутатам Государственной Думы. Вроде был нормальный депутат ГД, говорил правильные вещи о значении государсвообразующего русского народа, опасности для государства размывания русского стержня посредством миграции и... вдруг с какого-то неуловимого момента стал придерживаться диаметрально противоположных «ценностей», призывать к умножению мигрантских потоков, рассуждать о ценности для страны «трудовых» мигрантов и т.д. И самое главное, такой «народный избранник» стал всемерно способствовать принятию решений, угодных «антирусскому интернационалу», и участвовать в блокировке антимигрантских законов. Депутата как подменили в этом вопросе. А в чём дело? Доказать в каждом конкретном случае, разумеется, ничего нельзя, но мы можем только предполагать, что произошло... Да купили просто, скупили на корню нацменские диаспоры этого депутата.

Судя по всему, национальные диаспоры уже перестало удовлетворять их латентное присутствие во власти, на каком-то уровне они пришли к выводу, что пора непосредственно входить во власть, а затем и напрямую захватывать власть в свои руки. Действительно, посредством вредительской миграционной политики государства, мигрантов становится всё больше.

«ОТЦЫ» ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

110 лет назад, 1 августа 1914 года, началась война между двумя коалициями европейских держав. С одной стороны — Франция, Англия и Россия (Антанта, по-французски — Согласие), с другой — Германия, Австро-Венгрия и Италия (Тройственный союз, к которому позднее примкнули Турция и Болгария, но вышла Италия, и он стал называться Четверным союзом).

Как известно, поводом к войне послужило убийство в столице Боснии г. Сараево 28 июня 1914 г. наследника австрийского престола эрцгерцога Фердинанда боснийским сербом Гаврилой Принципом. В тот же день Австро-Венгрия заявила, что за этим убийством стоит Сербия и объявила ей войну. Россия заявила, что не допустит оккупации Сербии и 31 июля объявила мобилизацию. В ответ на это 1 августа Германия объявила России войну, 3 августа она же начала войну с Францией, а 4 августа ей объявила войну Англия. В своё время германский канцлер Бисмарк пророчествовал, что «если в Европе будет война, то начнётся она из-за какой-нибудь глупо-

сти на Балканах» (он же назвал Балканы «пороховым погребом Европы»).

Война, по справедливости названная в России Второй Отечественной (Первой была война 1812 года), быстро стала мировой — в ней участвовали 38 стран со всех пяти континентов.

«Как полны мы были энтузиазма! Как полны уверенности, что боремся за правое дело, во имя свободы, гуманности, за лучшую жизнь всего мира. Благодаря нашему приподнятому настроению мы ждали триумфов и побед. Русская пехота! Британский флот! Французская артиллерия! Война будет окончена к Рождеству, и казаки войдут в Берлин! Знаменитая Аллея Победы в Берлине, с ее ослепительными беломраморными статуями курфюрстов и королей из дома Гогенцоллернов, будет разрушена», — это из воспоминаний дочери английского посла в Петербурге М. Бьюкенен.

А это из письма германского императора Вильгельма II австрийскому императору и венгерскому королю Францу-Иосифу II в 1914 г.: *«Всё должно быть утоплено в огне и крови. Необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков. Нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева. Этими террористическими методами... война будет окончена менее чем в два месяца, в то время как, если я приведу во внимание гуманитарные соображения, война продлится несколько лет».*

Германия давно готовилась к войне. Своё перевооружение она начала еще в 1900 г., у нее были прекрасно обученные командные кадры и мощная разведывательная сеть (в России жило 2 млн. немцев и далеко не все из них были ее патриотами). К началу войны германский военно-промышленный потенциал превышал потенциал России и Франции вместе взятых. Поэтому она торопилась начать войну, пока Россия и Франция не закончили своё перевооружение, и лишь ждала повода. Да не только ждала, но и старалась создать его.

Первый раз — в 1909 году, после того как Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, которые были населены преимущественно сербами и которые Сербия считала своей территорией. Сербы стали готовиться к войне, рассчитывая на помощь России. Тогда Германия (не Австро-Венгрия!) в ультимативной форме предложила России немедленно дать недвусмысленный ответ: признаёт она или нет эту аннексию; если нет, то нападение Австро-Венгрии на Сербию неизбежно (с прозрачным намёком на то, что Германия её поддержит). Россия, только что пережившая войну с Японией и потрясения первой «русской» революции и лишь на-

чавшая перевооружение своей армии и флота, не была готова к войне и вынужденно признала аннексию, что, конечно же, нанесло ущерб её международному авторитету. Но, как сказал глава правительства П.А. Столыпин, «развязать войну — значит развязать силы революции» (имея в виду, что Русско-японская война стала катализатором революции 1905 года).

Второй повод, когда на немецкий ультиматум 31 июля 1914 г. о прекращении мобилизации Русской Армии Россия ответила отказом, Германия не упустила. Вести же войну немцы намеревались по «плану Шлиффена». Шлиффен, начальник немецкого генштаба в 1891—1905 гг., понимал губительность для небогатой ресурсами Германии длительной войны на два фронта с мощными противниками и предусмотрел молниеносную войну (блицкриг): вначале, пока Россия не успеет мобилизовать и развернуть свою армию, наступлением через нейтральную Бельгию разгромить Францию, а затем быстро перебросить свои войска на восток и разгромить Россию. Недаром Вильгельм II напутствовал свою армию словами: *«Вы вернётесь домой ещё до того, как с деревьев опадут листья. Обед у нас будет в Париже, а ужин — в Санкт-Петербурге»*.

Всё, однако, пошло не так. Не помогли даже террористические методы (а немцы действительно отличались крайней жестокостью) — война продлилась более четырёх лет и стоила воюющим странам 10,1 млн. погибших солдат и 11,4 млн. погибших мирных жителей, всего 21,5 млн. жертв.

На два фронта пришлось воевать не только Германии, но и России — кроме Западного театра военных действий (против Германии и Австро-Венгрии) был ещё и Южный театр (против Турции). Причём, если на Западном театре из-за «снарядного голода» в 1915 году Русская Армия была вынуждена отступить (максимально до линии Даугавпилс—Барановичи—Пинск—Ровно—Черновцы, т.е. оставить Польшу, Литву и самые западные области современных Белоруссии и Украины), и перелом в пользу России произошёл там только в 1916 году, то на Южном театре боевые действия были успешными все годы войны (см. «МГ», 2021, №9, с. 240—244).

В России из общего числа жертв 2,74 млн. человек военнослужащие составили 1,67 млн., в то время как число погибших военнослужащих союзников России составило 3,94 млн. Как видно, царская Россия умела воевать не так уж плохо. Она имела боевой опыт войны 1904—1905 гг. и хорошо подготовленный офицерский корпус (хуже обстояло дело с

генералами). Она была вооружена лучшими в мире отечественными винтовками Мосина, лучшими в мире 3-дюймовыми полевыми пушками и первыми в мире самолётными-бомбардировщиками. (Правда, этого оружия, а также боеприпасов к началу войны было изготовлено недостаточно, и их пришлось докупать за границей, пока не было широко развернуто свое производство.) Для сравнения можно посмотреть и линии максимального продвижения немцев в 1915-м и в 1942-м годах, притом что в 1915 г. русские войска на западе не только отступили, но и продвинулись вперёд на территорию Австро-Венгрии на глубину до 150 км. В 1916 году промышленность России была переведена на военные рельсы, недостаток оружия и боеприпасов был преодолен, фронт был обеспечен необходимыми людскими и материально-техническими ресурсами, и этот год стал триумфальным для Русской Армии — Брусиловский прорыв нанес сокрушительное поражение австро-германским войскам, продвинул линию фронта на запад на 80—120 км и создал перелом хода войны в пользу Антанты. На 1917-й год было запланировано новое мощное наступление.

Известный политический деятель Г. Зюганов как-то публично заявил, что «Первую мировую войну Россия вчистую проиграла». Это как же нужно ненавидеть Россию, чтобы произнести такую ложь! Правду сказал английский военный министр, будущий премьер-министр У. Черчилль: *«В марте [1917 г.] Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна. <...> ...к этому моменту [Николай II] выиграл войну для России»*. Правду написал и глава британской военной миссии генерал Нокс: *«Нет никакого сомнения в том, что если бы тыл не раздирался противоречиями..., русская армия увенчала бы себя новыми лаврами... и, вне сомнений, нанесла бы такой удар, который сделал бы возможным победу союзников к исходу этого [1917-го] года»*.

А дальше произошла Февральская катастрофа: *«Держа победу уже в руках, она (Россия. — В.Г.) пала на землю заживо, пожираемая червями»* (У. Черчилль). За ней — Октябрьская катастрофа, залившая Россию кровью, — военный коммунизм, красный террор, продразверстка и Гражданская война к 2,74 млн. добавили, по разным оценкам, от 13 до 19 млн. новых жертв. К ним нужно отнести и 6 (по другим оценкам 7) миллионов беспризорных детей-сирот, огромная часть которых, несмотря на последующие усилия властей, выпала из общественной жизни.

И советские, и современные историки причинами Первой мировой войны считают непримиримые противоречия между европейскими странами. Германия, после своего объединения в 1871 г., быстро набирала экономическую и военную мощь и рвалась к доминирующему положению в Европе и к своему вечному «расширению жизненного пространства», но к колониальному захвату опоздала — самыми лакомыми кусками в Азии и Африке уже владели Англия и Франция. Поэтому изменить сложившийся геополитический расклад она могла только военной силой. Ещё в 1887 г. Ф. Энгельс писал: *«Для Пруссии—Германии теперь уже невозможна никакая война, кроме всемирной войны».*

Естественно, что задачи Англии и Франции были прямо противоположными — не дать Германии расширить это пространство за счет их колоний. Кроме того, Франция копила ненависть к немцам за своё поражение в 1871 г. и хотела вернуть захваченные ими французские земли в Эльзасе и Лотарингии, а Англия была встревожена ростом конкурентоспособности немецких товаров и усилением немецкого военно-морского флота, угрожавшего английским морским коммуникациям. Наконец — и это, наверное, главное, — Англия хотела столкнуть лбами две самые могущественные, стремительно развивавшиеся державы Европы — Россию и Германию. Наименьшую выгоду от войны могла получить Россия — лишь укрепить своё влияние на Балканах, где ее интересы пересекались с интересами Австро-Венгрии, и получить контроль над Проливами для свободного выхода из Чёрного моря в Средиземное.

Казалось бы, какие противоречия могли быть между Россией и Германией? В части торгово-экономических отношений союз Германии и России был бы идеальным союзом. Он мог бы быть и хорошим политическим союзом, направленным, прежде всего, против происков Англии, вечно пакостившей и Германии, и России (то на Дальнем Востоке, то в Средней Азии, то на Кавказе, то на Балканах).

Русско-германские отношения были превосходными до 1878 года. В 1871 г. Россия оказала Германии поддержку «дружественным нейтралитетом» во Франко-Прусской войне, блестяще развивались торговые отношения. Однако после победоносного завершения Русской-Турецкой войны 1877—1878 гг. канцлер Бисмарк собрал международный Берлинский конгресс, который лишил Россию многих плодов победы, затем немцы затеяли Таможенную войну (см. «МГ», 2022, №10, с. 164—167) и в результате столь недружественной по-

литики (к тому же напористой до наглости) подорвали доверие к себе, окончательно испортили отношения и вынудили Россию в 1890-е годы переориентироваться на союз с Францией.

В 1905 г. на встрече российского и германского императоров в Бьёрке Вильгельм II предложил Николаю II заключить военный союз, цель которого была прозрачной — оторвать Россию от союза с Францией, испортить её отношения с Англией, т.е. изолировать Российскую империю, превратить её в своего вассала и обеспечить себе спокойный тыл в войне на западе. Россия, понятно, на такой союз не пошла.

Но главным всё же был «Дранг нах Остен», идея которого засела в головы немецких политиков сразу после объединения Германии, о чём хорошо знали в России. Ещё в 1908 г. премьер-министр П.А. Столыпин говорил: *«Её стремление расширить свою территорию на восток легко может послужить поводом к войне против России. Один лишь Бисмарк, сравнительно хорошо знавший Россию, не раз предупреждал германского императора, что всякая война против России очень легко поведет к крушению германской монархии»*.

Это всё очевидные причины Первой мировой войны, но были и неочевидные, которые историки зачастую обходят вниманием. Президент США Теодор Рузвельт сказал в 1912 году: *«Позади видимого правительства на троне сидит невидимое правительство, которое ни в малейшей степени не доверяет народу и не несет никакой ответственности. Уничтожение этого невидимого правительства, разрушение безбожной связи между коррумпированными дельцами и коррумпированными политиками — вот в чём задача государственного деятеля»*.

Это невидимое правительство (Финансовый интернационал, сокращенно Фининтерн), состоящее из английских, французских и немецких Ротшильдов, немецких Варбургов, американских Шифов и Барухов и других финансово-промышленных магнатов, повязанных к тому же родственными связями, и организовало Первую мировую войну. Оно финансировало обе воюющие стороны, оно финансировало Февральскую и Октябрьскую революции в России, извлекая прибыль от любых инвестиций. Однако еще важнее была другая цель: разорив континентальную Европу, установить на земле Новый мировой порядок, где оно будет хозяйничать безраздельно («Каждая война, каждая революция, каждое политическое или религиозное волнение приближают тот

момент, когда мы должны достигнуть нашей великой цели, к которой столь долго стремимся»).

Отработка сценария была поручена британскому Королевскому институту иностранных дел (РПА). В сценарий, в частности, входило убийство в Сараево и предшествовавшая убийству мощная пропагандистская кампания: одновременное раздувание русофобии в немецких газетах и германофобии в русских и французских газетах, призывы в Германии к войне с Россией и Францией, а в России и Франции — к войне с Германией. Все эти газеты финансировались из одних источников.

Поскольку террорист Г. Принцип был членом оккультной террористической группы «Чёрная рука», тесно связанной с французским масонством, и пистолет он направил в наследника австрийского престола, выступавшего против войны с Сербией, считается, что масонский заговор и привёл к войне. Подтверждает это и то, что многие члены русского правительства, депутаты Государственной думы и генералы Русской Армии, вначале подталкивавшие свою страну к войне, а потом свергнувшие Императора Николая II, и почти все члены Временного правительства были масонами. Масоны были и среди влиятельных деятелей в Германии.

Однако такая точка зрения уводит внимание от истинных организаторов мировой бойни, ибо еще во второй половине XIX века масонство срослось с Фининтерном и превратилось в его инструмент (в XX веке набор инструментов пополнился МВФ, МБРР, Всемирной организацией здравоохранения, Всемирным советом церквей, Гринпис и т.д.).

В феврале 1914 года член Государственного совета, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в аналитической записке Императору предостерегал того от вступления в войну и дал достаточно точный прогноз возможных последствий. Действительно, война России была не нужна, что хорошо понимал и Император, учитывая, к тому же, что перевооружение Русской Армии по плану должно было завершиться к 1918 году, когда Россия по огневой мощи должна была превзойти Германию (аналогичная ситуация сложилась в июне 1941 г., когда не хватило 1,5—2 года до завершения перевооружения Красной Армии).

Но могла ли Россия не участвовать в этой войне? На первый взгляд, кажется, что могла. Для этого достаточно было перестать защищать интересы сербов, отказаться от претензий к режиму Черноморских проливов, денонсировать русско-французские и русско-английские соглашения, не про-

водить мобилизацию и заверить немцев в своем нейтралитете. Не зря Николай II, анализируя разные варианты, почти месяц не принимал окончательного решения.

Решение же он принял исходя из реальных перспектив. Разгромив французов с англичанами на западе, немцы повернули бы оружие на восток (вспомним слова Столыпина!), наплевав на всякие заверения о нейтралитете, — коварные нарушения договоров и договоренностей немцы демонстрировали уже не раз, а повод для агрессии уж как-нибудь нашли бы. Тогда Россия в войне с германской коалицией, намного превосходящей ее в экономическом и военном отношениях, осталась бы вообще без союзников.

Уж тут-то Фининтерн постарался бы вести войну до последнего русского и до последнего немца, до превращения в руины и России, и Германии! Впрочем, в России он своего почти добился — к 1922 году страна действительно лежала в руинах.

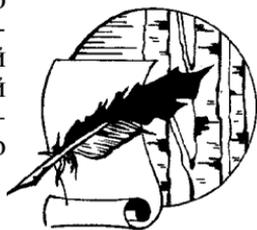
ДВА ГОЛОСА УШЕДШЕЙ ЭПОХИ

К 90-летию Алексея Валерьевича Артемьева

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идёт по кругу
Спокойно, отчуждённо, вне сравнений,
И нас уже в себе не заключает.

А.А. Тарковский

Это правда. Алексей Валерьевич никогда не говорил и не писал о себе, понимая, что все тектонические неправдоподобные сдвиги в Русской культуре, а значит и истории, которые он изучал и о которых писал, — в сегодняшней кислотной среде вряд ли будут адекватно восприняты, если писать от первого лица. И это не только природная скромность человека, воспитанного в 30—40-е годы. Тогда все лучшие люди были такими. Но ещё и не достижимая глубина и масштаб личности, образ его мировоззрения, вобравшего в себя культуру двух Великих империй — Царской и Сталинской, его огромный духовный опыт и, наконец, самый безценный дар — Божий Дар Любви, который отвыкшего

ПАМЯТЬ

от Неё человека может оглушить, ослепить, подобно Фаворскому Свету. Потому, когда я возвращалась домой с опухшими глазами, он, обнимая, говорил: «Чем шире ты открываешь объятия, тем легче тебя распять». Или: «Бедная, бедная моя юродица, опять тебя надули» и тут же без паузы: «Эх... погляжу я на тебя — ты ещё смешней меня»...

При всём (почти с рождения у обоих) трагизме наших судеб я всё же эти слова о распятии больше относила к нему, к Алексею Валерьевичу. В книге «Три жизни Артемьева», в которой впервые опубликованы ВСЕ уникальные его эссе, документы, фотографии от рождения до смерти, письма с фронта, невозможно да и не нужно было перечислять все распятия его *великой судьбы*. Двух было достаточно, даже без упоминания имён, это были акты варварского уничтожения гениальных его фресок в Храме — при нём, то есть в его присутствии. Пролог к книге написал незабвенный Алексей Дмитриевич Курбатов. И это потрясающая живопись о поколении ушедшей эпохи, он сам был в эпицентре последних из могижан. Эпилог принадлежит письму Александра Андреевича Проханова, в котором он непостижимым образом сумел вместить все подвиги Артемьева, всю его судьбу, все его жертвы ради сохранения Великой Русской культуры, Матери Церкви, Родины нашей. Для третьей, завершающей части книги были избраны 16 эссе памяти Артемьева, где, не умоляя остальных, хочется выделить три: «Россия всегда парадоксальна» Анатолия Дмитриевича Степанова, стихи, посвященные Артемьеву, и статья «Я был сопутником Великого Человека» русского поэта протоиерея Леонида Сафронова, и самое для меня правдивое и пронзительное — ветерана военной службы, поэта Сергея Фёдоровича Калинова «Храм Артемьева». В этом коротком эссе, подобно тому, как все молитвы, собранные в «Отче Наш», подробно, безстрастно и страшно описано убийство в присутствии Алёши созданного им необыкновенного Храма, какого никогда не было до него и, увы, никогда не будет.

Подобное происходило в его жизни многократно, самое безчеловечное — в Храме, которому он беззаветно отдал 30 последних лет своей жизни. Этот Храм был ему необычайно дорог ещё и тем, что в нём почивали две Святые, с которыми связана его личная и творческая судьба. Это Голгофский крест, пред которым крестили маленького Алёшу, и Икона Святителя Николая, которую Артемьев привёз из Холмогор в тот период, когда постоянно ездил на любимый Север собирать старинные книги, иконы, прялки, чтобы все эти сокровища несметные реставрировать и дарить Историческому

Музею Москвы, где эту коллекцию до сих пор хранит Наталия Николаевна Гончарова. А Икона Святителя Николая принадлежала Михайло Васильевичу Ломоносову. Артемьев гениально, как и всё, что он делал, отреставрировал и её, и Голгофу. Все подробности — в книге. Сейчас упомяну лишь о том, как в канун 85-летия его, уже тяжело больного, впервые за 30 лет беззаветного служения поздравили. Именно из этого Храма приехал к нам человек, протянул свёрток и, отказавшись войти в квартиру, вернулся в лифт. Поблагодарив его, мы вошли в дом, открыли свёрток и увидели Евангелие. И нам даже показалось, что оно Служебное — на ребре была застёжка. Благоговейно открыв её, мы молча смотрели друг на друга. Слезы, почему-то не лились, а как-то противоестественно застыли, словно навсегда. В коробке на дне лежала бутылка водки и три стопки.

В такие минуты, как сквозь тусклое стекло, наплывают в памяти события 1987 года. Меня тогда как певческое НЛО, широко известную в узких кругах молодую певицу, приглашают в Киев — мать городов русских, записать первую в стране пластинку вершин Русской Духовной музыки с замечательным Киевским камерным хором. Где! Во Святой Святы — Софийском Соборе. Эта пластинка должна была выйти в канун Великого Праздника 1000-летия Крещения Руси. Опустив все мистические события, сопровождавшие эту запись, перехожу к финалу. На звукозаписывающей фирме «Мелодия» существовал ОТК, так же как в редакциях корректоры. Обычно никто никогда не вслушивался в предлагаемую для выпуска пластинки запись — задача ОТК не пропустить посторонний звук, шорох и тому подобное. Но в случае с «Бурлаковой Фросей» — всё было наоборот. Мало того, что запись дважды прослушали без остановок (что необходимо для проверки технических параметров), директриса вышла, вернулась с розовыми глазами, красным носом и на фирменном бланке, подтверждающем готовность к выпуску, подобно Чайковскому, поставившему Рахманинову за «Алеко» 5++++, сделала то же самое на бланке и поставила печать с такой силой, что все, сидящие за столом, подпрыгнули. Вскоре из отдела культуры ЦК КПСС пришла подковёрная «отмашка» — не выпускать, а запись смыть. Дмитрий Сергеевич Лихачёв, слышавший меня в Питере и уже писавший обо мне (!), прислал на «Мелодию» письмо, смысл которого сводился к тому, что уничтожив первую в стране запись Русской Духовной музыки, они не столько проявили личное отношение ко мне, сколько «нанесли непоправимый урон отечественной культуре».

«Мелодия», оказавшаяся между молотом и наковальней, всполошилась и тут же отправила официальный ответ, в котором, ничтоже сумняшеся, писала о том, что уникальная запись, увы, не прошла ОТК (...) И — о, «чудо»! Тут же выпустила мою замороженную пластинку с записью «Stabat Mater» Антонио Вивальди, так же впервые в стране. Я сохранила тот исторический бланк, на котором начертано пять с четырьмя плюсами и печать, почти продавившая бумагу. Взяла чудо в кавычки, однако эта замороженная запись была чистым эксклюзивом, ибо всё в ней было первым исполнением в стране: «Плачь моё сердце», посвященная великой испанской певице по прозвищу «Карамба», композитора Пабло Эстебе (XVIII в.), уже упомянутый шедевр Вивальди и «Мелодия» Глюка, да, да, та самая, написанная, для флейты к опере «Орфей и Эвридика». Но мне приснилось, что я её пою... Вскоре она стала моей «визитной карточкой» — во всех городах и всях требовали «Мелодию». Я её пела в сопровождении рояля, в сопровождении клавирина, камерных и симфонических оркестров. Самая памятная — в Большом зале Петроградской филармонии в сопровождении симфонического оркестра незабвенного Евгения Владимировича Колобова. Слава Богу, сохранились очень качественные видео- и аудиозаписи. И в стране, и за рубежом, во всех многочисленных статьях о ней писали как о молитве Глюка, ибо так я её и пела, а что до православных де-юре молитв, то после того, как смыли мою запись, сразу стали выходить одна за другой пластинки с Архиповой и Нестеренко, который утром выступал на партийном собрании Большого театра, а вечером пел Царя Бориса и вскоре навсегда улетел в Австрию. Конечно — они пели «Госпади, Памилуй»...

Эту историю с уничтожением записи, сделанную в Киевском Софийском Соборе, Алексей Валерьевич с его громадной амплитудой парадоксального, ассоциативного мышления сравнивал с памятником Тысячелетия России в Великом Новгороде. Его торжественное открытие состоялось 20 сентября 1862 года. Памятник грандиозный — по замыслу и уровню воплощения — огромный колокол, окруженный гениями Русской культуры и истории, но... без главного Героя — основателя и собирателя земель Русских, Первого Помазанника Божия, Государя нашего Иоанна Васильевича Грозного. Видимо, сочли, что Господь ошибся, сделав этот выбор для тогда ещё Святой Руси.

Шли годы, я прославляла Великую Русскую Музыку по всему миру. Первая пела все Циклы Свиридова и Гаврилина за рубежом. В Париже вышли три моих русских диска с ше-

деврами Русской живописи на обложках. В лучших залах страны и мира пела вершины православной музыки и допелась до того, что стала первой Русской певицей исполнявшей Русскую духовную музыку в Ватикане с одним из лучших и любимейших моих хоров — Ленинградским камерным хором под управлением Николая Николаевича Коренева. В Главном зале Ватикана по приглашению и в присутствии папаши римского. Но испытать то, что случилось в Софийском Соборе Киева, пред Орантой — уже не смогла.

Алексей Валерьевич от утробы матери — замечательной певицы и всю жизнь церковной певчей, жил Музыкой. А стал художником. Я же с раннего детства жила поэзией и живописью, а стала певицей. Почему-то никогда не дружила со сверстниками, а только с дядечками и тётчками старше меня на 50—40 лет, в общении с которыми я могла осуществлять самое любимое, самое для меня пленительное — **ученичество**. Сколько помню себя, вечно прилеплялась к тем, кто был умнее, образованнее, интереснее и кто разрешил мне у себя дома наслаждаться альбомами с репродукциями Леонардо и Рембрандта, Ван Гога, Караваджо, Эль Греко. Последние три художника навсегда стали любимыми для меня, только у них, из всех западных мастеров, я находила настоящую религиозную живопись, близкую к фрескам и иконам. У Эль Греко это «Святое Семейство с Праведной Анной», а у Караваджо «Отдых на пути в Египет» — самая таинственная и глубокая его картина. В другом веке и в другом тысячелетии, уже будучи супругой Алексея Валерьевича Артемьева, я нисколько не удивилась, узнав от него, что и он их так же любит. Именно от него, от Артемьева, узнала я о том, что два эти шедевра были написаны гениями в один год — одновременно, на огромном расстоянии друг от друга, в 1595 году.

Конечно, мы безгранично любили Сурикова, Саврасова, А.А. Иванова, Венецианова, Ф. Васильева, братьев Васнецовых, включая последнего — Андрея, и, конечно, Врубеля! А тогда, в том веке, когда мы с Алёшей ещё не знали друг друга (хоть он и утверждал обратное), в домах этих взрослых щедрых людей я переписывала даже поэзию Лозинского, которого до сих пор знают скорее как великого переводчика Шекспира и «Божественной комедии» Данте (Сталинская премия I степени), а также разрешали переписывать в заветный блокнотик стихи Есенина, такого Маяковского, которого не было в школьной программе, Ахматову, Гумилёва, Цветаеву, Тарковского, Заболоцкого и многих других, не доступных мне в то время. Какое это было счастье, Господи! А гениальное просветительское телевидение!

Алексею Валерьевичу повезло ещё больше — ведь все 1930—40—50-е он слушал по радио в прямых трансляциях из Большого театра Собинова, Нежданову, Преображенскую, Нэлиппа, Гмырю, Голованова, Софроницкого, Мравинского, Марию Вениаминовну Юдину, Генриха Густавовича Нейгауза, уникальные прямые трансляции спектаклей МХАТа, Малого театра. В этом мы с Алексеем Валерьевичем были счастливыми людьми. Всё это продержалось до конца золотых «застойных» семидесятых, когда во всех кинотеатрах страны так же, как и в театрах, в кассы выстраивались огромные очереди. Критерием искусства были не собранные миллионы рублей, а *люди!* Количество посетивших те или иные спектакли, то есть уровень режиссуры, исполнительского мастерства, профессиональная честь и достоинство. Начиная с конца 40-х, одна за другой выходили экранизации русской и зарубежной классики, мультипликация, не достижимая ни для каких Диснеев. Пишу о том, что было в жизни Алексея Валерьевича большим отдохновением. В редкие искусственно, с большим трудом созданные им «свободные» вечера, мы смотрели с ним на нашем маленьком видеоплеере и до самого утра вспоминали эти улицы без рекламных щитов, дороги с останавливающимися русскими таксистами по одному взмаху руки, дворы, утопающие в зелени с вечно пишущей, прыгающей и поющей детворой.

Своих детей у Алексея Валерьевича не было, из многочисленных внуков первой супруги Искры Андреевны Бочковой, замечательной художницы и самобытного человека, которой я посвятила главу в книге «Три жизни Артемьева», он создал фольклорный ансамбль «Ромода», выступления которого в моем Цикле «Возвращение на Родину» вызывал неизменный восторг, так же как приглашаемые мною фольклорные ансамбли «Измайловская слобода», «Звонница» и космический ансамбль «Сирин» выдающегося русского музыканта Андрея Котова.

Как большой художник и провидец Алексей Валерьевич своеобразно, по сравнению с другими, воспринимал Красоту. Ту Красоту, которую в старину русский человек называл Доброта. Если кого осуждали, пусть подчас и справедливо, а больше из зависти, но кто благодатно переживал и страдал (бывают страдания и безблагодатные), в том Алексей Валерьевич и видел эту доброту, думал о нём, молился за него, впрочем, защищал тоже не так, как все. Однажды меня «обидел» один известный батюшка, Алёша поехал к нему в храм и в присутствии свидетелей произнёс: «Если бы вы не были священником, я бы вызвал вас на дуэль». Воистину «безстра-

ствия тишайшая пучина». Даже внешность Артемьева была восхитительно разной. Восхитительно, потому что не возраст влиял на эти метаморфозы, а состояние души. Он был похож то на Чехова, то на римского легионера, то на Шалапина, то на ребёнка... О его внутреннем мире точнее всех сказала бы Ахматова: «Поэт — не человек, а Дух — слеп, как Гомер и как Бетховен глух». Всё в нём было: и мужество, и железная воля, физическая сила, нежность. И всегда он был готов к бою, о чём мог бы дать исчерпывающие свидетельства любимый нами Владыка Тихон (Шевкунов).

И смирение! Ни в одном человеке не встречала я такого непоказного, а глубинного смирения. Однажды во время Таинства Соборования в Храме, для которого он сделал неизмеримо больше, чем мог, настоятель, подойдя к нему и помазая святым елеем, громогласно повторял: «Не будет тебе благодати! Не будет тебе благодати!» И Алёша стоял до конца с лицом преображённым, тихим, почти сияющим... Это тот самый священник, что с аналоя часто возвещал: «Вы монархисты! Вы коммунисты! Вы патриоты! Вы патриоты!» И ещё раз в обратном порядке: «Вы коммунисты! Вы монархисты!» Господи, прости его и помилуй.

Однажды Алексея Валерьевича пригласили в Ярославский музей, посвященный «Слову о Полку Игореве», изучению которого он отдал 40 лет своей жизни: издал авторскую книгу с фресками, комментариями, переводом и записью VI симфонии Прокофьева в сопровождении которой он и прочитал наизусть целиком «Слово», во что до сих пор никто не верит. И вот привезя в Ярославль сорок иллюстраций к «Слову», которые он называл фресками, он встретил уникальный (даже для такой аномальной страны, как Россия) приём. Директриса с интонацией молодой цветущей лисицы нежно попросила: «Вы о картинах своих говорите, что хотите, а произведения «Слово о полку Игореве» не касайтесь». Артемьев конечно, как всегда, остался остроумным, но я ни одному гитлеру не желаю испытать то, что испытал Алёша в эту минуту. Видимо, у него было сердце, как у синего кита (длина 30 метров, вес 120 тонн, сердце 600 кг). Невзирая на врожденный порок своего маленького большого сердца, оно у него было расширено и так всеобъемлюще, что способно было всё в себя вместить.

Сальери, конечно, покончил с собой, но сальеризм безсмертен. А сердце Артемьева вмещало в себя всё, все обиды, предательства, ненависть, зависть и вместе с тем весь мир, всю мировую культуру. Он умел любить то, что многие не понимали и не принимали. Мы бесконечно любили Древ-

нюю Египетскую культуру с её верой в бессмертие души, первые в истории человечества изображения рыб (символ Иисуса для каждого верующего человека) и птицами с огромными крыльями и прекрасной женской головой, что в египетской мифологии олицетворяли самую Душу. И, конечно, вершину Древнеегипетского искусства — надгробные фаюмские портреты, о которых упоминает в своем эссе об Артемьеве внук Леонардо XX в. — новомученика Отца Павла Флоренского — близкий друг Алёши, выдающийся учёный Павел Васильевич Флоренский. Все великие египетские фараоны окружали себя гениями науки, медицины, искусства живописи, архитектуры, поэзии. В культурном центре Египта в знаменитом городе Фивы, который всегда называли душой Египта, учились Пифагор и Платон, Плутарх и Гераклит.

Но было! Было в третьей, завершающей части его жизни, счастье! Алексей Валерьевич заведовал кафедрой рисунка в Институте Натальи Нестеровой. Ученики его боготворили — ибо всё в нем было для них событием. На первом курсе, видя, как им интересно, Алексей Валерьевич давал сложные и вместе с тем дающие полную свободу задания по иллюстрации. Он, конечно, видел, что ребята — народ не читающий, увы. И предлагал иллюстрировать самых наших любимых героев: из Чехова — портрет обожаемого нами Осипа Степановича Дымова из рассказа «Попрыгунья», из повести «Моя жизнь» — портреты Мисаила Полознева и пленительный образ старика «Редьки» из нашей любимой «Степи». Задания усложнялись, он задавал выбирать героев из романа Николая Семёновича Лескова «На ножах» (роман — предтеча «Бесов» Достоевского), а уже на втором курсе он показывал мне их наброски, эскизы к «Капитанской дочке», «Тарасу Бульбе» и бесконечно любимому Ершчке из «Казаков» Толстого. Когда Алексей Валерьевич несколько занятий пересказывал им «Тихий Дон», стали появляться эскизы сложнейшего образа Степного Гамлета — Григория Пантелеевича Мелихова. И тут произошло одно из самых трагических для Алёши событий — закрыли институт Нестеровой — «неформат», а следом закрыли музей Николая Михайловича Рубцова, что ютился в небольшом зале районной библиотеки. У входа в библиотеку был небольшой сквер, место, как будто созданное для памятника Рубцову. Алексей Валерьевич сделал гениальный проект памятника всенародно любимому Поэту. Запретили. И вот когда Алексей Валерьевич уже в V части моего Цикла «Возвращение на Родину» впервые оказался в зрительном зале, от вечера к вечеру переходя из 7-го

ряда в 5-й, из 5-го во 2-й, он стал обзванивать всех с вопросом — вы были на мистериях «что проходят на улице Газопровод, 9-а»?

Для меня Дом кино был одиннадцатым залом, где прошли последние из двадцати — главные девять лет Цикла. Алексей Валерьевич, впервые получивший слово уже из 1-го ряда, на глазах воскресал, словно феникс. Ибо все 20 лет стратегической темой Цикла была *«Природа человеческого предательства и Тайна Божественной Любви»*. Готовился к каждому своему выступлению, как к важнейшему событию в жизни. Артемьев был мифическим героем. Это был Человек-Эпос! И как уже было сказано — вечно готовый к бою. До сих пор даже историки и литературоведы преспокойно учат своих студентов тому, что «Слово о полку Игореве» сгорело при пожаре 1812 года, а что Наполеона во всех странах, и особенно в России, сопровождал эскорт искусствоведов, помогавший ему вывезти не только сокровища Кремля, но и «Слово о Полку Игореве» из дома Мусина-Пушкина, который якобы сгорел со всей библиотекой. Но в том-то и дело, что вы можете даже сегодня поехать на Бауманскую и посмотреть на дом Мусина-Пушкина, что на Разгуляе, которого никакой пожар не коснулся. Но то, что Наполеон продал «Слово о полку Игореве» Ватикану и что там находится и библиотека Иоанна Васильевича Грозного, и Янтарная комната, и «Слово о полку Игореве», и Чудотворный Образ Казанской Божией Матери, на это до сих пор толерантно закрывают глаза и уши. Алёша и тут был Гулливером, вечно окруженный лилипутами, до последнего дня бился за то, чтобы день рождения Александра Сергеевича Пушкина отмечали в его день 8 июня, а не 6-го, потому что весь мир знает, что он родился 26 мая 1799 года. Так же он бился за точный день его смерти, то есть не 10 февраля, а 11-го, потому что сердце Поэта остановилось в день Великого Святого Игнатия Богоносца, единственного, на сердце которого было начертано имя Спасителя.

До последней минуты он повторял: «Всё, что с нами происходит и что вам предстоит пережить, — это за то, что сначала предали, а потом продали Великую Родину. Поэтому теперь Россию спасёт только война». Просил меня не пропускать ни одной статьи Дугина и, конечно, «Бесогон» Н.С. Михалкова.

Для нас с Алёшей будущее — это прошлое, а Победа — это то, что будет после победы. Если б он стал свидетелем трагедии в «Крокусе», то поступил бы с директором так же, как герой фильма Станислава Сергеевича Говорухина «Ворошиловский стрелок». Вспомните, люди! Ведь 22-е марта был

пятым днём Великого Поста. О котором никто не говорил и не думал. А ведь это был день памяти Сорока Воинов Мучеников Севастийских, и шёл 755-й день Войны. И вместо того, чтобы провести **такой** вечер всей семьёй дома, мамыши и папаши потащили своих несчастных детей на ночь слушать сатанинскую музыку. И был воистину Евангельский финал. Директор этого капища не с Колымы, а с места преступления вещал с радостью: «Россияне! Не переживайте, я построю на этом месте ещё больше!!!» И никто — ни один иерарх не сказал ему и всему народу: «Тут будет Часовня в память о погибших».

Уже в реанимации за несколько часов до смерти диктовал мне пророчества о будущем Русской культуры, а значит Родины нашей, о том, что будет, если не остановить перформансы и инсталляции. Он утверждал, что все цифровизации и искусственный интеллект — это неотъемлемая часть сатанинского плана, куда входит убийство миллионов своих детей во чреве матери даже во время Войны.

«Личность художника всегда больше его произведений». Каждый день он писал мне письма, в том числе во дни, когда никуда не надо было уходить, а выходя из дома, брал у меня благословение, как и я у него. И я до сих пор живу с его благословением, по его святым молитвам и помню каждое его слово. **6 октября 2024 года ему исполнилось 90 лет, а 28 ноября будет 5 лет со дня блаженной кончины.**

В конце своей автобиографии Алексей Валерьевич писал: «Сегодня, в финале своего пути, я прихожу к убеждению, что человек живёт для того, чтобы любить, а во-вторых, чтобы познавать, для чего он живёт, непрерывно наполняя этим знанием сокровищницу своей души».

Он очень любил наш портрет на фоне красных пасхальных тюльпанов — символа Победы Жизни над Смертью. Мы с Алексеем Валерьевичем по прежнему вопреки всему верим и веруем — **враг будет разбит — и Победа будет за нами!**

Ни теснота, ни смерть не разлучит нас. И «ни теснота, ни смерть не разлучат от Любви Божией».

ПОРА ВОЕВАТЬ ВСЕРЬЁЗ

Писать о войне, когда находишься в отставке, дело неблагодарное. Всегда найдётся достаточно политологов и политиков, которые упрекнут тебя в некомпетентности и незнании реальной обстановки. Но как гражданин высказать своё мнение я имею право, потому как на вопросы, гуляющие в народе, официальная государственная пропаганда чёткого ответа не даёт.

Освобождение от нацистов Украины, которое задумывалось как ограниченная специальная военная операция, давно переросло в войну между Россией и блоком НАТО... В настоящий момент идёт война на уничтожение! Каждая из сторон стремится победить на поле боя и добиться стратегического поражения противника. Они стремятся уничтожить Россию и её народ. Мы стремимся обезопасить границы и уничтожить фашистское государство на Украине. При этом основные силы НАТО и России пока в резерве. Эскалация идёт постепенно, война искусственно затягивается той и другой стороной. При этом Запад (не в первый раз) рассчитывает на истощение России в войне с последующим развалом страны с по-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

мощью внутренних «червей». Правящие круги России в свою очередь рассчитывают на истощение Украины и европейских государств и недовольство народов внутри этих стран, которое поможет свергнуть не только нацистский режим на Украине, но и убрать реваншистов из руководства стран НАТО.

Кому более выгодно затягивание войны? Однозначный ответ на этот вопрос дать никто не может...

Война — это вооружённая борьба между государствами. У войны, особенно войны на уничтожение, свои жестокие законы. Тут как в рукопашном бою: если ты не убил врага, то он убьёт тебя.

Благородство проявлять некогда! По законам войны на уничтожение любое проявление благородства оплачивается дополнительными жизнями своих людей.

Как профессионального военного меня сильнее всего задевает то, что наше руководство, увлёкшись стратегией ограниченной операции, попросту игнорирует некоторые законы войны...

Для выполнения продекларированных задач спецоперации и полной ликвидации нацизма на Украине мало с этой страной просто подписать подходящий для России мир. Для полного устранения нацизма придётся добиться полной капитуляции Украины, оккупировать эту страну и на какое-то время ввести своё управление, чтобы не только очистить её от нацистов-бандеровцев, но и искоренить фашистскую идеологию, введя в душу украинского населения. Между тем, когда слушаешь наши СМИ, создаётся впечатление, что мы «воюем с нацизмом, но не с украинским народом». Примерно как в 1941 году, когда пытались воевать с германским нацизмом, но никак не с немецким народом, надеясь на пролетарское сознание рабочих и крестьян Германии... Одумались только тогда, когда счёт жертв войны перевалил за миллионы...

Не получится сегодня воевать только с нацизмом и на Украине. Нацистская идеология пропитала в этом государстве всё общество. Их пропаганда разожгла в украинском обществе такой костёр ненависти к России и всему русскому, что этой ненависти хватит на столетие. У населения колом сидит в голове главный, «подсказанный» англосаксами, лозунг — уничтожить «русню», «от которой у горемычных украинцев все беды»... Поэтому пора понять всем и каждому: России противостоит не кучка нацистов, а хоть и разномастный и изрядно поредевший, но народ Украины. Оболванены они нацистской пропагандой или нет, но вою-

ют в большинстве своём против российской армии остерегено и упёрто. Тех, кто добровольно переходит на нашу сторону, мало. Воевать с таким противником «в белых перчатках» и «не на полную катушку» не получится. Однако именно это и происходит...

Ещё Наполеон, поражаясь стойкости русского солдата, удивлялся беспринципности российской знати во время войны, громко кричавшей о патриотизме и в то же время чрезмерно озабоченной решением своих личных вопросов. Особенно вредили в боевой обстановке царские генералы, выросшие по протекции. Отбор полководцев не по деловым качествам, а по принципу послушания и лояльности — это традиция старая. Похоже, что Россия вернулась к подобным временам. Потому как очень многие представители современной «элиты», прикрываясь игрой в патриотизм, ловят рыбку в мутной воде и, наживаясь на ней, решают свои личные проблемы.

Народ и без того удивляется странностям этой войны, а с арестами по обвинению в коррупции высокопоставленных чиновников Министерства обороны России у людей складывается впечатление, что в стране «один воюет, а семеро воруют». И в головах у многих поселилось недоумение: «Не могу взять в толк: то ли мы воюем, то ли воруем?»

Оттого и множатся в народе вопросы. Почему мы воюем и одновременно торгуем с неприятелем? Зачем поставляем природные ресурсы и стратегическое сырьё блоку НАТО? Почему совершенно не боремся с внутренними «червями», разъедающими наше общество? Если идёт война на уничтожение, почему не введено военное положение, пусть даже частичное? И самое главное: почему мы не можем (или не хотим) полностью подорвать экономику противодействующей страны, разрушить её промышленность и инфраструктуру? Ведь легче потом всё это восстановить, чем ликвидировать последствия ядерной войны, к которой США и НАТО нас неуклонно подталкивают.

В этом, по большому счёту, и просматривается игнорирование нашей стороной законов войны. Они воюют всерьёз, а мы «играем в благородство»!

К примеру, по законам войны, для того, чтобы одержать победу над врагом, необходимо уничтожить его промышленность, инфраструктуру, стратегические объекты, его военачальников, нацистское руководство. Одним словом, сделать так, чтобы Зеленскому телефон зарядить было негде, и он не высывал из своего бункера! По законам войны необходимо парализовать врага, подорвать его дух, чтобы все «кры-

сы», собиравшиеся отправлять русских «на гиляку» и «резать русню», разом из неё побежали...

Есть это в настоящий момент? Есть, но в недостаточной степени. И потому противоборствующей стороной всё быстро восстанавливается. Ведь против России задействован промышленный потенциал США и большинства стран Европы.

Словесными страшилками «Мы дадим жёсткий ответ!» блок НАТО не испугаешь. Они собрались в шайку, а семеро одного не боятся, пока хоть одному нос не разобьёшь. Они хорошо учитывают нашу психологию и нашу мораль. Например, перевозят оружие в гражданских фурах или цепляют платформы с военной техникой к пассажирским поездам. Или размещают ПВО вблизи жилых домов, а склады с боеприпасами в гражданских объектах. Дескать, русские «чистоплюи» не станут бить по мирному населению, зато мы их можем бить без ограничений...

Вот и вынуждена наша армия перемалывать их войска на переднем крае в позиционных боях. При этом армия тоже постоянно несёт потери. Но позиционными боями цели СВО не достигнешь!.. Нужна стратегическая операция, чтобы остановить по всей Украине производство и всякое движение, разрушив промышленные объекты, мосты, тоннели, станции, уничтожив транспорт и авиацию... Да, мирное население будет гибнуть, мёрзнуть и страдать, но **без боли это население от нацизма не излечишь!**

Законы войны обязывают и решительно бороться с внутренними врагами. (Потому так ратуют люди за восстановление «СМЕРШ».) Речь не только о шпионах и диверсантах, а об огромном числе предателей, действующих вообще безнаказанно.

В годы Великой Отечественной войны против СССР воевало около одного миллиона предателей всех мастей и оттенков. Сейчас их не меньше, если учесть не только тех, кто воюет против России с оружием в руках, а и «бойцов идеологического фронта». Тут и раскормленные государством «звёзды», в трудный момент покинувшие страну и перешедшие на сторону врага. Здесь же ещё более опасные, угнездившиеся в сферах власти внутренние «черви» — либералы, ждущие скорого распада России и непрерывно впрыскивающие яд «западного образа жизни» в российское общество. Заодно с ними «работают» против России вороватые чиновники и генералы, которые в тяжёлые для России времена озабочены личным обогащением. Жиреет, снабжая врага стратегическими ресурсами, российский олигархат. Путаются под ногами мигранты, хвастливо заявляющие: «Мы завоюем Россию без

войны!» К предателям можно отнести и тех, кто испугавшись мобилизации, сбежал из страны и отсиживается за рубежом, дожидаясь «благоприятной погоды». В случае победы все эти «сливки общества» обязательно к победе примажутся, а пока они просто вредят. Борьба с этими предателями должна вестись по законам военного времени! Кроме осуждения со стороны простого народа, они должны почувствовать строгость и бескомпромиссность власти.

Много в народной среде бродит и других вопросов. Законы войны требуют, чтобы войсками руководили компетентные, умные и решительные полководцы. А взять их, выдвинув на высшие должности, можно прямо с передовой из тех, кто умело организует бои и операции на СВО, кто не боится брать на себя ответственность, проявляет решительность, не «топчется на месте», а идёт вперёд.

Вопросов много. Важно понять главное: искусственная попытка игнорировать объективные законы войны ведёт лишь к ее затягиванию и всё возрастающим жертвам. Это невыгодно России, так как в этой войне идёт уничтожение славян. Это невыгодно Европе, так как она слабеет. Выгодно только США, которые как всегда, развязав смертельный конфликт, отошли в сторону, наблюдают со стороны и обогащаются на продаже техники, вооружения и стратегических ресурсов.

Обязательно найдутся те, кто возразят: «Мы не можем воевать так, чтобы народ Украины страдал! Мы не такие!» Страдать тогда будет народ России. И лукавить тут нельзя. Мы уже 33 года как «такие же»!.. Россия — капиталистическое государство, и этим всё сказано! А пока существует капитализм, будут существовать войны и революции! Потому что несправедливость в капиталистическом государстве рождается ежеминутно и будет существовать всегда!.. И первым вопросом, который зададут вернувшиеся с войны бойцы, будет: «А за что же мы воевали?»

Да, в моральном плане многие русские люди всё ещё «не такие». Но вступив с врагом в открытую борьбу на уничтожение, нашим ребятам приходится, вопреки нашей морали, убивать. Жестокость войны на уничтожение в том и состоит: либо мы их, либо они нас! Третьего не дано!.. И цена победы с каждым годом всё возрастает. Если война перейдёт ядерный порог, погибнут все: и нацисты, и праведники. Поэтому особого выбора нет. Для того чтобы победить, придётся рано или поздно «начать воевать всерьёз». Лучше рано... Ведение «ограниченной войны» и «проявление благородства» со стороны России воспринимается коллективным Западом как неувес-

ренность российского руководства и его слабость. Они просто не позволят нашей армии воевать «в белых перчатках» и с «малым количеством жертв»! Их желание видит даже ребёнок: как можно больше уничтожить и русских, и украинцев...

Потому они систематически плюют на наши «красные линии», переступая их с лёгкостью, и постоянно нагнетают обстановку в надежде на то, что народ России не выдержит такой странной войны, упадёт духом и капитулирует. Они приучают нас к тому, что воевать можно на территории России (несмотря на её ядерный потенциал). И когда к этой мысли приучат, развяжут неядерную войну на нашей территории. Разрушаться будут наши города и сёла, как стираются с лица земли сейчас сёла и города в Курской области и на Донбассе. Они уверены: русские — не самоубийцы и никогда не применяют ядерное оружие первыми. Наше благородство и человеколюбие принимается ими за слабость...

Пора понять это всем, прежде всего руководству, снять белые перчатки и воевать в полную силу. Страны Запада признают только силу. В противном случае война неизбежно подойдёт к тому рубежу, когда натовцы, расхрабрившись от «путинской слабости», в очередной раз решатся пойти на Россию гурьбой. И тогда уже повоевать без всеобщего самоуничтожения не получится...

Пришла пора воевать всерьёз. Игнорировать законы войны больше нельзя.

Владимир БОЛЬШАКОВ

ПЛАН РАЗДЕЛА РОССИИ

Противостояние коллективного Запада и славянства, обострившееся в связи с событиями на Украине после бандеровского переворота 2014 года, имеет давнюю почти тысячелетнюю историю.

В 1054 году произошла Великая схизма — разделение Католической и Православной церквей, после которого окон-

чательно произошло разделение единой христианской Церкви на Римско-католическую церковь на Западе — с центром в Риме и Православную церковь на Востоке — с центром в Константинополе. Разделение это не преодолено до настоящего времени. Из славян католиками стала только западная часть.

Возрождение бандеровщины на Украине фактически с благословения и поощрения Западом отличается беспардонным забвением того факта, что националистические банды Степана Бандеры использовались гитлеровцами на оккупированных территориях для операций по геноциду славян. Достаточно вспомнить страшную вольнскую резню. Тем не менее еще президент Ющенко заявил, что этот пособник гитлеровцев является героем.

Поистине трагикомичны попытки украинских националистов и во время фашистской оккупации Украины, и в наше время представить украинцев в виде некоей славянской разновидности арийцев, не подлежавших геноциду славян, осуществлявшемуся на земле Украины в годы фашистской оккупации. Напомню, что гитлеровцы использовали термин «недочеловек» (нем. Untermensch), к которым были отнесены представители «низших рас», «низшие люди» — евреи, цыгане, славяне, а также так называемые «мишлинги» (нем. Mischlinge — еврейско-арийские полукровки). Все народы мира, и в первую очередь славяне, должны знать и помнить то, что говорил о них самый лютый, жестокий и смертельный их враг — Гитлер: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого. Бассейн Богемии и Моравии, территории, простирающиеся непосредственно к востоку от Германии, будут колонизированы немцами, а население этих территорий мы выселим в Сибирь... Для выполнения этой цели я не поколеблюсь ни одной секунды принять на свою совесть смерть двух или трех миллионов немцев... Мы думаем установить наше постоянное господство и укрепить его так, чтобы оно длилось, по меньшей мере, тысячу лет... Наша миссия заключается в том, чтобы подчинить другие народы. Германский народ призван дать миру новый класс господ...»

«Отняв у народов землю, орудия труда, уничтожив их государственность и культуру, Гитлер, — писала «Правда», комментируя Нюрнбергский процесс, — стремился вначале использовать десятки миллионов славянских народов как ра-

бочий скот, а затем постепенно истребить эти народы». Фактов, это подтверждающих, более чем достаточно.

Во время встречи в Берлине с шефом МИДа Румынии Михайлом Антонеску 27 ноября 1941 года Гитлер заявил: «Моя миссия, если я добьюсь успеха, заключается в том, чтобы уничтожить славянство». Гитлер говорил: «Славяне представляют собой не идеологическую, а биологическую проблему для Европы, а потому подлежат тотальному истреблению для их устраниения и завоевания жизненного пространства для Европы».

Скоро мы будем отмечать 80 лет со дня разгромы фашизма и третьего рейха, который Гитлер хотел сделать «тысячелетним», а враги славян не отказались от его идеи покорения и раздела России.

Экс-глава МИДа Австрии Карин Кнайсль в интервью ТАСС на полях Петербургского международного экономического форума подтвердила существование планов Запада по разделу России: «Я слышала заявление президента Республики Сербской Милорада Додика о планах Запада по разделу РФ на пять частей. Я не видела документов, но я видела заявления людей, которые работают в Атлантическом совете — это очень известный аналитический центр в Соединенных Штатах», — сказала она. «Я помню, что задолго до 2022 года там звучали заявления, что было бы более разумно, если бы произошла какая-то балканизация России, знаете, как бы развал, дезинтеграция», — отметила Кнайсль. На вопрос, остаются ли, по ее мнению, такие планы Запада на сегодняшний день, она ответила: «Да».

По словам экс-главы МИД Австрии, «некоторые люди в Атлантическом совете, и это не только американцы, также британские, даже немецкие и австрийские ученые, говорили, что Россию можно разделить точно так же, как была разделена Федерация Югославии».

Планы раздела России на пять частей, разработанные еще в начале XX века помощником президента США Вильсона масоном Хаусом, не сданы в архив по сей день и служат руководством к действиям и нынешней американской администрации, но только лишь с различными поправками — делить Россию на пять, десять либо аж на пятьдесят частей. Для этих целей ЦРУ и другие спецслужбы США и НАТО взяли на содержание десятки «правительств в изгнании», которые занимаются организацией не только политических провокаций против нашей страны, но и террористической деятельности профессиональных эмигрантских диверсантов.

Дележ «российского пирога» — это не только широкомасштабная операция спецслужб Запада, но и целый «кресто-

вый поход» США и их союзников по НАТО против нашей страны, организаторы которого уже не скрывают, что их первоочередная цель — это изоляция и ликвидация нынешнего руководства РФ всеми возможными средствами. Попытки коллективного Запада говорить с Россией с позиции силы изначально обречены на провал, хотя и галльские петухи, и немецкие последыши псов-рыцарей делают вид, что не помнят уроков истории.

Андрей СОШЕНКО

ЗЕЛЁНЫЕ БУНТЫ НА «ЗОНАХ»

23 августа этого года четверо заключенных исправительной колонии №19 в городе Суровикино Волгоградской области захватили заложников. По данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России, захват заложников произошел прямо во время заседания дисциплинарной комиссии. По предварительным данным, террористы, заявившие о принадлежности к запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ), убили несколько сотрудников колонии, еще несколько были ранены и находились в заложниках. Захват заложников в ИК-19 предшествовал бунт. При этом захватчики своим мотивом назвали месть за террористов, напавших на «Крокус Сити Холл».

Позже, вечером того же дня, «Интерфакс» сообщил о штурме силовиками колонии. Бандиты были ликвидированы. Пострадавших среди сотрудников, принимавших участие в операции по освобождению заложников, не было.

Погибли четыре сотрудника колонии №19, взятые бандитами в заложники. Ещё трое сотрудников были госпитализированы. «Четверым сотрудникам преступники нанесли колото-резаные раны различной степени тяжести, трое из них скончались. Еще четверо, осужденных, оказавших сопротив-

ление бунтовщикам, госпитализированы, один из них скончался в больнице», — сообщили в пресс-бюро ФСИН.

Ситуация с захватом заложников обсуждалась на оперативном совещании Совбеза под председательством президента В.В. Путина. Но центральные российские электронные СМИ привычно не сообщили ни о национальности преступников, ни об их приверженности к террористической организации. То есть, если слушать и смотреть центральные СМИ, захват заложников был, штурм был, но кто захватил заложников, каковы причины и мотив злодеяния — не важно. А, значит, и дальше будут совершаться подобные групповые преступления.

Нападавших было четверо. Все они выходцы из Средней Азии. Террористы ранее друг друга не знали, познакомились уже в колонии. О мерзопакостности самих этих личностей можно судить по их предыдущим преступлениям, за которые они были осуждены. Среди них — убийство и насильственные деяния по отношению к коренному населению, распространение наркотиков. Двое из них, что тоже характерно, были мастерами каких-то боевых искусств, занимались в этнических клубах единоборств.

Такие «клубы» являются сосредоточением насаждения религиозного и этнического экстремизма и терроризма. Почему у нас в стране вообще существуют эти «клубы», впрочем, как и национальные диаспоры? И как изначально эти террористы и насильники попали в Россию?

Действовали преступники дерзко и нагло. Они потребовали 2 миллиона долларов, вертолёт и коридор, чтобы сбежать из России.

Пишут, что по какой-то информации злодеи, видите ли, были недовольны тем, что руководство колонии постригло и побрило всех радикалов наголо, а также якобы запрещало им читать религиозную литературу и пользоваться молитвенными ковриками...

Как выясняется, злодеи изначально наслаждались вольницей. Они спокойно поддерживали связь друг с другом, свободно передвигались, имели доступ к другим заключенным, могли кого-то завербовать, получить орудия совершения преступлений (например, ножи, которые они использовали при нападении). Каким-то непостижимым образом у них оказался флаг террористической организации и компоненты для изготовления взрывного устройства. Также они имели смартфоны с интернетом и вообще свободный доступ к информации с «воли», возможность координирования со своими соплеменниками. То есть террористические ячейки формируются прямо внутри российских ИК и СИЗО.

Точно так же 16 июня этого года в Ростове-на-Дону шесть заключённых СИЗО-1 захватили в заложники двух сотрудников учреждения. Их тоже пришлось физически ликвидировать.

По мотивам преступления 16 июня в СИЗО Ростова-на-Дону и преступление 23 августа в ИК-19 Волгоградской области можно смело ставить в один ряд с терактом в «Крокус Сити».

Каковы первопричины этих преступлений? Чтобы их определить, достаточно задаться вопросом, почему толпы потенциальных преступников оказываются в России? Большинство из них рядятся под благочестивых граждан (хотя это редко им удаётся, потому как девиантное поведение просто прёт из них), но многих потом, после совершения преступлений, сажают в тюрьмы. Ещё большее количество — коррупционным образом «отмазываются» от заслуженного наказания, после чего совершают новые злодеяния. Парадокс в том, что этого контингента, исчисляемого уже тысячами потенциальных преступников, вообще не должно было бы быть, если бы государством проводилась ответственная госнацполитика, хоть чуть-чуть соблюдающая интересы государствообразующего русского народа.

Но органами власти выводов не делается. А потому ответ на вопрос: «Сколько ещё на зонах будет зелёных бунтов?» — очень простой. Столько, сколько будет продолжаться безобразная внутренняя национальная политика в России.

Я давно и неоднократно писал в своих материалах о том, что идёт процесс принудительной исламизации страны, что искусственная исламизация продвигается ужасающими темпами и что всё это закончится усугублением террористических и сепаратистских рисков, радикализацией российских мусульман.

Вот уже из цветочков созревают омерзительные ягодки! Сколько уже наших людей погибло от их рук! А в российской власти никак не сообразят, что давно пора принимать экстренные меры!

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2024 г.

(Сентябрь — октябрь)

Вечером в пятницу 30 августа террористические ВСУ нанесли массированный удар по приграничному Белгороду. Били по жилым кварталам кассетными боеприпасами из РСЗО «Вампир». Погибли пять человек, 46 были ранены. Среди раненых — семь детей, трое из них в тяжёлом состоянии.

Прошло двое суток, начался сентябрь, однако президент в ответ на это варварское преступление промолчал. Промолчал премьер-министр, промолчал глава МИДа, промолчали главы Госдумы и Совета Федерации. Промолчал, естественно, и министр обороны. Когда я говорю об их «молчании», это означает, что они промолчали для народа, для общественности, не сделали официальных заявлений. А в это самое время, вечером 30 августа, на Первом канале ТВ несколько часов шло эстрадное развлекательное телешоу «Фантастика». И в добавок по каналу «Россия-1», как ни в чём не бывало, продолжалось малаховское песенно-плясовое представление. И страна вместе с ними веселилась и пела. Не говоря уже о том, что по

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

спортивному каналу транслировались игры германской футбольной лиги. Германские танки ползли по Курской земле и германские же снаряды били по Белгороду, а российское телевидение убожало чей-то фанатский интерес к перипетиям футбольной Бундеслиги.

У нас словно две страны. Одна воюет, не спит в блиндажах и окопах, делает репортажи о боевых сражениях, отбивает ракетные атаки, разбирает завалы рухнувших домов, плетет для фронта маскировочные сети, спасает раненых, хоронит погибших... А другая поет, гуляет, веселится, награждает эстрадников непонятно за какие заслуги, устраивает фестивали рок-музыки, гонит в эфир бездарные, примитивные, откровенно выраженные, специфически-этнические телешоу «Три аккорда», «Угадай мелодию», «Две звезды», «Перепои звезду» и т.п. И руководство страны, в том числе и Министерство культуры, никак на **это** не реагируют, видимо, считают, что **это** — нормально. В стране после новой белгородской трагедии надо объявлять траур, а президент чуть ни каждый день поздравляет работников с разными профессиональными праздниками... Господин президент, какие могут быть профессиональные праздники в воюющей стране, в которой каждый Божий день погибают защитники государства?! Мы еще никого не победили, а всё что-то празднуем, празднуем с трансляцией этих «празднований» на всю страну...

А половина страны, та, которая круглосуточно делает снаряды, боевые самолеты и танки, изо дня в день произносит одни и те же вопросы: почему до сих пор не уничтожены главные преступники украинского террористического режима: Зеленский, Сирский, Буданов, Залужный, Подоляк и другие кровавые враги России? Кто и что мешает? Кто и кому давал зарок их не трогать?

* * *

В Магаданской области власти отчитались об успехах после запрета мигрантам работать водителями общественного транспорта. Запрет вступил в силу 1 января, и вот к каким изменениям это уже успело привести, по данным местной Госавтоинспекции:

- Количество ДТП с участием автобусов снизилось на 50%;
- Количество пострадавших в ДТП снизилось на 78%;
- Количество ДТП с участием автомобилей такси снизилось до нуля.

При этом первый замминистра дорожного хозяйства и транспорта Магаданской области Виктор Ходаков уточнил,

что качество обслуживания лишь выросло, а дефицита водителей не возникло, несмотря на устрашающие прогнозы в центральных СМИ.

Эти бы данные да в уши Путину и Собянину!..

5 сентября на Восточном экономическом форуме во Владивостоке Путин опять заговорил о переговорах с Украиной. И опять вспомнил о «парафированных» стамбульских договорённостях. Ну не дает ему покоя срыв тех так и не раскрытых до конца «соглашений». Уже больше года прошло, а он всё о стамбульском «договорняке» причитает..

Казалось бы, после вторжения бандеровских нацистов в Курскую область он сам заявил: «О каких переговорах вообще может идти речь? О чём говорить с людьми, которые без разбора наносят удары по мирным людям, по гражданской инфраструктуре, либо пытаются создать угрозы для объектов ядерной энергетики?» Но прошел месяц, нацисты всё еще в Курской области, прежних заявлений как будто бы и не было, и уже можно опять на своих пресс-конференциях, транслируемых на другие страны, рассуждать о переговорах с жидобандеровским режимом. Тем самым террористическим режимом, который без разбора убивает детей и гражданское население российских приграничных с Украиной областей. Более того, о переговорах, «за основу которых будут взяты стамбульские договоренности», как повторил 5 сентября во Владивостоке наш президент... Но еще раз напомним, ни в стамбульских «соглашениях», ни в путинском плане «урегулирования конфликта» от 7 июня этого года ни слова нет об освобожденных нами районах Харьковской области.

17 сентября укронацисты вновь бомбили Белгород, а из Курской области продолжали эвакуировать мирное население. В этот же день в американском Конгрессе вместе с президентом Байденом и госсекретарем Блинкиным обсуждался план нанесения ударов ракетами средней дальности вглубь российской территории. И в этот же самый день президент В.В. Путин на совещании по экономическим вопросам говорил о приоритетах по финансовым расходам на следующий год. Вот фрагмент из его выступления: «Как и в предыдущие три года, в числе приоритетов государственных расходов должны оставаться социальная поддержка граждан, укрепление обороноспособности страны, интеграция регио-

нов Донбасса и Новороссии, а также технологическое развитие отечественной экономики и социальной сферы, расширение и укрепление инфраструктуры, обновление городов и поселков, повышение качества жизни граждан. Подчеркну: чтобы добиться заметных, позитивных изменений во всех сферах жизни, обеспечить долгосрочное, поступательное развитие России, со следующего года будут запущены новые национальные проекты».

Все вышеперечисленные события были показаны на центральных каналах в вечерних теленовостях.

В моей голове эти факты одновременно как-то не укладывались, не совмещались. Словно я смотрел кадры из какого-то очередного абсурдистского фильма...

Особенно вводили меня в ступор слова об «обновление городов и поселков» и «повышении качества жизни граждан» на фоне горящих домов Белгорода и эвакуации из Курской области женщин, детей и стариков... И что самое интересное — никого там, наверху, эти одновременные факты в ступор не вводили... Во всяком случае по умиротворенным лицам участников совещания этого заметно не было.

* * *

В Узбекистане учительница-узбечка на уроке русского языка на глазах у узбекских учеников избивала русского ученика за то, что он попросил ее говорить по-русски. Повторяю, на уроке русского языка. В интернете гуляет видео с этим избиением. Однако ни один центральный канал российского ТВ об этом случае не сказал ни слова. Правда, посол Узбекистана был вызван в наш МИД для объяснений этого вопиющего безобразия. О том, каковы были последствия для этой озверевшей «учительницы», нигде не сказано. Родителям во время разговора с этой «учительницей» она заявила, что Узбекистан — «страна для узбеков, а русские пусть уезжают».

Русское население России, как обычно, пропустило это очередное зверство наших бывших «многонационалов» мимо ушей. Но представьте себе, что было бы в Узбекистане, да и в России тоже, если бы русский учитель в какой-нибудь российской школе избил ученика младших классов узбекской национальности хотя бы даже за то, что он не знает русского языка! Вряд ли дело ограничилось бы только увольнением этого учителя с работы и возбуждением против него уголовного дела... А все центральные каналы российского ТВ в течение нескольких дней захлебывались бы от возмущения...

Израиль может уничтожить лидеров палестинского ХА-МАСА и ливанской «Хезболлы» (и физически может, и морально), не понеся за это вообще никакого наказания ни от каких международных организаций, в том числе и от Совбеза ООН. Россия не может ликвидировать главарей нацистского укрорейха (уж по каким соображением — не имеет значения). Не может, и всё тут. Хотя этого давно ждет вся страна. Армия, конечно, может, но в Кремле, как мы все понимаем, — не хотят. В Тель-Авиве хотели уничтожить лидеров шитской «Хезболлы» Альбаса аль-Мусави и Хасана Насраллу — и сделали это. В Кремле не хотят отправить в ад Буданова, Сырского и Зеленского — потому они и живы, потому они и бросают в бой против нас всё новые резервы. А от чего зависит кремлевское желание? Этот риторический вопрос нам всем на засыпку. Ответов может быть куча.

Нацистско-фашистское псевдогосударство Израиль, разбомбив и превратив в руины Сектор Газа, принялось за Ливан: после жесточайших бомбардировок Бейрута оно ввело в Ливан сухопутные войска. США сразу заявили о поддержке сионистского псевдогосударства и предупредили Иран о нанесении по нему сокрушительного удара, если он вмешается и попытается защитить Ливан от агрессии.

Некоторые эксперты на нашем ТВ всё еще удивляются: почему Америка так безоглядно в любых шагах поддерживает Израиль? Видимо, они так и не уяснили себе: США — это еще одно сионистское государство. И кто бы ни становился президентом в этой стране, т.н. «глубинное» сионистское государство будет диктовать ему каждый шаг.

Израиль — самое бесчеловечное, самое жестокое и самое лицемерное псевдогосударственное образование за все двадцать с лишним веков нашей эры. Перед бесчеловечностью и лицемерием сионистской идеологии Израиля меркнет даже нацистская идеология третьего рейха. Сравниться с ней может только сатанинская идеология США и нынешней Украины. Т.н. «холокост» после всех преступлений против человечности Израиля уже не может быть оправданием изошрённо кровавому сионистскому псевдогосударству.

Наш МИД как-то сдержанно, чисто формально выразил осуждение вторжения Израиля в Ливан. Этим и ограничился. Как тут не вспомнить, что до СВО Нетаньяху чуть ли не ежемесячно прилетал в Москву и имел слишком теплые приемы в Кремле с показом этих приемов по телевидению?..

1 октября, как сообщили в новостях, Нетаньяху позвонил В. Путин и попросил его повлиять на Иран и отговорить от воздушного удара по Израилю в ответ на бомбардировку Бейрута. Лицемерная логика сионистского агрессора: Бейрут бомбить можно, а Тель-Авив — нельзя! Но сам факт звонка о чём-то говорит...

В ночь на 2 октября Иран все же нанес ракетный удар по Израилю. Было три волны пусков баллистических гиперзвуковых ракет по сто штук. Уничтоженными оказались две израильские авиабазы (21 самолет F-35) и штаб-квартира Моссад в Тель-Авиве. Израиль, конечно, как обычно, отрицал эти потери и обещал ответить Ирану со всей жестокостью. Иран, в свою очередь, пригрозил Израилю ударом тысячи новых ракет. С зарвавшимся агрессором только так нужно поступать.

Год назад я сделал в «Протуберанцах» такую запись:
«17 октября 2023 г. на Генеральной ассамблее ООН специальная комиссия по Ближнему Востоку приняла документ, гласящий, что действия Израиля в Палестине являются военными преступлениями. И как сразу поменялась риторика выступлений «экспертов» наших телевизионных политических шоу!.. Их прежнее сочувствие к Израилю мгновенно испарилось...

В ночь на 18 октября Израиль нанес авиационный удар по больнице в Секторе Газа, где находилось огромное количество раненых, больных и беженцев. Погибло около тысячи человек. Это сделали те, кто до сих пор получают германскую контрибуцию за «холокост». Прилетевший в Иерусалим Байден тут же начал отмазывать фашистское государство от этого нового военного преступления. А израильские СМИ, по примеру украинских, заверещали о том, что это палестинцы обстреляли сами себя... В новом Завете, в Апокалипсисе, сказано о том, что Армагеддон — последняя битва сил зла и добра — начнется в Израиле.

Это не означает, что она начнется в ближайшее время. Но это означает, что она начнется именно там».

Взят Угледар, город, стоящий на возвышенности и имеющий для наших наступающих войск стратегическое значение. За Угледаром открывается путь для наступления на

Покровск, Краматорск и Славянск, то есть для полного освобождения Донецкой народной республики. А вслед за этим — для наступления на Запорожье и далее на Днепропетровск (когда-то бывший Екатеринослав). Правда, пока еще мы не знаем ответа на вопрос: а пойдём ли мы дальше освобождения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей? Ни мы этого не знаем, ни войска. В последнем плане В.В. Путина, предложенного Западу, об этом тоже ничего не сказано.

Ясно, что оставлять нацистско-бандеровскую Украину в качестве ударного кулака Запада против России нельзя. Сохранение Зеленского и антироссийского раздираемого злобой жидоохлятского гнойника — это гарантия будущей еще более разрушительной войны. Короче говоря, «нэзалэжная Украина» — это новая кровь, новые слёзы и новая гибель русского населения. Если нынешняя российская власть этого не поймет и попытается с ней вновь о чём-то договориться (конечно же, во вред России), то следующей власти придется это понять с точностью до ста процентов.

Карфаген («украинское» псевдогосударство) должен быть разрушен. Если мы хотим сохраниться и избежать третьей мировой войны. А вся верхушка жидобандеровского режима должна быть уничтожена или осуждена на пожизненное заключение (если российская власть не отменит мораторий на смертную казнь).

* * *

Уже третий месяц, как часть Курской области оккупирована врагом. Третий месяц, как там убивают наше гражданское население — стариков, женщин, детей. А глава государства всё это время устраивает какие-то совещания, встречи, проводит конференции, не имеющие отношения к захвату нашей территории, делает визиты в другие государства (в Азербайджан, Монголию, Туркменистан), где с улыбкой раздает интервью, отвечает на вопросы на пресс-конференциях. Слово захват нашей территории — это так, дело обычное, проходное, рабочее... Ну, подумаешь, враг захватил нашу землю вместе с людьми и устраивает там бесчинства, мародерство и террор. Что ж теперь, отказываться от поездки в Ашхабад на культурный форум «Взаимосвязь времен и цивилизаций», устроенный главой Туркменистана Гурбангулой Бердымухамедовым в связи с 300-летием поэта Махтумкули?... Участвовать в подобных культурных форумах, конечно, нужно. «Сегодня это всё

особенно актуально», — сказал в своем выступлении В.В. Путин. Да, наверное. Но не тогда, когда твоя территория захвачена врагом, откуда враг угрожает нанести удар по Курской АЭС.

* * *

Мелкий бес по фамилии Зеленский чуть ли не весь месяц октябрь носился по Европе и США со своим «планом победы над Россией». Но везде его с этим планом отшили, т.к. «план» этот включал вливание того, что осталось от Украины, в НАТО и вступление натовских войск в войну с Россией. Расплатиться за это он пообещал всеми «нэзалэжными» природными залежами.

Евросоюзовские и натовские главари, конечно, струхнули и отплевались от мелкого беса, как от оборзевшего провокатора и реальной нечистой силы. И хоть шеф нашего МИДа С. Лавров назвал Зеленского безумцем, тот всё же не вышел еще окончательно из ума и прекрасно понимает, что если Запад не вступит напрямую в боевое столкновение с российской армией, он, мелкий бес Зеленский, должен будет или самоликвидироваться, или спрятаться за большой атлантической лужой, куда сбегаются все кровавые мелкие бесы, потерпевшие крах.

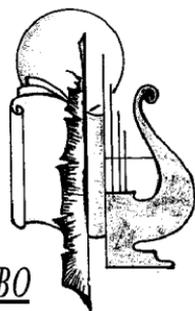
В физиономии Зеленского уже явно проступают черты зомбированного мертвеца.

СОВРИСКУС

Пора ввести в русский язык слово, означающее то, что часто именуют «современным искусством». Ибо это пущенное для гонящегося за модой стада словосочетание насквозь лживо и родит путаницу в понятиях. Действительно, почему всякие Малевичи и Кандинские столетней давности висят на видных местах в музеях современного искусства, а ныне живущих талантливых художников-реалистов туда и на пушечный выстрел не подпускают? Они что — не творцы современного искусства?

Вот как Википедия пытается определить соврискус: «Обычно под современным искусством понимают искусство, восходящее к модернизму или находящееся в противоречии с этим явлением, отделяя его от понятия «актуальное искусство», имеющее оценочный, а не хронологический характер. Тем не менее, существует взаимодействие или даже смешение этих понятий»...

Да, густая каша — «восходящее или находящееся в противоречии» — ясно указывает на отсутствие логики в этих умствованиях. Впрочем, в Википедии можно найти и вполне разумные определения, например: «Аван-

ИСКУССТВО

гардизм — обобщенное название экспериментальных идей, концепций, течений, школ, творчества отдельных художников, преследующих цель создания нового искусства, не имеющей связей со старым, путем отрицания исторической традиции и преемственности творчества». А зыбкую разницу между модернизмом и авангардизмом википедийские мудрецы обнаруживают на уровне различия тшедушных шизоидов-аутистов вроде Кафки и скандалистов вроде Маяковского... Чем не заповедник словоблудия?

Кого-нибудь удивляло, как в Русском музее нашей северной столицы экспозиция прекрасной полнокровной русской живописи сводится в хронологическом конце к нескольким, заполненным откровенной лабудой пустынным залам, которые хочется побыстрее проскочить? Живопись заканчивается этакой культёй, требующей нудных толкований «экспертов», чтобы прирастить эту культю к живописи. Вот наглядная иллюстрация того, как занявшийся экспериментаторством в поисках рыночного потребителя модернизм перешёл в чисто рыночный соврискус. Модернизм ещё можно назвать искусством, соврискус, называемый википедийщиками авангардизмом, — уже нет!

Великий русский композитор и глубокий мыслитель Георгий Свиридов писал: «Мне лично казалось, что «новое» искусство (главным образом XX века) — есть продолжение старого, его следующая ступень... Но теперь ясно видно: это искусство обладает глубокими чертами «несовместимости». Оно призвано не продолжать ряд классического искусства, а заменить его собою, уничтожить его. Да, такова идея, такова платформа этого нового искусства. Всем своим строем, всем смыслом оно активно направлено против основной идеи, основного пафоса классического Русского искусства и предназначено сменить его».

Основной силой, приводящей в движение так называемые открытые западные сообщества, являются деньги. Их «открытость» равносильна возможности обладания и распоряжения громадными деньгами определённой группы лиц, составляющих финансовую олигархию. У этих людей самым естественным образом возникает мысль использовать своё финансовое могущество не только для достижения власти в определённой стране, но и для её распространения на весь мир. По-разному называют этих претендентов на мировое господство: финансовый капитал, американский империализм, мировое жидомасонство, глобалисты, но суть одна. Если глобалисты не без успеха пытаются возвести в норму половые извращения, то почему бы им не заменить искусст-

во соврискусом? Но зачем понадобилась эта подмена?

Попытаемся ответить. Вспомним, как Христос изгнал торгашей из храма. Иисус понимал, к чему может привести их хозяйствование там. И соврискус, в который торгаши пытаются превратить храм искусства, лишний раз доказывает его правоту. Как сказал поэт: «Нет вечных истин ничего новей!»

Как выживали художники

Художник занят тем, что пытается запечатлеть свои страсти, мысли, любовь, оставить потомкам их след. Продажа произведений искусства совсем другое дело и требует иных способностей и умений. И эти умения и способности по своей природе противоположны творческому горению. Возникает извечный и особенно острый ныне вопрос: как художнику прокормиться своим искусством?

Раньше художнику помогали выжить и творить меценаты, заказчики. Крупнейшим заказчиком была церковь. Вспомним римских пап, бывших заказчиками у Рафаэля и Микеланджело. Это были заказы, ставившие глубинные вопросы бытия, вечные библейские темы. Осмысление их творцами-гениями стало неоспоримыми вершинами искусства. На умных, уважающих художника заказчиков и меценатов работали и Леонардо да Винчи, и Микеланджело. Более приземлённая живопись расцвела в Голландии семнадцатого века, где заказчиком выступила окрепшая, но ещё религиозная буржуазия. Отказ от потрафления её вкусам стоил Рембрандту потери благосостояния.

Власти и церковь понимали важность изобразительных искусств в их воздействии на народ и принимали участие в художественной жизни. В России ещё Пётр I основал первую рисовальную школу и незадолго до смерти подписал неосуществлённый указ: «Об академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам». В 1757 году стараниями И.И. Шувалова была учреждена при Императорском Московском университете Академия художеств как высшее учебное заведение в области изобразительных искусств. При Екатерине II она стала отдельной от университета Императорской Академией художеств. Академией художеств была создана как место летней практики для малоимущих студентов Академическая дача, ныне носящая имя И.Е. Репина. В её обустройство вложил свои средства известный собиратель и меценат, крупный предприниматель из старообрядцев, почётный член Академии художеств Василий Александрович Кокорев (1817—1889).

В 1820 году русскими меценатами было основано Общество поощрения художеств, находившееся под покровительством императора, с 1882 года ставшее Императорским обществом поощрения художеств. Общество устраивало выставки, помогало в продаже произведений, финансировало поездки молодых художников в Европу, издавало журналы и выпускало открытки, при нём была организована рисовальная школа, где преподавали ведущие художники... Обладали бы мы прекрасным московским хранилищем русской национальной живописи, если бы не любивший и понимавший её предприниматель, заказчик и собиратель Павел Михайлович Третьяков (1832—1898)? Вот что писал П.М. Третьяков в письме дочери Александре: *«Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь... Обеспечение должно быть такое, какое не позволяло бы человеку жить без труда».*

Наследниками этих учреждений в советский период стали высшие художественные учебные заведения и Союз художников СССР, занимавшийся поддержкой художников. Думая найти сведения о деятельности СХ СССР я открыл статью с таким названием в Википедии. Статья состоит из пары общих фраз введения, краткой хронологии, списка руководителей по годам и критики, основанной на высказываниях пациента психушки Михаила Шемякина, одарившего нас уродом «Петром Великим». В приведённой выдержке из интервью Д.Гордону Шемякин видит в СХ СССР лишь стучачество и борьбу за «корыто». Каких-либо иных оценок деятельности СХ СССР в этом источнике, претендующем на объективность и энциклопедичность, не приведено. А между тем, художники старшего поколения с теплотой вспоминают организованные СХ СССР снабжение красками и материалами, пленэры, творческие командировки, работу на Академической даче и в других домах творчества, где были созданы для этого все условия!

В ведении Союза Художников СССР находились: Дирекция выставок, Центральная учебно-экспериментальная студия, Агитплакат, Художественный фонд СССР, издательство «Советский художник». Печатные органы — журналы «Искусство» (совместно с министерством культуры СССР и АХ СССР), «Творчество», «Декоративное искусство СССР», «Юный художник» (совместно с АХ СССР и ЦК ВЛКСМ).

Художественный фонд СССР имел предприятия (заводы, фабрики, комбинаты, мастерские и т.п.), салоны-магазины,

дома творчества. Через предприятия Художественного фонда СССР осуществлялись заказы государственных и кооперативных организаций и учреждений на создание произведений изобразительного искусства, а также оформление выставок, общественных зданий и другие работы.

Рыночная толоча, лабуда и лабаки

Ещё в 1886 году друг со школьной скамьи знаменитого ныне постимпрессиониста Сезанна Эмиль Золя писал: «А цены всё растут, и живопись становится нечистым занятием, золотыми приисками на холмах Монмартра, банкиры захватывают ее в свои руки, из-за картин сражаются дельцы с банковскими билетами в руках!»

Возникновение соврискуса тесно связано со становлением в первой половине XX века мирового рынка изобразительного искусства или арт-рынка. В это время рынок был взят под контроль еврейско-американскими воротилами. Форпосты соврискуса: Рокфеллеровский музей современного искусства (открыт в Нью-Йорке в 1929 году) и Музей современного искусства Соломона Гугенхайма (там же в 1937-м). Описание современного положения дел содержится в достаточно откровенной книге «Завтрак у Sotheby's. Мир искусства от А до Я» Филипа Хука, проработавшего много лет на ведущих аукционах изопродукции Кристи и Сотби. В начале отхода от социализма и нашей катастрофы либеральные сирены из кожи вон лезли убеждая нас, что рынок всё отрегулирует, всё поставит на свои места, приведёт к процветанию — как там. Вот выдержки из книги Хука. Сначала о покупателях:

«В наши дни сложился тип покупателя, не имеющего ничего общего с коллекционером, но невероятно, несметно богатого. Он готов состязаться за самые заманчивые картины и скульптуры, поскольку видит в них трофеи, свидетельство уникального высочайшего статуса».

«По-видимому, как только страна добивается существенно экономического роста, ее богатые граждане неизбежно начинают приобретать западное искусство. Не важно, где именно на земном шаре она находится: новых богатых в этих экономиках привлекают европейские и американские модернисты. Для них это символ статуса? Зачастую да. Реклама богатства. Для многих нуворишей стремительно развивающихся рынков Моне или Уорхол — еще один роскошный бренд вроде сумочки от Гуччи, платья от Лакост или спортивного автомобиля «Феррари». Обладание подобным трофеем подтверждает в их глазах принадлежность к наднациональной элите, к

меньшинству, владеющему несметным богатством в Лондоне, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, в Париже и Мумбаи, в Москве и Шанхае. Представителей этого избранного круга объединяет с подобными себе куда больше общих черт, нежели с соотечественниками».

О роли дилеров и требованиях рынка:

«По мере того, как современное искусство становилось всё более элитарным и трудным для понимания, истолкователь, интерпретатор в облике арт-дилера сделался ключевой фигурой в процессе продажи. Он обуславливал не только эстетическую, но и коммерческую сторону вопроса. Мэри Кассатт писала в 1904 году: «Сегодня, в дни господства коммерции, художнику нужен «посредник», который объяснил бы достоинства картины или гравюры, то есть, в сущности, «произведения искусства» потенциальному покупателю и убедил бы его, что нет лучшего вложения денег, чем в «произведение искусства».

«XX столетие воистину золотой век арт-дилеров, во власти которых создать и репутацию художника, и коллекцию, овеянную немеркнувшей славой. История современного европейского и американского искусства написана в равной мере художниками и арт-дилерами».

«Художественный рынок, ценящий безусловную узнаваемость предметов искусства, которыми торгует, в сущности, формирует и распространяет бренды. Эта тенденция зародилась вместе с модернизмом. ...Легко узнаваем изрезанный ножом (чистый) холст Лучо Фонтаны — впечатляющая торговая марка. Может быть, кампания в СМИ соблазнит какого-нибудь миллионера, и он решит приобрести этот знаменитый, легко узнаваемый образ, чтобы превратить его в символ собственного высокого статуса, не руководствуясь никакими иными соображениями, кроме самодовольного упоения богатством?»

Вспомним Третьякова. Какие, всё-таки, разные бывают предприниматели и капиталисты!

«Деятельное создание брендов художников, подобных товарным, выплата им регулярных пособий, организация ряда хорошо продуманных коммерческих выставок их работ в различных галереях по мере того, как картины растут в цене, — всё это составляющие сложного и изоциренного рынка предметов искусства в XXI веке».

«А искусство прошлого, например картина Моне, растёт в цене прямо пропорционально степени его узнаваемости, вплоть до того, что люди, входя в комнату, где висит картина, тотчас восклицают на радость польщенному владельцу: «Ах!»

У вас есть Моне!» Легко узнаваемый стиль или даже сюжет вселяет уверенность в покупателя, поднимает его в собственных глазах и служит доказательством его эстетической искренности. Таким образом, совершенно типичные для данного художника работы, «иконы», явно будут стоить очень и очень дорого. Однако остерегайтесь нетипичных: например, натюрморт или портрет того же Моне будет оценен значительно ниже, нежели «Пруд с кувшинками».

Верно также, что начинающему собирателю, который открывает для себя тающий опасности, необычный мир искусства, высокая цена представляется гарантией качества. Впервые занявшись арт-дилерством, я долго не мог понять, почему прекрасный пейзаж начала XIX века, висевший на стене моей галереи, совершенно не привлекает покупателей. Меня надоумил мой друг Джаспер. «Он слишком дешевый. Ты назначил слишком низкую цену, — сказал он. — Удвой ее». Не прошло и недели, как я продал пейзаж.

«Возблагодарим же Господа за тех, кого намереваемся обмануть». Молитва арт-дилеров — беспечное признание в том, что — так уж сложилось! Тут-то мне и стало понятно, что коллекционировать произведения искусства в наши дни означает всего лишь вкладывать деньги в ценные бумаги».

А вот как откровенно о критиках-искусствоедах и глубинах их идейных исканий:

«Совершенно естественно, что критик испытывает соблазн увидеть глубины и прозрения на картинах самого «немного-словного» художника, поскольку именно такое творчество дает наибольший простор для эстетических обманов».

«Рынок как-то пытался сформулировать контекст абстракционизма и в результате предпринял переоценку ряда художников более ранних периодов. Их творчество было признано любопытным или значимым (в том числе и финансово), поскольку в них увидели предшественников абстракционистов, задолго до их появления разделявших их идеалы и «предвосхитивших» (любимое слово искусствоведов) их искания. Столь посредственный художник, как писатель Виктор Гюго, был извлечен из мрака забвения, ибо экспериментировал с кляксами. Кроме того, с восторгом изучались рисунки акварелиста XVIII века Александра Козенса, включавшие кляксы».

Поучительны данные Хуком характеристики некоторых «брендов» рынка:

«Мондриан Пит: решетки, создаваемые вертикальными и горизонтальными линиями, с пустым пространством между ними, кое-где заполненным цветными четырехугольниками. Чем проще, тем лучше».

«Идеальная картина Малевича должна быть создана непосредственно после изобретения им супрематизма (1915), чем раньше, тем лучше. Супрематизм — вариант чистого, абстрактного кубизма, поэтому на картине в ярких тонах должны быть изображены простые геометрические формы. Сюжет сводится к квадратам, прямоугольникам, кругам, хотя по временам на полотнах Малевича можно различить и крест: его стоит поискать».

Добавлю, что реалистические работы Малевича, демонстрацией которых нам пытаются доказать его художественный талант, не хотят покупать на рынке и по ценам в тысячу раз меньшим стоимости его супрематических брендов... Однако, как контрастируют эти трезвые реалистические оценки с теми безудержными, отдающими кретинизмом восторгами, которыми потчует нас написавшая книгу о Казимире в серии ЖЗЛ Ксения Букша:

«Предел, асимптота, нирвана, Царство Божие — вот что такое супрематизм... В супрематизм можно только после некоторой подготовки прыгнуть, как прыгнул сам Малевич; и у каждого человека или Вселенной этот путь свой».

То, что Казимир прыгнул, неудивительно. Он был шизофреником, в чём и сам признавался. Но не все же такие!.. Адепты Малевича не решаются называть его основное произведение «Чёрный квадрат» живописью, ибо это не что иное, как чертёжно-малярное упражнение. Однако они причисляют квадрат к произведениям искусства. Имеющее очень широкий и не вполне определённый смысл слово «искусство» это позволяет. И действительно, некоторые супрематические композиции были использованы для украшения тарелок, то есть в качестве декоративно-прикладного искусства.

Филип Хук также укрывает словом «искусство» всяческую рыночную лабуду, которой торгуют на аукционах. Изготовление производителей этой лабуды — «гениев-новаторов» — и соответствующих брендов для состоятельной публики на рыночной толоче было поставлено на поток. Это дело основывается на солидной основе и задействует психологов, журналюг, критиков, «искусствоведов», мощные СМИ. Протицирую ещё Хука, знающего толк в брендах:

«Всё началось с Пьеро Манцони. В его творчестве был период, когда он помещал собственные экскременты в жестяную банку и, снабдив соответствующими этикетками, представлял эти вместилища на выставках. Большинство коллекционеров верили, что в банке содержится именно то, что значится на этикетке, хотя можно вообразить, что ритуальное вскрытие банки, чем-то напоминающее откупоривание бес-

ценной бутылки «Шато Латур» 1965 года, явилось бы ни с чем не сравнимым эстетическим наслаждением, одновременно апофеозом предмета искусства и его разрушением.

Потом пришла очередь «Картин, написанных мочой» Энди Уорхола. Потом заявил о себе Крис Офили. Он выполнял картины в технике коллажа, используя слоновий навоз, и тем самым «расцветчивал» их поверхность, особенно в цикле «Капитан Шит». Кроме того, он иногда устанавливал картины на куче слоновьего навоза, поясняя, что «таким образом поднимает их над обыденностью и вселяет в них чувство, что они рождены землей, а не просто повешены на стенку».

Филип Хук называет эти «произведения» пошлостью. И даже выводит формулу: «Пошлость + Ирония = Искусство». Но лабуда, пусть и торгуется наравне с произведениями искусства на аукционах, — это «другое», что бы ни говорили дилеры с маклерами и кураторы с «искусствоедами». В произведении искусства заключён сокровенный замысел, возвышающий над обыденностью. Художник не жалел времени и сил на его исполнение, искал истину, работал для вечности. Это творчество родственно священнодействию. Производство же лабуды есть креативщина вроде той, которой занимаются телефонные мошенники. Производится она обычно быстро, часто в бессознательном состоянии или в подпитии и нацелена на быстрый сбыт.

В этом, видимо, и заключено фундаментальное отличие русского мировосприятия и «либерально-демократического», западного, ставящего во главу угла личную «успешность». Раз набил много денег, как бы ни креативил при этом, — значит и успешен, и жизнь прожил не зря! Понимая ненадёжность такого фундамента, Адольф Гитлер обоснованно называл «открытые» либерально-демократические страны — гнилыми западными демократиями. Гнилость эта вполне выявилась в ходе войны. Даже за полгода до полного разгрома, в конце декабря 1944 года, Арденнское наступление немцев против превосходящих их на западном фронте по численности в 2 раза, по танкам в 4 раза, по авиации в 6 раз англо-американских сил показало превосходство духа германских солдат над англо-американскими. Тогда Сталину пришлось выручать стухнувших союзников, начав Висло-Одерскую операцию ранее запланированного срока... Гитлер, одной из целей которого было создание могучей, боевитой нации, естественно, привлёк к этому и искусство. Авангардизм он окрестил «дегенеративным искусством» и выметал его из германских музеев. Уверен, что если бы он этого не делал, немцы так упорно до самого конца не сражались бы в той войне.

Образцом креативщика-лабака является американский идол соврискуса Джексон Поллок, сын алкоголика и сам с юных лет алкоголик, а впоследствии и наркоман, пьяным разбившийся на машине в возрасте 44 лет. Пишут, что в создании этого гений-бренда поучаствовали американские спецслужбы. Цель была доказать, что не только в Европе рождаются гении соврискуса. Поллок лабал громадные холсты, расстелив их на полу и забрызгивая краской, даже не удосуживаясь придумать человеческие названия этим опусам. В 2016 году один из них под названием «Номер 17А» был куплен за 200 миллионов долларов. Что по нынешнему курсу почти на порядок превышает суммы, выделяемые по грантовым конкурсам (2-3 млрд. руб.) на поддержку культуры всей России. Конечно же, его огромные холсты были предназначены для публики с дворцами, имеющими пустые стены соответствующих размеров.

Ван-Гог, Гоген и Сезанн, которых стряпчие числят предтечами соврискуса, несомненно, были талантливыми живописцами-новаторами. И, как гласит русская поговорка, с трудов праведных не нажили палат каменных. Но знаковой фигурой в становлении соврискуса стал даровитый художник Пабло Пикассо. Рыночная толоча его несказанно прославила и обогатила, что привело к шлейфу подражателей. Пресловутый русский авангард был вдохновлён его громкими успехами. Один из его застрельщиков Татлин проник под видом слепого бандуриста натурщиком в мастерскую Пикассо и скопировал, скреативил оттуда идею своих «контр-рельефов». Слава и финансовый успех были источником «творческого горения» всех наших авангардистов.

Пикассо высказался прямо:

«... Многие становятся художниками по причинам, имеющих мало общего с искусством. Богачи требуют нового, оригинального, скандального. И я, начиная от кубизма, развлекал этих господ несуразностями, и чем меньше их понимали, тем больше было у меня славы и денег. Сейчас я известен и очень богат, но когда остаюсь наедине с собой, у меня не хватает смелости увидеть в себе художника в великом значении слова; я всего лишь развлекатель публики, понявший время. Это горько и больно, но это истина...»

Откровенное признание характеризует его как художника-лабака. Такие были и у нас во времена социализма, только угождали они вкусам не денежных мешков, а партийных чиновников. Нынешние адепты соврискуса любят насмехаться над официозностью их творчества. Но существенна ли разница между ними и Пикассо?.. Если не считать его

коммерческого успеха и плодовитости, за свою жизнь он успел накреативить около 20 тысяч образчиков рыночной лабуды... Нет ничего зазорного в том, что художник пишет вещи на продажу, дабы прокормиться, купить краски, холсты, обеспечатить возможность творческого поиска. Но тут совсем другой случай! Конечно же, опусы Пикассо считают гениальными те, у кого дыхание в зобу спирает от озвучивания выкладываемых за них сумм. Для них суммы — неоспоримое доказательство гениальности... И опять же здесь проходит коренное отличие западного обывателя от русского человека. В миропонимании последнего деньги и богатство никогда не являлись предметом преклонения.

Следующей стадией развития соврискуса стали лабаки-художники вроде Казимира Малевича и Василия Кандинского. Будучи невзрачными художниками-подражателями, они догадались сделать свой бренд: первый — чертёжно-маллярными упражнениями, второй — бесформенными цветовыми пятнами. Знаменитым лабаком-художником стал Сальвадор Дали — взбесившийся от бешеных бабок импотент с многочисленными комплексами и фобиями и от добавленной к ним соврискусом манией величия. На место живописи он поставил шизопись, известную под брендом сюрреализма. Знаменит ещё и тем, что продавал чистые холсты со своей подписью, дабы покупатели, намазав что-либо, тыкали брендом в глаза простаков. Можно ли представить Илью Репина или Валентина Серова, занимающимися чем-либо подобным?

Главное в деле утверждения соврискуса было возвести лабуду в ранг живописи, с чем не без успеха справилась стряпческая обслуга сложившегося рынка. Ну а дальше в бренды пошли уж чистые, толком не умеющие рисовать лабаки вроде представителей «абстрактного экспрессионизма» — Джексона Поллока и заполнявшего большие холсты разноцветными полосами Марка Ротко (Маркуса Янкелевича Ротковича). Расцвели разнообразные, как правило, шизоидные бренды-«измы» вплоть до экскрементизма. Такова краткая история соврискуса.

Одним из основных побудительных мотивов покупать произведения искусства для денежных мешков является уверенность в том, что эти произведения со временем дорожают. Вкладывая в них деньги, можно спасти их от инфляции и даже пустить в рост. Однако творения признанных старых мастеров нашли место в музеях и редко попадают на рынок. Потому одной из задач рыночной толочи стало производство новых «гениев», опусы которых в финансовом отношении

подменили бы нетленные произведения. Производство «гениев» вместе с «измами» было поставлено на поток. Так Википедия насчитывает около полусотни новаторских «измов», возникших только за шестидесятые годы прошлого века. Главная задача — так примазать новаторскую лабуду к настоящему искусству, чтобы у покупателя не возникало сомнений во вложении средств. Поскольку народ равнодушен к соврискусу, это требует немалых усилий. Ни на минуту не умолкает хорошо проплачиваемая пропаганда «новаторства», разливаются моря словоблудия. Надо же обличить невежество непонятливой публики, доказать наличие в соврискусе новейших прозрений, возвысивших его над традиционным искусством! В старых музеях и галереях всячески пытаются притулить соврискус к искусству. Мне приходилось идти через вереницу заполненных лабудой залов в музеях Ватикана, чтобы полюбоваться фресками Рафаэля и Микеланджело. Непосредственно к великому искусству не пропускали.

Рыночной лабуде мало выставляться в насаждаемых по всему свету музеях соврискуса, она настырно лезет в прославленные музеи и галереи. Недавно с интересом посмотрел выставку дружившего с императорской семьёй мариниста и баталиста А.П.Боголюбова. Она была размещена на третьем этаже Инженерного корпуса Третьяковки. А на втором в качестве бесплатного приложения с указателем «Продолжение осмотра» — состоящая из чертёжиков, инсталляций и прочего продаваемого на западных аукционах рукоделия, выставка соврискусника и уже членкора нашей Академии художеств, тоже бывшего моряка под названием: «Александр Пономарев. Я безумен только в норд-норд-вест». Словно омега — растение, паразитирующее на деревьях.

В венском Музее истории искусств я наткнулся на выставку «великого Ротковича». И в Государственном Эрмитаже закатали выставку, приуроченную к юбилею этого «гения», которого стряпчие уже называют величайшим художником российского происхождения (родился в Витебской губернии, мальчиком был перевезён в США. Величайшим его называют потому, что стоимость его лабуды на рынке превосходит стоимость произведений остальных художников российского происхождения. Несмотря на финансовый успех, совершил самоубийство в 66 лет, вскрыв вены). Увлечённому бизнес-проектами и охотно предоставляющему залы соврискусу, потомственному директору Эрмитажа М.Б. Пиотровскому невдомёк, что рядом с бессмертными произведениями искусства лабуда несуразна и выглядит просто похабно.

При входе в Новую Третьяковку начертано: «Искусство XX века. / Modern and contemporary art». Через косую черту как-будто должен быть перевод названия экспозиции на английский язык. Но «переведено» как: «Modern» — современное, новое, новейшее, да ещё «contemporary art» — применяемое в английском словосочетание для соврискуса. Прямо масло масляное. То есть налицо навязчивое желание заменить всё искусство XX века соврискусом.

Катастрофка явилась звёздным часом для этого. Помню, как я пробегал, не останавливаясь, пустынные залы Новой Третьяковки, заполненные инсталляциями с унитазами, пустыми ведрами, кучами рваных газет. Постепенно это барахло убрали. Но, вероятно, оно было музеефицировано, и в фондах осталось. Так что его производители могут набивать себе цену, заявляя о присутствии своих опусов в коллекциях ведущих мировых музеев... Зельфира Трегулова, пока находилась на посту директора Третьяковки, успела приобрести для галереи «Ветку» «классика московского концептуализма» Андрея Монастырского (Сумнина), представляющую собой сук, подвешенный на четырёх мотках скотча к фанерному листу. Говорят, то ли за полтора, то ли за 3 миллиона рублей. На церемонии пополнения галереи «шедевром» зам. Трегуловой и дочь бывшего вице-премьера Ольги Голодец Татьяна Мрдуляш (исчезла из Третьяковки вместе с Трегуловой и, побыв недолго министром культуры Самарской области, отъехала в Израиль) заявила: «Выбор этой работы был очень важен, он действительно сознательный». Концепция сего опуса в том, что если потянуть за сук, то мотки начнут раскручиваться с треском — и это де музыка! Чтобы проверить, необходимо разрушить дорогостоящий опус. Этакая продажа воздуха. (Монастырский — старый диссидент, попал при социализме в психушку, участник Венецианских биеннале соврискуса 1993, 2003, 2007 и 2011 годов. Он ещё и рифмует: «Гнойными тропами / земного бытия / мы ползем клопами / среди всех — и я».)

После такого кредо концептуалиста как-то не возникает желания вникать в пространные объяснения смысла музеефицированного «шедевра». Но Трегулова и Мрдуляш, видимо, чувствуют родство душ с Монастырским. Церемония проходила в зале великого русского художника Александра Иванова старой Третьяковки на фоне знаменитой картины «Явление Христа народу». Зал был выбран не случайно, а с очень «глубоким» замыслом — прокукарекать, что «Ветка»

Монастырского «продолжает традиции русского искусства», потому что в этом зале висит этюд Иванова тоже под названием «Ветка». Да, задача примазать, пристегнуть лабуду соврискуса к великому искусству — не из лёгких!

Ныне происходит медленный дрейф Новой Третьяковки от соврискуса к искусству. Ещё недавно «Чёрный квадрат» Малевича встречал посетителя у входа, рядом с живописью Петрова-Водкина. Ныне его задвинули подальше, в отдельный зал вместе с эпигонами Казимира. Но над построением выставки всё ещё довлеет ложная парадигма противопоставления «хорошего авангардистского неофициального искусства» «плохому реалистическому официальному». Мол, реализм тождественен соцреализму, а последний только тем и занимался, что обслуживал власти. Что уж говорить, что такой подход ведёт к крайне искажённому и примитивному отражению искусства советского периода. Непомерно выпячиваются бегавшие за западной модой и отъехавшие во Францию Михаил Ларионов с Натальей Гончаровой, целый зал отдан также отъехавшему Марку Шагалу с его еврейской темой — больше, чем картинам, отразившим Революцию и Великую Отечественную.

Если мы хотим, чтобы Третьяковка была лицом русского национального искусства, то строить экспозицию необходимо не по шкале западного арт-рынка, а на иных принципах. Во-первых, надо дать больше места не одному творившему в XX веке Петрову-Водкину, а и другим мастерам, сложившимся до Октябрьской революции и продолжавшим работать и после неё: И.Е. Репину, К.А. Коровину, М.В. Нестерову, Б.М. Кустодиеву, А.А. Рылову, И.Э. Грабарю, К.Ф. Юону, Н.И. Фешину, Н.П. Крымову... И проследить их пореволюционную эволюцию. Интересно увидеть, как менялось со временем творчество художников, в молодости увлекавшихся модернизмом: П.П. Кончаловского, И.И. Машкова, А.В. Куприна и других. Просто обидно, что в Новой Третьяковке выставляются ранние подражательные работы Куприна и спрятаны в запасниках крымские пейзажи зрелого мастера, его прекрасная «Беасальская долина»! Несомненно, что в русской национальной галерее должен быть зал П.Д. Корина, а не Шагала. Во-вторых, просто необходимо достойно отразить основные жанры и темы живописи, этапы пройденного народом пути: революция, Гражданская война, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная... Должны быть широко представлены вечные жанры: портрет, натюрморт, пейзаж. Они живут и развиваются, не смотря на то, что стряпчие соврискуса не замечают плодо-

творно работающих в них художников-реалистов. В душе русского человека любовь к родной природе, своей стране занимает видное место. Русская реалистическая пейзажная школа велика и разнообразна, а представлена в Новой Третьяковке предельно скудно. Наверное, отбирать работы для экспонирования должен включающий ведущих художников совет, а не ангажированные западным арт-рыночком стряпчие-кураторы вроде Трегуловой и съехавшей в Израиль Мрдуляш.

Соврискус и в Москве, и в Курске

Стряпчие от рынка выбрали Казимира Малевича* в качестве танка для продвижения соврискуса в России. В эту кампанию было вложено немало средств, привлечены кураторы, искусствоведы и чиновники от культуры, включая Швыдкого, втянуты власти. Даже вклеили супрематический мотивчик в церемонию открытия Олимпиады в Сочи. В Москве у Рублёвского шоссе вблизи места его утерянного захоронения соорудили парк, названный именем Малевича, предназначенный внедрять супрематизм и соврискус в сознание масс. В московском метрополитене открыли станцию «Новаторская», весь потолок которой завешан листами стекла супрематических расцветок. Но, сочетается ли это новаторство с техникой безопасности? А если лист сорвётся?.. Конечно же, покорённые «мировым именем» Казимира наши начальники не знают, что это имя не упомянуто в самой популярной по теме на Западе книге «История искусства» Эрнста Гомбриха, многократно переиздававшейся и дополнявшейся с 1950 по 1995 годы. Книга была переведена на многие языки, в том числе и русский, а тираж её превысил 5 миллионов экземпляров.

Мне знакома механика продвижения Казимира в Курске, где ему довелось прожить семь юношеских лет. «Искусствоведы» из Курской картинной галереи им. А.А. Дейнеки с 2013 года получают гранты по проекту «ЭТОНЕМАЛЕВИЧ» на продвижение Малевича в Курске. Такие гранты выделяет Президентский фонд культурных инициатив. Я дважды подавал заявку в этот фонд на проведение пленэров «Курщина прифронтовая», но ничего не получил. В проекте «ЭТОНЕМАЛЕВИЧ» стараются «подружить бунтарей и новаторов

* Подробнее о нём можно прочитать в моей статье «Зачем и кто навязывают Малевича», опубликованной в апрельском номере «Молодой гвардии» за 2024 год.

начала XX века с традиционным искусством». Пытаются навести «теоретическую базу для создания картины некоей чистой живописи, освобожденной от привычных предметных контуров, картину в стиле супрематизма». Например, берут портрет и заменяют лицо овалом. И, проводя мастер-классы, пытаются этому учить детей. Когда я поинтересовался на их странице ВК, чему же они думают научить бедных детей и не запутают ли их, проповедуя беспредметчину как современную чистую живопись, они мигом лишили меня права голоса, внося в чёрный список! Более того, директор галереи И.А. Припачкин даже грозился подать на меня в суд. Самым рьяным продвигателем Малевича в Курске является обласканный Минкультом РФ актёр, заведующий литературно-драматической частью КТЦ им. Щепкина, член Русского пенцентра, пишущий стихи Роман Рубанов. Его перу принадлежат панегирики Малевичу, которые подмахивал и помещал на своей странице ВК бывший курский губернатор Роман Старовойт. Его идея — примазать Малевича в недавней акции «Курские характеры» к знаменитым курянам Дейнеке и Клыкову. На подтанцовке в соцсетях у Рубанова всегда выступает мелкая чиновница Курского комитета культуры Н.Н. Коваленко. Ещё одним активистом является мастер саморекламы, курский галерист и торговец предметами искусства, организатор многочисленных выставок и художник-любител абстрактного направления Олег Радин. Беда в том, что он сходит за высшего авторитета по части изобразительных искусств и для курского телевидения и для чиновников. Олегу Малевич нужен для продвижения себя и собственного бизнеса. Он учредил и присуждает «народную» премию им. Малевича, открыл в своём магазинчике музей Казимира, содержащий копии старых фотографий и газет и даже ржавый кривой гвоздь из дома, в котором вроде бы жил Малевич. Впрочем, эксцентричность Радина порой анекдотична. Однажды он в телекамеру заявил, что Малевич-де был самым ищущим художником XX века, а он, Олег Радин, — самый ищущий художник XXI века!

Курским адептам соврискуса удалось-таки пропихнуть переименование основного курского выставочного зала для живописи «Звёздного» в зал «им. К.С. Малевича», хотя это и встретило сопротивление общественности. В частности, было открытое письмо ведущих курских художников против этого шага губернатору Старовойту и мэру Курска Куцаку, опубликованное в «Пятой газете». Приведу показательную полемику в соцсети ВК по этому вопросу между мной и министерством культуры Курской области. Я обратился к врио

(после ухода Старовойта с поста губернатора) министра культуры Ю.Н. Полетыкиной:

«Юлия Николаевна, недавно Народному художнику России Василию Ерофееву присвоили посмертно звание почётного гражданина Курска. И есть за что — за его «Курских красавиц», «Солдаток», «Полюшко-поле» и многие другие, воспевающие земляков и родную землю прекрасные полотна, оставленные Курску. Я так же, как и многие курские художники и мастера культуры, считаю, что его именем должен называться в Курске зал для показа живописи. Нельзя ли исправить допущенную Комитетом культуры Курска ошибку, и присвоить выставочному залу «Звёздный» имя Василия Ерофеева?»

Я говорю об ошибке, потому что переименование зала «Звёздный» в зал «им. К.С. Малевича» прошло келейно, без обсуждения с общественностью. А она протестовала, было подписанное ведущими курскими художниками открытое письмо против. Ибо называть зал для демонстрации живописи именем человека, пытавшегося заменить её чертёжно-малярными супрематическими упражнениями и заявлявшего: «...живопись давно изжита, и сам художник предрассудок прошлого» просто оскорбительно для уважающих себя художников. Ряд курских живописцев во главе с Народным художником России Л.И. Рудневым отказался выставляться в зале им. Малевича. Эти факты руководство КТЦ им. Щепкина пытается замазать и замолчать. В частности, они среди отзывов на выставки не публикуют записи с протестами против переименования зала и стирают и блокируют протесты на своих страницах в соцсети ВКонтакте. Главный аргумент адептов Малевича — мол, егоopusy продаются на западных аукционах за миллионы баксов, и потому у него «мировое имя». Но такие же «мировые имена» есть и у Альберто Джакометти, Джорджи Моранди, Фонтано Лучо, Энди Уорхола и многих других. Слышали ли вы про них? Просто в пропаганду Малевича в России иноагентурой вложены немалые средства.

Недавняя акция курам на смех провозгласила Малевича «курским характером» наряду с Дейнекой и Клыковым. Малевич был по происхождению польским шляхтичем, родившимся в Киеве и случайно оказавшимся в Курске, из которого он при первой же возможности уехал ловить славу в столицах. Чтобы хоть как-то прославиться, он использовал все доступные ему средства: эпатаж, скандалчики и даже слонялся в Москве по Кузнецкому мосту, вставив деревянные ложки в петлицы пиджака. Это и есть курский характер? А вот патриарх Кирилл называл душу Малевича чёрной... Авторы акции, пытаясь хоть как-то примазать Малевича к Дейнеке, выдумали факт учёбы Мале-

вича у курского живописца Якименко-Забуги, у которого впоследствии учился Дейнека.

Малевич не оставил ни одного своего произведения Курску! Так почему же курское начальство так подобострастно заискивает перед его адептами?»

Ответ Министерства культуры Курской области:

«Михаил, добрый день! На Ваше обращение на Прямую линию с врио министра культуры Курской области Ю.Н. Полетыкиной, в котором Вы выражаете свое несогласие с присвоением имени К. Малевича Выставочному залу муниципального бюджетного учреждения культуры «Концертно-творческий центр имени М.С. Щепкина», сообщаем следующее.

Данное решение было принято в рамках полномочий учреждением культуры, которое является самостоятельным юридическим лицом. Эта инициатива была поддержана органами исполнительной власти всех уровней, о чём Вам было неоднократно сообщено.

Инициатива учреждения культуры основывалась на мнении ведущих курских историков, краеведов, представителей общественности, Регионального отделения Союза дизайнеров России.

К. Малевич, и это исторический факт, личность мирового масштаба, чьи работы входят в коллекции ведущих музеев. Его творчество привлекает внимание как сторонников, так и противников.

Время, проведенное им в нашем городе, официально именуется «курсским периодом». Говоря о значимости деятельности К. Малевича для курян, следует отметить, что именно он стал одним из главных организаторов союза художников в нашем городе. Поэтому проводимые исследования историков, краеведов в данном направлении имеют большое значение.»

Мой ответ:

«Господа из Министерство культуры Курской области, ваше утверждение о том, что Малевич стал одним из главных организаторов союза художников в нашем городе, не соответствует действительности!

Во-первых, он не имеет никакого отношения к организации возникшего в 1930-х и существующего ныне Курского отделения Союза художников России.

Во-вторых, если вы говорите о Товариществе курских художников (ТКХ), существовавшем в 1910—1917гг., то оно возникло после отъезда Малевича из Курска. Инициаторами его создания стали жившие в Курске М.Н. Якименко-Забуга, А.К. Дамберг, Л.А. Квачевский, а не отъехавший Малевич.

В чём, всё-таки, значимость деятельности Малевича для курян? Когда речь заходит о Малевиче, непременно натыкаешься на беззастенчивое фантазёрство и ложные утверждения. Чего только стоит досужая выдумка, что Малевич с его образованием в два года аграрного училища запустил в русский язык слово «невесомость»? Или то, как усматривают в его супрематических прямоугольничках и кружочках прообраз современных космических станций. Вдохновлённый этой хлестаковщиной Олег Радин заявлял: «На основе его супрематизма держатся и дизайн, и архитектура, и те космические корабли, которые летают!» Никакого внимания обычных людей к творчеству Малевича нет! Если не считать удивления и недоумения тому, что примитивные чертёжно-малярные упражнения называют гениальной живописью.

Вы пишете: «К. Малевич, и это исторический факт, личность мирового масштаба, чьи работы входят в коллекции ведущих музеев». Я уже приволил имена таких же «личностей мирового масштаба»: Альберто Джакометти, Джорджи Моранди, Фонтано Лучо, Энди Уорхола. Есть среди них и «личности мирового масштаба», мочившиеся на холст, есть и предлагавшие баночки со своим дерьмом на аукцион. Их покупали. Они торгуются на тех же аукционах ещё дороже Малевича, и их работы входят в коллекции ведущих музеев Современного искусства, но знают о них лишь специалисты по соврискусу.

По какому признаку вы определяете «личность мирового масштаба»? Или вам её назначают на Сотби и Кристи?

Действительный исторический факт — тот, что после смерти Малевича в 1935 году его быстро забыли, и даже могила затерялась. А имя его было раздуто, как мыльный пузырь, спекулянтами на западном арт-рыночке, начиная с 1970-х. Издание в России пятитомного собрания сочинений Казимира профинансировано Нью-Йоркским «Обществом Малевича».

И, наконец, почему решение властей о зале для демонстрации в основном живописи основывается на мнении Регионального отделения Союза дизайнеров, а не Курского отделения Союза художников России? Подавляющее большинство художников считает Малевича «голым королём»!

Ответа от курского минкульта, естественно, не последовало.

В Курской области насаждением соврискуса занимается и благотворительный фонд «Искусство, наука и спорт» миллиардёра Алишера Усманова, владеющего градообразующим для города Железногорска Михайловским горно-обогатительным комбинатом. В Железногорске усмановский фонд открыл центр современного искусства «Цикорий», поддержанный московским «Гаражом». Фондом проводятся арт-

фестивали «Трансформация», имеющие целью приучать провинциальную публику к соврискусу, подменять серьёзное искусство всякими инсталляциями и дилетантскими поделками. В Курске в рамках «Трансформации» прошла «Выставка нестандартных художников», прорекламированная на местном телевидении с участием Олега Радина. «Нестандартный художник» Диана Бузуева расклеивает сюрреалистические репродукции, вдохновляясь тем, «чтобы отправить кому-либо супердурацкое сообщение». Другой «нестандартный», Дан Субботкин, занимается пришиванием разных этикеток к футболкам, высшее его достижение — пришитый тряпичный мухомор, который он сотворил сам. По виду «нестандартные» уже взрослые, но по суждениям недоросли. Тележурналистка считает их «творчество» близким Радину по духу. Не ясно одно — почему их называют художниками?

У нас традиционно имя художника находилось на недосягаемой для многих высоте. Мы отделяли художников, овладевших техническими секретами и способных с их помощью создать новое, своё, сокровенное в отличие от ремесленников, которым последнее недоступно. Недаром «Трансформация» старается трансформировать молодёжь. Если в массовом сознании утвердится за всяким неучем-креативщиком звание художник, то и всякую производимую ими лабуду можно будет называть искусством. И вместо настоящего искусства можно будет втюхивать соврискус! Потому-то продвигатели соврискуса неустанно занимаются опощлением и принижением смысла слов «художник» и «искусство». Это их хлеб.

Федеральному Министерству культуры тоже хочется чего-то новенького, и оно занялось выискиванием и продвижением «креативных индустрий». Здесь заказчиком и мозговым центром выступает происходящий из комсомольских функционёров политик С.Кириенко. Он считает «креативность» олицетворением творчества и искусства и мечтает о том, чтобы «индивидуальное творчество и искусство превращалось в индустрию!» Его стараниями в эти пресловутые креативные индустрии государство делает многомиллиардные вливания. Только ничего нового Кириенко не придумал. Большая креативная индустрия — это западная рыночная толоча соврискуса. И у нас возможен лишь её филиал, созданием чего он, по существу, и занимается. К сожалению, на вершинах российской власти ещё не дозрели до понимания того, что независимое государство невозможно без продуманной политики в области культуры.

Нашу культуру, в частности, изобразительную, ещё можно сохранить. Преподающие в художественных учебных заведениях мастера ещё учат творческую молодёжь секретам мастерства, и не все выпускники бросают живопись ради более лёгких заработков или уезжают за границу. Первым и очевидным шагом должна стать государственная поддержка объединяющего действительных профессионалов традиционного Союза художников России. Как-то дико наблюдать невероятную скупость властей в отношении творцов-профессионалов при одновременной щедрости в отношении креативщиков. Звание Народного художника России присуждает своим указом президент России, но звание это влечёт столь мизерное материальное поощрение, что и на краски с холстами не хватает. То же можно сказать и о поддержке Союза писателей России и других творческих союзов, традиционно объединяющих профессионалов.

Свиридов писал: «Авангардизм — органическое самовыявление абсолютного зла, бездарности, неспособности создания прекрасного. Это — псевдоискусство, которое внушает нам, что мир безобразен, и разрушение и даже утрата его — естественны и закономерны. Идея людей, направляющих подобное «искусство», — организация гигантской кровавой бани для всего человечества. Сами они пытаются этой бани избежать. Для этого у свержладык есть много возможностей».

Скоро ли верховные власти и минкультовские чиновники осознают, что «современное искусство» не есть искусство нашего времени, а является всего лишь мимикрией, подделкой под него?

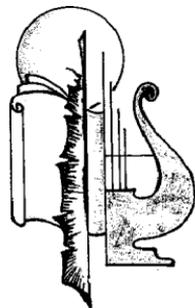
Николай ГАВРИЛОВ,
критик, публицист

ИЗ ГВАРДИИ СИЛЬНЕЙШИХ

В настоящее время самый яркий, самый острый, самый сильный патриотический литературный журнал — «Молодая гвардия». И я даже знаю, почему. Потому что уже много лет его возглавляет и делает Валерий Хатюшин.

Я очень давно слежу за современной поэзией. И пришел к выводу о том, что Валерий Хатюшин, преодолевший в этом году жизненную планку 75-летия, эмоционально, граждански, философски и содержательно — сильнейший из **ныне живущих** в России поэтов. Я понимаю, что многим хорошим поэтам прочитав и услышав это будет довольно ревностно. А кому-то — даже очень обидно. И чтобы их успокоить, чуть-чуть скорректирую свою оценку: **один из сильнейших**. А еще точнее говоря: **из гвардии сильнейших**. Но Сергей Видулов сказал о нём так: «Он не похож ни на каких других поэтов».

В определение «сильнейший» я вмещаю не только его стихи, написанные за последние 10—15 лет, хотя среди них есть истинные стихотворные шедевры, а всё его поэтическое творчество за 55 лет. Мне, конечно, возразят: в эти 55 лет вошли и Рубцов, и Евтушенко, и

КРУГ ЧТЕНИЯ

Рождественский, и Кузнецов, и Бродский, и Передреев... Но, опять же, уточняя: я сказал о **ныне живущих поэтах**.

Его книга гражданской лирики, вышедшие под названием «Русская кровь» (1992, 1995) «Прицел» (2003, 2005), «На переломе» (2011), имели несколько переизданий и расходились мгновенно среди русских читателей. О них публиковались статьи в патриотической печати, их поносила либеральная пресса, а всяческие иноагенты, ныне сбежавшие из страны, строчили на них доносы.

Его книга любовной лирики «Напряжена душевная струна» (2018), вместившая стихи, написанные за пятьдесят лет, поразила многих своей чувственной откровенностью, необычайной душевной искренностью и глубоким переживанием состояния двух близких человеческих сердец. Она имела очень теплые, очень доброжелательные отклики в русской прессе.

Его книга духовной лирики «Вино и хлеб» (2019) стала, можно прямо сказать, настоящим событием в современной поэтической жизни. Таких книг (если меть в виду мирскую, светскую, а не церковную, сугубо религиозную жизнь) за последний полувековой период в русской литературе еще не было. Во всяком случае не было издано. Как написала Людмила Воробьева, замечательный, очень глубокий критик нашего времени (в статье «Тот свет, который вечен»), книга «Вино и хлеб» — это «вершина поэзии Валерия Хатюшина, обнажившая его трагический стоицизм и утверждающая незыблемость вечных ценностей Православия». А смоленский поэт Наталья Егорова в статье «От Меня это было...», посвященной этой книге, сказала очень точные слова: «Книга эта — своеобразное лирическое исследование идущей к Богу души, где стихи, запечатлевшие сокровенные чувства и мысли, выступают как документальные свидетельства происходящего». И заканчивает она свою статью такими словами: «Да, это **духовная лирика**, и более того — эта книга, писавшаяся всю жизнь, — очень важное для многих современников непридуманное свидетельство о внутренней жизни человека и о том, что Христос с нами всегда». И вполне закономерно то, что книга Валерия Хатюшина «Вино и хлеб» удостоена двух литературных премий — им. Марины Цветаевой и им. Афанасия Фета.

Даже если бы Валерий Хатюшин сосредоточил свою литературную деятельность только на поэзии (кстати сказать, и на своей прозе тоже), то этого уже было бы достаточно, чтобы войти в русскую литературу XX и XXI веков надолго и полноправно. Но он свою творческую, духовную и обществен-

ную деятельность этим не ограничил. И тут я должен перейти к другой, не менее важной для него и для всех нас стороне его подвижнического таланта. Да-да, эту, говоря светским языком, ипостась его деятельности можно без преувеличения назвать творческим подвигом.

Как уже было сказано мной выше, журнал «Молодая гвардия» в настоящее время — самый острый, самый забористый, самый интересный из всех, ныне существующих. А объяснение и гарантия этого заключаются в том, что его главный редактор является блестящим, бескомпромиссным, бесстрашным публицистом. И уже на протяжении последних 35 лет его хлесткая публицистика не сходит со страниц русских газет и журналов. Прежде всего, конечно, со страниц «Молодой гвардии». Его книги «Чёрные годы» и «Вехи окаянных лет», отразившие жуткие 90-е ельцинские годы, — это честная, точная летопись посткоммунистического изничтожения страны и подлинной морально-физической трагедии народа. Горбачевское иудство, блеф ГКЧП, чёрный октябрь 93-го, чеченская и югославская войны, приход в Кремль В. Путина — ничто не прошло мимо пера и сознания одного из сильнейших поэтов и публицистов в эти годы. Его статьи и книги будили сознание русского человека, призывали не смиряться с судьбой, но бороться за историческую честь и правду России. И книги эти побуждали русских людей к действию.

Очень интересный, оригинальный жанр нашел Валерий Хатюшин в освещении событий русской и зарубежной жизни. В освещении и философском осмыслении реальной действительности под названием «Протуберанцы». С добавлением пояснения: «Размышления и воспоминания». Почти как у Г.К. Жукова, только размышления здесь идут прежде воспоминаний. Они освещали нулевые и последующие годы. В конце концов они стали публиковаться в журнале **в каждом номере**.

Его «Протуберанцы», уверен, войдут в историю — и литературы, и всей нашей жизни. Написанные в течение последних 20 лет, они не только удивляют, а порой и потрясают своей смысловой неординарностью, раскрывают многие факты, тайны, глубину исторических замыслов, о которых мы в своей жизни, как правило, чаще всего вообще не задумывались. Его эссе «Тайна жизни Пушкина», «Дух пушкинской гениальности», «Выход и тупика», «Земля Теодора Герцля», «Украина — это болезнь», «Атеистическая прививка», «Взращивание Зверя», «Век «Молодой гвардии» и многие другие, составившие «Протуберанцы», действительно, словно

вспышки на солнце, словно языки пламени при полном затемнении, заставляют прозреть глаза, сознание, историю России в том виде, в котором до сих она была недоступна для понимания большинства населения, потому что многие из нас об этом чаще всего вообще не думали. Эти, казалось бы, парадоксальные, а на деле правдивые мысли, кого-то ставят в тупик, но очень многим действительно открывают глаза.

Оказывается, пушкинские «ссылки» не были никакими ссылками... А русская поэзия, одухотворенная пушкинской гениальностью, недостижима ни для какой другой поэзии...

Оказывается, Наполеон не собирался воевать с Россией и пошел не на столицу Петербург, до которой идти было в два раза короче, а на Москву, т.к. по договоренности с Павлом Первым должен был со своей армией направиться в Индию, чтобы забрать эту английскую колонию. Но Павел через подкуп и предательство был англичанами убит... Однако от своего плана Наполеон уже не мог отказаться...

Оказывается, Николай Второй спас Москву осенью 1941 года... Как, каким образом? Читайте «Протуберанцы» Валерия Хатюшина!

Оказывается, никакой революции в октябре 1917 года, той, о которой мы узнали по учебникам, в России не было. И об этом писал сам Ленин (!), как ни в чем не бывало, баллотировавшийся в это самое время на выборы в Учредительное собрание... Где писал, когда? Читайте «Протуберанцы» Валерия Хатюшина!

Оказывается, «праздник юмора и смеха» 1 апреля — это исключительно антихристианский смеховой ритуал. Почему? Читайте «Протуберанцы» Валерия Хатюшина!

Обывательское сознание очень инерционно, и его крайне трудно, порой невозможно развернуть в правильную сторону, а тем более заставить думать вопреки своей инерции. Но публицистике Валерия Хатюшина это сделать, как ни странно и как ни удивительно, удаётся. С помощью его доверительного, доходчивого, простого письма и очень убедительной логики. Без каких-либо умствований, зауми и наукообразности. Он по-простому разговаривает с простым читателем, и тот невольно приходит к правильным мыслям, выводам, более того — единственно верной истине. И самое главное в этом пути познания заключается в том, что таким вот образом он, читатель, приходит к истине православной...

Первая книга «Протуберанцев» (2005—2013 гг.) вышла в 2013 году в издательстве «Алгоритм». Затем эта очень своеобразная публицистика (с 2005 по 2015 гг.) вошла в 6-й том шеститомного Собрания сочинений писателя. Следующая

книга «Протуберанцев. Размышлений и воспоминаний» (2016—2024 гг.) готовится к выходу в этом году. Наверное, сюда войдет самая интересная часть этих необычных размышлений — судя по тому, что большинство из них публиковались на протяжении последних восьми лет в каждом номере «Молодой гвардии».

«Протуберанцы», при всей условности сравнения, — это библия (в смысле — Книга) современной русской жизни.

Читайте и выписывайте патриотический журнал «Молодая гвардия»! Читайте сильнейшую поэзию и публицистику Валерия Хатюшина!

К сведению подписчиков

Подписка в почтовых отделениях на журнал «Молодая гвардия» на первое полугодие 2025 года осуществляется по **электронному Каталогу** «Почта России». Подписной индекс нашего журнала остался без изменения: П6410.

Содержание журнала за 2024 год

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Виталий АВЕРЬЯНОВ. За что мы сражаемся?... — 7-8
Владимир АЗАРОВ. Покончить с новой Хазарией — 11-12
Андрей АНТОНОВ. Второй фронт России — 10
Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто готовит большой пожар? — 1-2
Владимир БОЛЬШАКОВ. Покончить и... не вспоминать — 3
Владимир БОЛЬШАКОВ. Одержимые войной и ненавистью — 5-6
Людмила БРАГИНА, Олег РОМЕЙКО. Бремя русского приграничья — 11-12
Валерий ГАБРУСЕНКО. Десять сталинских ударов — 5-6
Валерий ГАБРУСЕНКО. Россия и Средняя Азия — 7-8
Александр ГАПОНЕНКО. Фашизм, нацизм и Украина — 10
Лев ГОРЕЛИКОВ. Необходимость русской идеологии — 4
Евгений ЕВТУШЕНКО. Об антисоветчиках — 9
Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ. Пушкин остаётся с нами третье столетие — 9
Дмитрий ИКОННИКОВ. Это нацизм — 3
Ростислав ИЩЕНКО. Клоун сливает Украину — 1-2
Ростислав ИЩЕНКО. Украина как инструмент Запада — 11-12
Олег КАССИН. Лазер, скальпель и... розги — 5-6
Валентин КАТАСОНОВ. Кто в доме хозяин? — 3
Валентин КАТАСОНОВ. Сатанизм выходит на сцену — 10
Валерий КИРИЛЛОВ. Старая «песня» на новый лад — 4
Сергей ЛЕБЕДЕВ. К 85-летию Победы над Финляндией — 5-6
Сергей МИХЕЕВ. О миграционной политике — 11-12
Сергей МИХЕЕНКОВ. В Первомайске и Попасной — 1-2
Сергей МИХЕЕНКОВ. Гуманитарный конвой — 4
Сергей МИХЕЕНКОВ. Вот кончится война... — 7-8
Мария МОНОМЕНОВА. Безголовые «всадники» — 3
Игорь РОМАНОВ. Не пора ли проснуться? — 11-12
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Как нам закончить войну — 1-2
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Подводя итоги — 3
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Не повторить прежних ошибок — 4
Георгий СИДОРОВ. О ключевых факторах дестабилизации российской государственности — 5-6
Ирина УШАКОВА. Осмыслить происходящее в стране — 1-2
Галина ХМЕЛЕВСКАЯ. На развилке дорог истории — 4
Зиновий ХМЕЛИЧЕНКО. Что будет после Украины? — 9

ПРОЗА

- Наталия БАРАНОВА. Рассказы — 5-6

Николай БЕСЕДИН. Заклинание старых могил. Рассказ — 3
Сергей БОГАЧЁВ. Марьинка. Рассказ — 5-6
Виктор БОЧЕНКОВ. Коллекционер велосипедов. Рассказ — 1-2
Владимир ВИСЬКИН. Целительница. Рассказ — 3
Юрий ВИСЬКИН. Тусер. Рассказ — 9
Василий ВОРОНОВ. Фрося. Рассказ — 4
Николай ИВАНОВ. Пока играет флейта... Главы из повести — 1-2
Геннадий КАРПУНИН. Чемпион. Рассказ — 4
Сергей КОМОВ. Позывной Кулик. Рассказ солдата — 7-8
Юрий МАНАКОВ. Хитрован Тунгус. Рассказ — 5-6
Андрей МАРКИЯНОВ. Видение. Рассказ — 3
Андрей МАРКИЯНОВ. Вернуться к себе. Повесть. — 11-12
Валерий МАРТЫНОВ. Мещанские сказы — 9
Валерий МАРТЫНОВ. Мещанские сказы — 10
Вадим НАГОВИЦЫН. Собаки. Рассказ — 4
Юрий ПАХОМОВ. Сны в опрокинутом доме. Отрывок из повести — 7-8
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Рассказы — 1-2
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Два рассказа — 11-12
Алексей ПОПОВ. Осенние дни. Рассказ — 11-12
Ольга ПРИЛУЦКАЯ. Невидимый друг. Рассказ — 4
Владимир ПРОНСКИЙ. Завешание. Повесть — 3
Владимир ПРОНСКИЙ. Лель из Пустошки. Повесть — 10
Андрей ПУЧКОВ. Последний волк. Рассказ — 9
Сергей ПЫЛЁВ. Свой—чужой. Рассказ — 4
Сергей ПЫЛЁВ. Боевое крещение. Рассказ — 9
Вячеслав РЕМЕНЧИК. Прометей ведёт бой. Рассказ — 3
Михаил СМИРНОВ. Рассказы — 5-6
Михаил СМИРНОВ. Ерохины. Рассказ — 10
Валерий ФАТЕЕВ. Рассказы — 7-8
Виктор ФРОЛОВ. Два рассказа — 9
Алексей ШОРОХОВ. Ромаядины. Из «Семейной хроники» — 1-2

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Долгий крик. Стихи — 5-6
Владимир АРХИПОВ. Рябиновый огонь. Стихи — 11-12
Виолетта БАША. Русское время. Стихи — 1-2
Людмила БРАГИНА. Исток любви. Стихи — 7-8
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. Наследство. Стихи — 9
Татьяна ГРИБАНОВА. Четыре часа электричкой! Стихи — 4
Татьяна ГРИБАНОВА. Свет негасимый. Стихи — 10
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Был у Авеля брат... Стихи — 3
Вячеслав ДЕВЯТКОВ. Свеча горит... Стихи — 4
Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА. Простор и свет. Стихи — 9
Сергей КАЗНАЧЕЕВ. Высокие глаголы. Стихи — 3

Диана КАН. Среди звёзд... Стихи — 10
Виктор КАРПУШИН. Провинция. Стихи — 5-6
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Величавые ели. Стихи — 7-8
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Русская дорога. Стихи — 7-8
Александр ЛИСНЯК. Горсть песка. Стихи — 5-6
Сергей ЛУЦЕНКО. Как вольная вода — 9
Эмма МЕНЬШИКОВА. Сила притяжения земли. Стихи — 10
Олег МОШНИКОВ. О, Время, не спеши! Стихи — 11-12
Александр НЕСТРУГИН. Язык и говор. Стихи — 1-2
Борис ОРЛОВ. Мой город. Стихи — 5-6
Александр ПОТАПОВ. Осенняя душа. Стихи — 1-2
Вита ПШЕНИЧНАЯ. Пока мы живы. Стихи — 11-12
Олег РОМЕНКО. Там... На родине... Когда-то... Стихи — 7-8
Валерия САЛТАНОВА. Из-под Господнего крыла. Стихи — 9
Леонид САФРОНОВ. В краю своем родимом. Стихи — 3
Владимир СКИФ. Отцовский дом. Стихи — 4
Андрей СТЕПАНОВ. Жжёный сахар. Стихи — 1-2
Стихи поэтов России — 4
Стихи поэтов России — 9
Валерий ФАТЕЕВ. Песня ветра и волны. Стихи — 11-12
Ксения ФИРСОВА. Тающее эхо. Стихи — 3
Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ. Пристанище души. Стихи — 3
Махтумкули ФРАГИ. Тяжёлая ноша. Стихи — 7-8
Андрей ФРОЛОВ. Белое чудо. Стихи — 1-2
Евгений ХАРИТОНОВ. На границе войны. Стихи — 4
Валерий ХАТЮШИН. Этот год. Стихи — 4
Валерий ХАТЮШИН. Младший брат. Стихи — 11-12
Владимир ХОМЯКОВ. Равнение на сына. Стихи — 10
Иван ЩЕЛОКОВ. Русское время. Стихи — 5-6

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Женщины Сталина — 3
Валерий ГАБРУСЕНКО. Великий перелом — 4
Валерий ГАБРУСЕНКО. Великий полководец — 10
Валерий ГАБРУСЕНКО. «Отцы» Первой мировой — 11-12
Валентин КАТАСОНОВ. Освобождение от иллюзий — 10
Вячеслав МАКАРЦЕВ. О православном социализме — 4

УРОКИ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Мифы о Сталине — 1-2
Ростислав ИЩЕНКО. Вечный майдан — 1-2

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Оксана ВИНОГРАДОВА. Тайна смерти Лермонтова — 10
Валерий ГАБРУСЕНКО. Художник, воин, странник, мыслитель — 7-8

Юрий КЛИМАКОВ. Великан на амурском утёсе — 7-8

Василий КИЛЯКОВ. Дважды убитый — 9

Валерий ХАТЮШИН. Странности биографии, или Тайна жизни Пушкина — 5-6

ЛАРЕЦ

Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ. Речь о Пушкине — 1-2
Андрей ПЛАТОНОВ. В сторону заката солнца. Рассказ — 11-12

РУССКИЙ МИР

Патриарх КИРИЛЛ. Настоящее и будущее Русского мира — 1-2
Владимир КВАЧКОВ. Народная монархия как политическая задача — 1-2

РУССКИЙ ВОПРОС

Владимир БОЛЬШАКОВ. Судьба или участь народа? — 9

Владимир БОЛЬШАКОВ. Судьба или участь народа? — 10

Евгений ЕВТУШЕНКО. О кризисе русского общества — 4

Евгений ЕВТУШЕНКО. Суперэтнос или «многонациональный народ»? — 11-12

Александр ГАПОНЕНКО. Чему учит наша школа? — 3

Вячеслав ДЕВЯТКОВ. Человек рождается из Слова — 4

Ростислав ИШЕНКО. Расширяя пределы русскости — 7-8

Федор ПАПАЯНИ. Русские — 4

Андрей РЕДКОЗУБОВ, Роман ИЛЮЩЕНКО. Автобус в никуда — 3

Андрей СОШЕНКО. Не слышат и не видят... — 5-6

Андрей СОШЕНКО. Мигрантам нужна власть — 11-12

СИМВОЛ ВЕРЫ

Павел БОЯНКОВ. «Не бойся, малое стадо!» — 3

Павел БОЯНКОВ. «Найдет ли веру на Земле?» — 4

Павел БОЯНКОВ. Имя святое — Павел — 7-8

Андрей БУХОВЕЦКИЙ. Никакого отношения к христианству не имеет — 3

Максим ВОРОБЬЁВ. Когда «бог в душе» — 4

Архиепископ ГУРИЙ. Что грозит человечеству — 1-2
Василий ДВОРЦОВ. Право на победу — 1-2
Лина МКРТЧЯН. Лабиринт Клоацины — 4
Светлана САФРОНОВА. Анисья — 3
Олег ЧЕРВЯКОВ. Каин и Авель — 11-12

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Борис АЛОВ. Вопреки всему — опять Ургант — 1-2
Борис АЛОВ. Хакамада и власть — 4
Владимир БОЛЬШАКОВ. Стриптиз дежурных патриотов — 1-2
Владимир БОЛЬШАКОВ. Где тусуются враги России — 5-6
Владимир БОЛЬШАКОВ. Предатель, метивший во власть — 7-8
Алексей ИВАНОВ. Донбасс — не прачечная — 4
Андрей СОШЕНКО. Чубайс и новый русофобский центр — 7-8
Рами аль-ШАЕР. Сионистские вызовы в российских СМИ — 1-2

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Юрий ВОЛК. Жизнь вернулась... — 9
Ольга ГОРЕЛАЯ. «А мне бы сны, в которых воздух слаще...» — 9
Наталья ЕГОРОВА. Золотой самородок на соболиной тропе — 7-8
Светлана КУЗНЕЦОВА. «Русская профессия — изгнанник». Стихи — 7-8

ЭКСПЕРТЫ

Ростислав ИЩЕНКО. Без веры, без цели, без надежды — 5-6
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Некомплиментарный народ — 5-6

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ирина МЕДВЕДЕВА. «Улица корчится безъязыкая» — 3

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Эмма МЕНЬШИКОВА. Расколотый надвое — 5-6

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Сионизм и фашизм. Корни родства — 4
Мария МОНОМЕНОВА. Папа римский и мошиах — 3

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

Мария МОНОМЕНОВА. Третий Храм против Третьего Рима — 5-6

Мария МОНОМЕНОВА. Третий Храм против Третьего Рима.
Продолжение — 7-8

ДОСЬЕ «МГ»

Евгений ГУСЛЯРОВ. Портрет Дориана Окуджавы — 9

ПОДВИЖНИКИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Сибириада — 1-2

ПАМЯТЬ

Лина МКРТЧЯН. «Город Блаженное детство и город Родные гробы» — 9

Лина МКРТЧЯН. Космизм Лизнёва, или Видение на Москве-реке — 10

Лина МКРТЧЯН. Два голоса ушедшей эпохи — 11-12

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Кому не нужна национальная идеология? — 1-2

Владимир АНИЩЕНКОВ. Искусство русского народа — 9

Владимир АНИЩЕНКОВ. Курский прорыв — 10

Николай БАШМАКОВ. Пора воевать всерьёз — 11-12

Геннадий БЕЛОВОЛОВ. Символический расстрел — 5-6

Владимир БОЛЬШАКОВ. Раковая опухоль Державы — 9

Владимир БОЛЬШАКОВ. Очищение — 10

Владимир БОЛЬШАКОВ. План раздела России — 11-12

Владимир ВАСИЛИК. Для победы нужна новая Конституция! — 4

Александр ГАПОНЕНКО. Инструмент ментального разложения — 4

Михаил ДЕЛЯГИН. Пора очиститься от рабов Запада — 7-8

Павел ДМИТРИЕВ. Договариваться на Украине не с кем — 5-6

Алексей ИВАНОВ. Закон не для всех... — 9

Ростислав ИШЕНКО. Пикирующая нация — 4

Игумен КИРИЛЛ. Сократить до крайнего минимума — 10

Филипп ЛЕБЕДЬ. После сдачи Карабаха — 4

Филипп ЛЕБЕДЬ. По велению императрицы — 10

Эдуард МОХНАТКИН. Вымирающий русский север — 3

Михаил ОШЕРОВ. Нелегитимность Украины — 9

Игорь РОМАНОВ. Кто идет к власти в России? — 4

Елена САМАРИНА. О «дешёвой рабочей силе» — 9

Александр САМСОНОВ. Национальный вопрос разрушает Россию — 3
Андрей СОШЕНКО. «Резина» для многонационалов — 1-2
Андрей СОШЕНКО. Для кого они свои? — 5-6
Андрей СОШЕНКО. Во что превращают Россию? — 7-8
Андрей СОШЕНКО. Кто оскорбляет народ? — 9
Андрей СОШЕНКО. Предсказуемый сценарий — 10
Андрей СОШЕНКО. Зелёные бунты на зонах — 11-12
Анатолий СТЕПАНОВ. Результат отсутствия идеологии — 4

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания — 1-2, 3, 4, 5-6, 7-8, 9, 10, 11-12

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. «И эта вера не обманет...» — 9
Руслан СЕМЯШКИН. Неустанный искатель истины. К 100-летию со дня рождения Ю.В. Бондарева — 7-8
Елена СОМОВА. Читая судьбы и стихи — 4
Любовь ФЕДУНОВА. Энергия слова в сказовой прозе Николая Шадрунова — 1-2
Людмила ВОРОБЬЁВА. Над вечностью полей — 10

ИСКУССТВО

Михаил КОВАЛЁВ. Зачем и кто навязывает Малевича — 4
Михаил КОВАЛЁВ. Соврискус — 11-12
Руслан СЕМЯШКИН. Людмила ЗЫКИНА — 5-6
Руслан СЕМЯШКИН. Философия танца Махмуда Эсамбаева — 10

КРУГ ЧТЕНИЯ

Николай ГАВРИЛОВ. Из гвардии сильнейших — 11-12
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Цветы ожидания. О книге Владимира Пронского «Воспоминания о розах» — 3
Ирина УШАКОВА. Воссоединение неизбежно! — 9
Любовь ФЕДУНОВА. С любовью и печалью — 9